

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 7 ФЕВРАЛЬ 1987

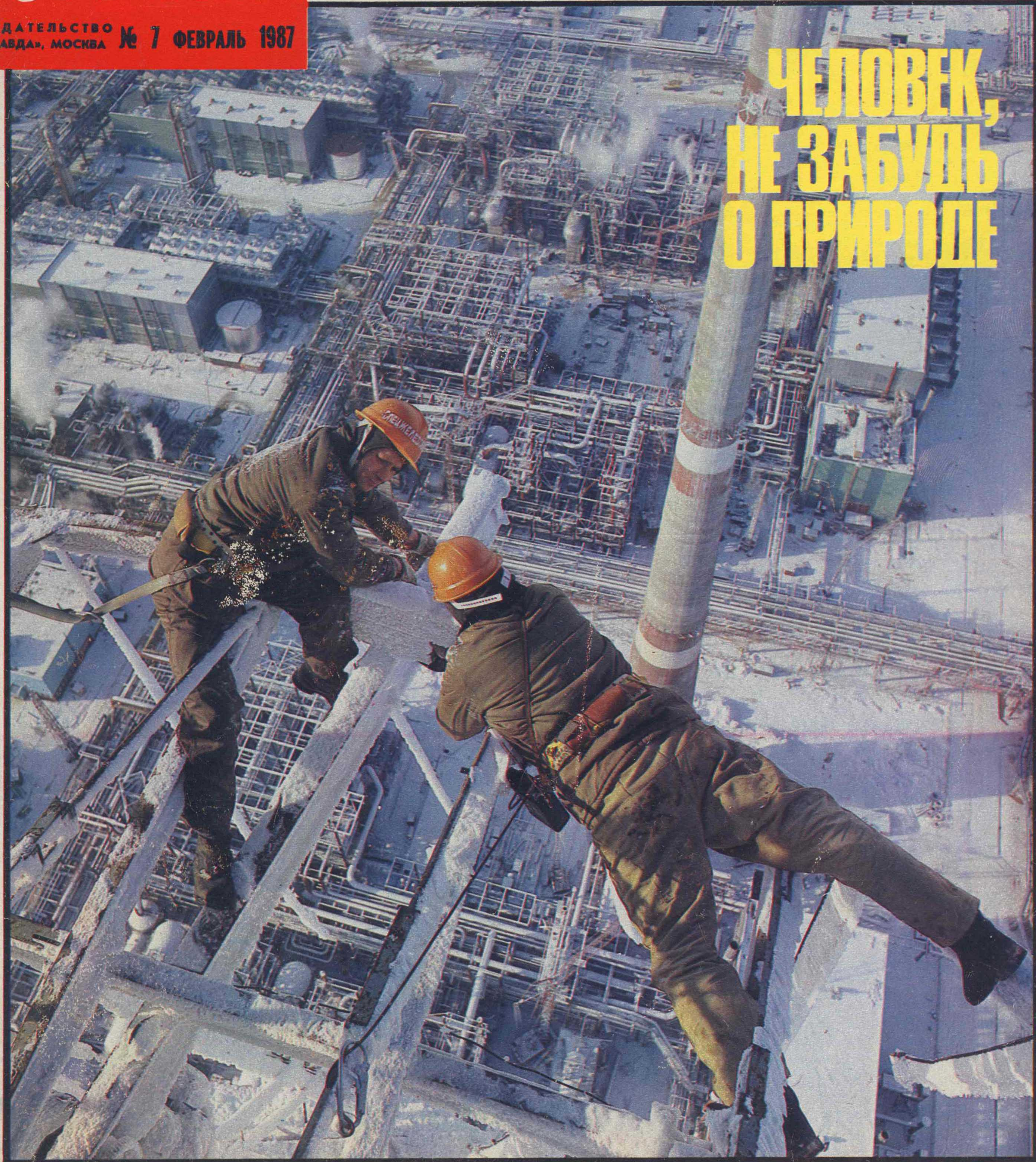
КТО БЫЛ СЫТ
В ЦАРСКОЙ
РОССИИ?

ДОСЬЕ
НА КАСКАДЕРА
СТИХИ БОРИСА
СЛУЦКОГО

АРТИСТ ЛЕОНИД
ФИЛАТОВ

ЧЕЛОВЕК,
НЕ ЗАБУДЬ
О ПРИРОДЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 7 (3108)

14—21 ФЕВРАЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

**Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ**
(ответственный секретарь),
**А. Ю. КОМАРОВ,
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ**
(заместитель главного редактора),
**Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.**

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Верхолазы
Кайбулак Хайбулаев
и Геннадий Коклин.
[См. материал
«Факелы в степи».]

Фото Виктора САККА

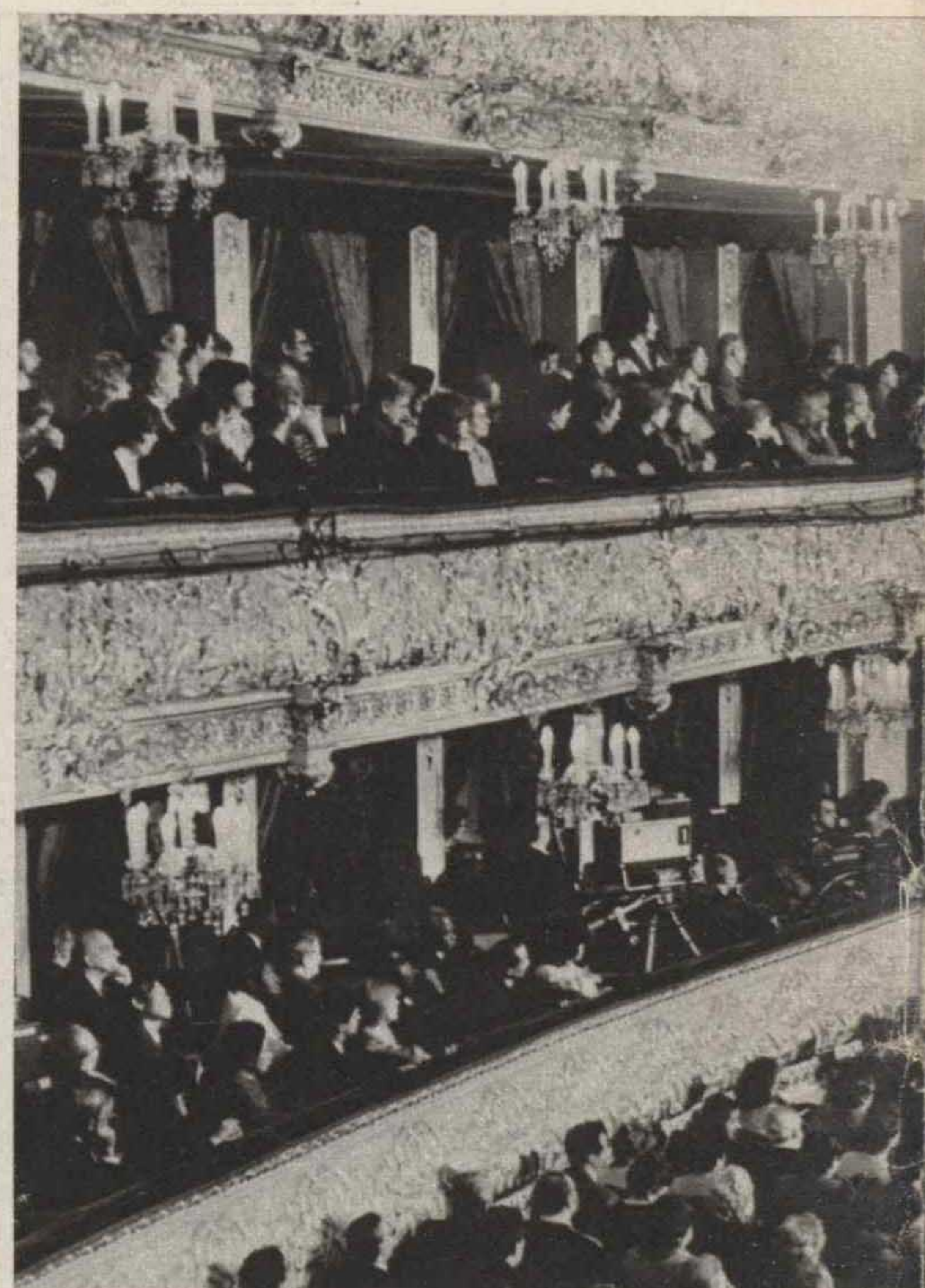
Оформление **Н. П. КАЛУГИНА**
при участии **Н. И. БУДКИНОЙ**

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международного — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.01.87. Подписано к печати 11.02.87. А00322. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 365. Заказ № 3.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ГЛУБОК, СВЕТЕЛ
И ЧИСТ МИР ПУШКИНА.
ИСПОЛНЕННЫЙ ГАРМОНИИ
И КРАСОТЫ, СОЗДАННЫЙ
ВОКРУГ ЧЕЛОВЕКА
И ОБРАЩЕННЫЙ
К ЧЕЛОВЕКУ, ОН
БЕСКОНЕЧЕН
И МНОГООБРАЗЕН,
КАК САМА ЖИЗНЬ.
ВЕЧНЫЕ ИДЕАЛЫ —
ПРАВДУ И СВОБОДУ,
ДОСТОИНСТВО, СОВЕСТЬ,
ЧЕСТЬ — ПРИНЕС В НАШ
ВЕК ПУШКИН.
И С ЭТИМИ ЦЕННОСТЯМИ
ШАГНЕТ ОН В БУДУЩЕЕ,
ПРОБУЖДАЯ ЧУВСТВА
ДОБРЫЕ В НОВЫХ
ПОКОЛЕНИЯХ, НАВСЕГДА
ОСТАВАЯСЬ ИХ ДУХОВНЫМ
НАСТАВНИКОМ
И СОВРЕМЕННОКОМ.

БЕССМЕРТИЕ ГЕНИЯ

10 февраля без четверти три часа пополудни зазвенел колокол старинного Святогорского монастыря. Минута памяти Александра Сергеевича Пушкина... Прошло сто пятьдесят лет, как не стало великого русского гения. Вернее, вот уже сто пятьдесят лет, как он обрел бессмертие.

Много воды утекло за эти полтора века, многое до неузнаваемости изменилось. Иным стал мир, иной стала родина Пушкина — но его имя нам все ближе и родней, будто бы красота этого человека и его дар становятся все совершенней.

Он был смертельно ранен на исходе зимнего дня 1837 года. Три координаты отмечают его последний путь

на земле: Черная речка, дом на Мойке и родовой погост в Святогорском монастыре.

Благоговейно склонились головы у могилы Пушкина, сотни людей собрались на Черной речке, еще и еще сотни там, где перестало биться его сердце, где теперь известный всем музей. В канун 150-летия со дня гибели поэта дом на Мойке открылся после капитальной реставрации. Слова любви и признательности, слова благодарности гению России звучали в этот день по всей стране, звучали и в городе его рождения Москве — в Большом театре состоялся вечер памяти Александра Сергеевича Пушкина.

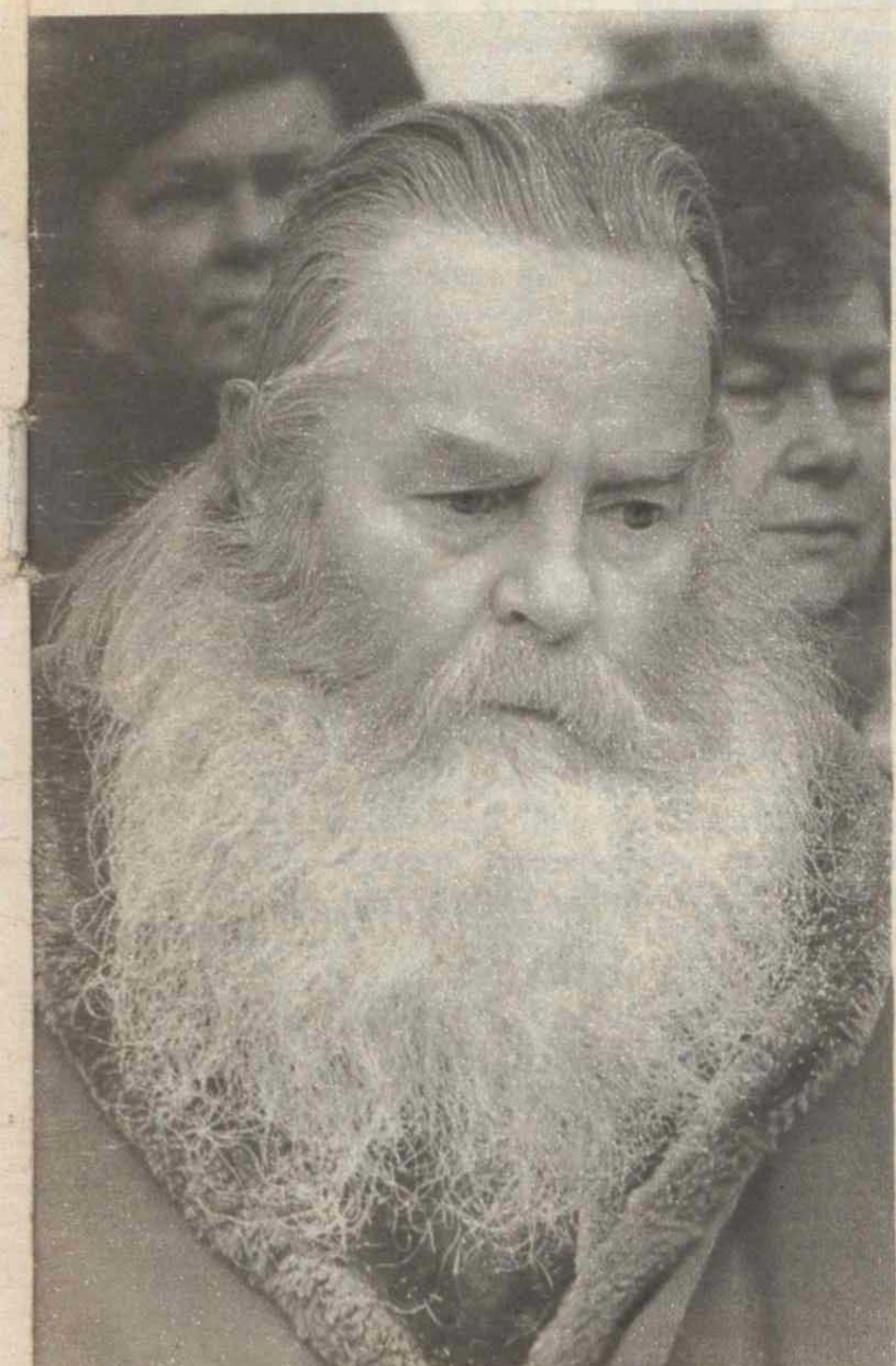

Фото Алексея ГОСТЕВА и Павла КРИВЦОВА

В ПОЛЕТЕ «СОЮЗ ТМ-2»

В соответствии с программой исследования космического пространства 6 февраля 1987 года в 0 часов 38 минут московского времени в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля «Союз ТМ-2», пилотируемого экипажем в составе командира корабля дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР полковника Романенко Юрия Викторовича и бортинженера Лавейкина Александра Ивановича.

Программой полета предусматривается стыковка корабля «Союз ТМ-2» с орбитальным комплексом «Мир» — «Прогресс-27» и проведение экипажем на его борту запланированных научно-технических исследований и экспериментов. В ходе полета будут продолжены также испытания и отработка усовершенствованного транспортного корабля серии «Союз ТМ» в пилотируемом режиме.

По данным телеметрической информации, бортовые системы корабля «Союз ТМ-2» функционируют нормально.

Самочувствие космонавтов Романенко и Лавейкина хорошее.

8 февраля 1987 года в 2 часа 28 минут московского времени осуществлена стыковка космического корабля «Союз ТМ-2» с орбитальным комплексом «Мир» — «Прогресс-27». После проверки герметичности стыковочного узла космонавты Юрий Романенко и Александр Лавейкин перешли в помещение станции.

Юрий Романенко и Александр Лавейкин перед стартом.

Фото ТАСС

15 ФЕВРАЛЯ
НА ТЕЛЕЭКРАНЫ
СОЕДИНЕННЫХ
ШТАТОВ
АМЕРИКИ
ВЫХОДИТ
14-ЧАСОВОЙ
СЕРИАЛ
ПОД
НАЗВАНИЕМ
«АМЕРИКА»,
В КОТОРОМ
ПОКАЗЫВАЮТСЯ
США...
«ПОСЛЕ
ОККУПАЦИИ
ВОЙСКАМИ
СССР и ООН».

ВОСПИТАНИЕ НЕНАВИСТЬЮ?

Александр ПАЛЛАДИН

Насчет «Америки» мне довелось полемизировать с человеком, который первым подал идею снять такой телефильм. Случилось это во время дискуссии, организованной американской телекомпанией Си-эн-эн. Против меня выставили обозревателя лос-анджелесской газеты «Геральд экзаминер», бывшего составителя речей при президентах Форде и Никсоне — Бена Стайна. В 1983 году он предложил Эй-би-си сделать сериал «Красная Америка» под девизом «Америка, пробудись!»

Девиз знакомый. В послевоенных США его взяли на вооружение маккартисты, дабы раздуть антикоммунистическую истерию. Под каждой кроватью им мерещился «красный» (у американцев это даже вошло в поговорку), чуть ли не в каждом они видели предателя, дезертира либо «пособника коммунистов». Этот тезис охотно подхватил тогда Пентагон, организовав серию радиопередач про Америку спустя 10 лет после ее захвата «русскими». Так что Эй-би-си со своей «Америкой» не оригинальна, в пору обвинить ее в плагиате.

Стайн же — плагиатор вдвойне, ибо позаимствованное им у маккартистов

«Америка, пробудись!» скопировано с нацистского клича «Дойчланд, эрвахе!»*, под шум которого Гитлер провозглашал себя императором.

Постановщики «Америки» истратили свыше 32 миллионов долларов. Рекордная, даже по заокеанским стандартам, сумма для такого рода шоу! Наверное, потому, что «Америка» — воплощенная на телеэкране заповедь покойного теоретика и практика «холодной войны» Джона Фостера Даллеса: «Чтобы заставить страну взять на себя бремя, необходимое для содержания мощных вооруженных сил, надо создать эмоциональную атмосферу, близкую к военной истерии. Надо вызвать страх перед опасностью извне».

Этим все шесть лет своего пребывания у власти занимается администрация Рейгана.

Летом 1982 года в Лондоне Рейган провозгласил «крестовый поход» против коммунизма, и вскоре с голливудского конвейера посыпались «Третья мировая война», «Огненный лис», «Белые ночи», «Воздушный волк», «Рокки-IV», «Асы», «Железный орел», «Красный рассвет», «Вторжение в США», «Рэмбо-II». Теперь эстафету подхватила «Америка», стоящая вместе с тем в этой компании особняком: свой телепаксвил Эй-би-си со-

* «Германия, пробудись!»

творила после женевской встречи на высшем уровне, где президент США обещал «новый старт» в советско-американских отношениях и где был подписан документ о расширении двусторонних культурных обменов.

В подлое, мерзкое, бесчестное дело ввязались хозяева Эй-би-си. И губительное для психического здоровья собственной нации. За период командировки в Соединенные Штаты я рассмотрел примеры того, к чему приводят подобные провокации. Из памяти не выходит расправа над американкой русского происхождения Татьяной Зеленской. В октябре 1983 года в штате Вермонт ее ни за что, ни про что застрелил местный житель Уильям Харви. Добровольно сдавшись полиции, убийца заявил, что «хотел защитить Вермонт от русских».

...Лет сорок назад в своем романе-антиутопии «1984» английский писатель Джордж Оруэлл изобразил вымышленное государство, чьи правители, ведя постоянные войны, держали подданных в состоянии массового психоза. С этой целью жителей Океании (так Оруэлл назвал вымышленную страну) ежедневно сгоняли к телеэкранам, где велись передачи, доводившие народ до истерики. Эти сеансы именовались «двумя минутами ненависти».

Показом «Америки» Эй-би-си начинает неделю ненависти к СССР.

СТАТЬЯ ЗНАКОМИТ
СО ВЗГЛЯДАМИ
ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ
НАУЧНОГО КОММУНИЗМА
НА РЕВОЛЮЦИОННОЕ
БУДУЩЕЕ РОССИИ.

1917 • 1987

АВТОР — ПРОФЕССОР АКАДЕМИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК КПСС,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК,
ПИСАТЕЛЬ. БОЛЬШОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ
ПОЛЬЗУЮТСЯ ЕГО КНИГИ О ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРЛА МАРКСА
И ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА.

К СОЗДАНИЮ РОССИЙСКОЙ КОММУНЫ...

Генрих ВОЛКОВ

21 марта 1881 года в Лондоне состоялся славянский митинг в честь десятой годовщины Парижской Коммуны. Маркс и Энгельс направили председателю этого митинга послание, в котором, оценивая революционную ситуацию в мире, предрекали, что дело неизбежно идет «к созданию российской Коммуны».

Парижская Коммуна была первым опытом установления диктатуры пролетариата. Маркс и Энгельс видели в революционной России преемницу парижских коммунаров, «штурмовавших небо». Они провидчески считали, что центр революционного движения передвигается на Восток: из Франции и Германии — в Россию.

Об этом стоит напомнить сейчас, когда буржуазные идеологи реанимируют идею о том, что русская революция пошла якобы «не по Марксу», и тщатся вбить клин между Марксом и Лениным.

В. И. Ленин внес в марксизм существенно новый взгляд на условия пролетарской революции. Он сделал вывод о возможности победы ее в одной стране. Он сделал также вывод о том, что эта революция разорвет сначала наиболее слабое звено империалистической цепи.

Выводы эти Ленин сделал не в противовес идеям Маркса и Энгельса, а творчески развивая их взгляды.

Маркс и Энгельс действительно говорили о том, что революция победит одновременно во всех наиболее развитых странах Европы. В последние годы жизни, особенно после подавления Парижской Коммуны, они все с большей надеждой обращали свои взоры на Россию. Известно, с какой тщательностью и основательностью изучал Маркс ее экономическое положение. Изучал по первоисточникам, анализируя огромный фактический материал. Для этого он — уже в пожилом возрасте — изучил русский язык.

Маркса особенно интересовала русская община как реликт коллективного ведения хозяйства. Народники — с некоторыми из них Маркс был лично знаком — уповали именно на нее. По этому вопросу они обращались за советом и к Марксу.

Вождь мирового пролетариата не был догматиком даже в отношении собственного учения. Он находил возможным, что революция в России пойдет особым путем, отличным от капиталистического Запада. «Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя».

Этот прогноз Маркса в отношении России не оправдался. Но он оправдался в отношении ряда стран современного мира, избравших некапиталистический путь развития.

Так или иначе, Маркс с надеждой смотрел на Россию, пробуждающуюся к революции. Еще в 1877 году он писал Зорге о том, что новый поворотный пункт в истории Европы будет связан с событиями в России. «Россия, положение которой я изучил по *русским* оригинальным источникам, неофициальным и официальным... давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели...» Маркс считал, что переворот начнется по всем правилам искусства с конституционных заигрываний. «...И буца выйдет отменная».

Со всей определенностью Маркс к концу жизни утверждал, что революция теперь начнется не в наиболее развитых странах, а на Востоке, «бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции».

Маркс надеялся «при благосклонности матери-природы» дожить до русской революции. Они с Энгельсом иногда слишком нетерпеливо определяли сроки революционного пожара и ошибались в них. В. И. Ленин по этому поводу писал, что «такие ошибки гигантов революционной мысли... в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма...».

Энгельс не дожидаясь до первой русской революции всего десяти лет. Но он уже сумел «заглянуть в новое столетие», в эпоху империалистических войн и пролетарских революций.

Приближающаяся смена столетий давала повод для многочисленных прогнозов и пророчеств. В большинстве своем они были радужными. Было похоже, что машины, пар, электричество скоро решат все социальные проблемы. Экономисты подсчитывали, как улучшается материальное положение рабочего класса и растет национальное богатство. Радовало, что Европу давно не сотрясали кризисы. В Германии набирал силу реформизм, в России — легальный марксизм. И тем, и другим представлялось, что период революционных бурь, классовых конфликтов и войн — дело прошлое, Европа вступает в период благополучного, спокойного развития, обещающего в перспективе всеобщее процветание.

В конце 1894 года в России умер царь. Как это обычно бывает, смерть самодержца и восшествие на престол наследника породили в определенных кругах большие надежды. На смену деспоту Александру III при-

шел мягкий по характеру, покладистый и, казалось, либеральный Николай II. Верилось, что время Победоносцева, простершего «совиные крыла» над Россией, кончилось. «Жестокый» и «железный» девятнадцатый век шел к исходу.

Кто мог тогда предвидеть кровавую бойню — первую мировую войну — и невиданные революционные встряски «родовых мук» новой цивилизации на земле? Кто мог предвидеть смертельную схватку Германии с Россией, смертельную и для династии Романовых, и для династии Гогенцоллернов?

Такой человек был.

10 ноября 1894 года Фридрих Энгельс, получив в Лондоне известие о смерти Александра III, пишет Фридриху Зорге: «...Смерть русского царя, вероятно, повлечет за собой перемену либо в результате движения внутри страны, либо из-за финансовой нужды и невозможности получить деньги за границей. Не могу себе представить, чтобы теперешняя система пережила смену монарха... Но если заварится каша в России, то и молодому Вильгельму (Вильгельму II, императору Германии. — Ред.) доведется увидеть кое-что новое. Тогда над всей Европой повеет либеральный ветер...»

Через два дня в письме к Лауре Лафарг Энгельс высказывается насчет Николая II еще определеннее: «Он почти идиот, слаб духом и телом и обещает как раз то неустойчивое царствование человека, который будет простой игрушкой в руках людей с их взаимопротиворечащими интригами, а это и нужно, чтобы окончательно уничтожить российский деспотический строй».

Какая удивительно точная и прозорливая характеристика последнего русского царя и ожидающей его плачевной судьбы! Первые месяцы правления Николая лишь подтверждали Энгельса в его первоначальном мнении. Все крепнет и крепнет его убеждение в приближающейся российской революции. «...Уж если дьявол революции, — пишет он Плеханову, — схватил кого-либо за шиворот, так это Николая II». Наконец, за несколько месяцев до смерти он замечает иронически в одном из писем, что «в России маленький Николай поработал на нас, сделав революцию абсолютно неизбежной».

Конечно, в своих прогнозах Энгельс исходил главным образом не из личных качеств российского или немецкого императоров, а из глубокого анализа экономического положения в Европе, развития противоречий между Россией и Францией, с одной стороны, Германией и Англией — с другой. Этот анализ приводил его к вы-

воду о неизбежности мирового конфликта и невозможности локализовать будущую войну. Поразительно, что он даже предвидел место вспышки мирового пожара: на Балканах! За двадцать лет до этого он писал Августу Бебелю: «Но грядущую войну, коль скоро она начнется, никоим образом не удастся локализовать, державы — по крайней мере континентальные — будут вовлечены в нее в первые же месяцы, на Балканах война вспыхнет сама собой, и разве только Англия сможет некоторое время сохранять нейтралитет».

Внимательно следя за бурным развитием капиталистических отношений в России, Энгельс к концу жизни уже определенно давал понять, что надежды народников об особом пути России к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм, становятся явно несбыточными.

России предстоит пройти все тяготы капиталистического развития. Причем отсталость страны и сохранение феодальных реликтов лишь ужесточат этот процесс, потрясение, произведенное быстрым экономическим переворотом в стране с многочисленным крестьянским населением, может оказаться гораздо более сильным и острым, чем где бы то ни было, осуществлено «лишь» ценой страшных страданий и потрясений».

Энгельс, как и Маркс, был убежден в том, что Россия чревата «событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы». По словам Энгельса, грядущий революционный переворот в России будет «ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории».

Прогноз Маркса и Энгельса относительно России сбылся в 1917 году. Октябрьская революция провозгласила образование «Российской Коммуны» — социалистического государства рабочих и крестьян.

Это стало возможным потому, что во главе революционного движения России стояла партия большевиков. Это стало возможным потому, что Ленин, отстаивая марксизм от всех искажений и ревизий, творчески развивал его в новых условиях.

В одном из писем Владимира Ильича есть проникновенные слова: «Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходиться».

Давать сокрушительный отпор всякой хуле на марксизм-ленинизм — таков завет всем нам, тем, кто претворяет и кому предстоит претворять в жизнь великие идеи светочей человечества.

ДОСЬЕ НА КАСКАДЕРА

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

ЕГО ТОЛКАЛИ С КРУТОГО ОБРЫВА,
БРОСАЛИ ЗА БОРТ ОКЕАНСКИХ ЛАЙНЕРОВ,
И ОН НЕ ДРОГНУЛ.
ОН ИСЧЕЗАЛ
В ПУЧИНЕ ВОЛН, ГОРЕЛ ДЕСЯТКИ РАЗ,
В ГОРАХ, БЕЗ СТРАХОВКИ, ЗАВИСАЛ
С БЕССТРАШИЕМ КАСКАДЕРА НАД ПРОПАСТЬЮ.
ПОТОМУ ЧТО И БЫЛ КАСКАДЕРОМ, ПОТОМУ ЧТО
ЭТОГО ТРЕБОВАЛО КИНО. ЭТОГО ЖДАЛ ЗРИТЕЛЬ.

БЕЛЫЙ ФЛАГ ДОЦЕНТА

Владимир Жариков уже давно привык к риску. Попадая в очередную экстремальную ситуацию, он стойчески выдерживал любые перегрузки. Но однажды не выдержал, сдался, спасовал, выбросил белый флаг. И случилось это не на крыше горящего дома, не над крутым обрывом — в тиши кабинета: положил на стол заявление об уходе...

Поступок этот мог бы и не обеспокоить, не будь Жариков положительным героем одного из очерков «Огонька» и не приди в редакцию один отрицательный отклик. Уже в поезде Москва — Одесса раскрываю второй номер журнала за 1985 год («Быть каскадером»):

«Каскадер из Одессы Владимир Жариков. Снимался в... десятках фильмов... кандидат философских наук, доцент... А еще постоянные тренировки, еще институтская общественная работа и работа над докторской диссертацией...»

И тут же вчитываюсь в анонимное письмо, позвавшее в дорогу:

«...О Жарикове часто пишут в газетах и журналах. Но нельзя же уделять ему так много внимания, раз он этого не заслуживает. Как бы не пришлось журналу когда-нибудь публиковать опровержение по поводу таких «героев», как Жариков... Не верите? Тогда спросите у коллектива, где прозябала эта известность...»

Поэтому прямо с вокзала спешу в коллектив, где «прозябал» кандидат философских наук Владимир Жариков. На мой визит коллектив загудел потревоженным ульем:

— Жариков превратил кафедру в место получения нетрудовых доходов!

— Он посмел критиковать нашего завкафедрой!!

— Вы бы почитали последний выговор, а их у него тьма-тьмущая!..

Шум возмущенных голосов рос. В воздухе витал дух опровержения.

— Лучше загляните в его личное дело, — подсказала старший преподаватель В. Чернова. — Заведена тут одна папочка на него.

«Папочка», оказывается, покоилась за двумя замками в ящике персонального стола Петра Спиридоновича Задирако — заведующего кафедрой философии и научного коммунизма Одесского инженерно-строительного института (под его началом Жариков проработал шесть лет).

Глазам моим предстало своеобразное досье... Но сначала ознакомлю с документами другого рода и с фактами, о которых в основном почему-то так упорно умалчивали возмущенные коллеги бывшего доцента.

ЧЕМ «ОПАСЕН» ЖАРИКОВ!

Внимательно листаю бумаги:

«...Зарекомендовал себя хорошим педагогом — воспитателем студенческой молодежи», «Читает лекции по курсу «Научный атеизм» на высоком идейно-теоретическом и методическом уровне, успешно занимается научно-исследовательской работой, принимает активное участие в общественной жизни коллектива...»

Ладно, оставим заезженные формулировки — человека за ними все равно не увидишь, может быть, удастся узнать что-нибудь поконкретнее?

Узнал. Узнал, например, что студенческая молодежь бесцельно слонялась по общежитию. И вот в институтской газете появляется аншлаг:

«Приглашает клуб «Глобус!» «...Цели и задачи «Глобуса» чрезвычайно важны: расширить политический кругозор молодежи, воспитывать кинематографическую культуру... После просмотра каждого фильма — обсуждение. Руководит работой клуба его создатель, доцент, кинокаскадер В. Жариков».

Узнал, что бесцельно слоняющихся студентов стало меньше. (Сейчас, правда, клуба не существует.)

Жариков — желанный гость в студенческом общежитии, председатель институтского совета по научному атеистическому воспитанию, куратор школы атеистов Килийского района, член и лектор областного общества «Знание». И это далеко не все.

Ищу его фамилию в журнале педагогической нагрузки: отработанных часов ежегодно — 600—650 (при норме 550); общественных лекций за один только учебный год — 90. Это примерно столько же, сколько вся (!) кафедра из 18 человек. Но и это не все.

Поступали в институт неохотно. Доходило до недобора. Но молодежь соседних областей переписывалась с Жариковым, как с известным мастером кинотрюков, как с основателем общественной школы одесских каскадеров. А он лично рассылал по городам и селам письма следующего содержания:

«Уважаемый... В школе каскадеров могут тренироваться лишь те, кто проживает в г. Одессе, где и находится наш ОИСИ. У меня есть к тебе предложение. Приезжай и поступай в наш институт... Поступив в ОИСИ, ты не только приобретешь нужную стране специальность, но и сможешь поправить свои силы в школе кинокаскадерской подготовки. До встречи. Жду. С уважением кинокаскадер, кандидат философских наук В. Жариков».

И неудивительно, что поток желающих увеличился.

А сколько он выступал с проблемными статьями в центральной прессе! Впрочем, не меньше было и о нем: «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Огонек», «Неделя», «Социалистическая индустрия», «Студенческий меридиан», «Советский экран», «Советский фильм» и еще более десятка газет, журналов, читателей которых просили написать о каскадере, философе, работнике института (а разве это не поднятие престижа института? Ведь практически во многих газетных материалах и статьях о философе-каскадере, в интервью с ним часто упоминается сам ОИСИ, где преподавал Жариков).

ЧЕЛОВЕК С «ДВОЙНЫМ ДНОМ»!

Невольно становились читателями и сослуживцы каскадера.

«Нескромно все это...» — сначала рождается в коллективе пока робкое, но уже мнение.

«Ведет двойную жизнь», — приходит кому-то на ум.

«Шабашничает на стороне», получая левые деньги! — осеняет кого-то. — Живет не как все. Нескромно это».

Но о философе-каскадере продолжают писать газеты. Крепчает и шум на кафедре.

— Ваша нескромность ярко освещена прессой! — вдруг патетически восклицает на собрании старший преподаватель И. Амангалиев.

— Ваше кинотрюкачество мешает общему преподавательскому делу, — все чаще слышит он от сослуживцев. — Выбирайте: или кафедра, или каскадерство!..

«Согласен, мой выбор может показаться даже парадоксальным, — отвечает философ корреспонденту киевской «Рабочей газеты», — но для меня он логичен. Профессия каскадера — это моя опытная лаборатория, полигон для испытания самого себя. Как философа меня интересует человек, — его биологическая, психологическая и социальная сущность. Это, наконец, тема моей докторской диссертации».

И не менее вразумительно отвечает коллегам.

— Нескромно... Не прислушивается к нам (!), старшим товарищам, — гнут свое некоторые из них.

Но, не внемля их речам, возгордившийся Жариков продолжает свой нескромный вояж по страницам газет. Не спросив старших товарищей и лично завкафедрой П. Задирако, смеет он отвечать на вопросы «Комсомольской правды»:

«Не бояться поражения — этому надо учить сегодня молодежь. Огорчительно, что в школе одобряют только примерных и всячески приглаживают ершистых...»

Я провел опрос среди студентов на тему: почему они боятся выступать на собраниях, критиковать, почему

СИТУАЦИЯ, КОТОРОЙ ТРУДНО НАЙТИ НАЗВАНИЕ...

Если бы речь
шла
только о том,
как
беспардонно
обошлась дирекция
Дворца спорта
с самым
доброжелательным
в мире
зрителем,
может, и не стоило
затевать
этот разговор...

Начиналось все так прекрасно!
Рекламы, анонс в «Вечерке» обещали концерт авторской песни в роскошном Дворце спорта «Измайлово». Имена звезд популярнейшего жанра сияли со скромных афиш: Дольский, Городницкий, Долина, Суханов, Кукин, Егоров, Федоров, и законно первым, набранное крупным шрифтом, стояло имя Окуджавы.
Любителей авторской песни не остановила ни нынешняя суровая зима — Дворец спорта находится весьма далеко от центра столицы, к нему надо ехать автобусом от метро «Преображенская», ни изрядная, прямо скажем, цена на билеты — три рубля. Правда, мне еще в детстве объяснили, что о деньгах не говорят, это считается дурным тоном, но я постараюсь все-таки объяснить, почему была вынуждена пренебречь таким хорошим правилом. Но все по порядку. Итак, начало было прекрасным.

Много более скромное, чем самая незаметная из афиш, размером в два листа обычного формата, в огромном фойе дворца висело коротенькое объявление, сообщавшее, что в связи с болезнью в концерте не принимает участия Булат Окуджавы. Оно, конечно, многих повергло в уныние, но, понимая, что и великие подвержены простудам и прочим напастям, все двинулись в зал, надеясь, что свет иных звезд рассеет огорчение.

Концерт долго не начинался, зрители томились, ожидая; наконец, вышел ведущий, тоже автор-исполнитель, и поведал следующее. В программе, мол, по разным, несомненно, уважительным причинам не будут выступать: Дольский, Суханов, Долина, Кукин, Егоров, Сергеев, Федоров... Список продолжался, он не был коротким, и, как вы понимаете, пока ведущий дочитывал его до конца, каждый из сидящих в зале тем или иным, продиктованным собственным разумением или воспитанием способом старался выразить свое неодобрение. Но недаром говорят,

Окончание на странице 8.

легко подчиняются? Ответы (анонимные) были однотипными: «Я выступлю, а меня начнут притеснять». Через пару лет ты придешь на завод инженером, начнешь возмущаться порядками. А кто их установил? Такой же молчаливый, не желающий неприятностей».

Но в отличие от того осмотрительного студента каскадер молчать просто не мог. И в первую очередь не молчал он о духе формализма и бумаготворчества, процветающем на кафедре, плохо налаженной научной работе и многом-многом другом.

Впрочем, положение дел на кафедре беспокоило и ректора института Л. Мазуренко:

«Критическим представляется положение на кафедре Задирако...», «Кафедра практически не располагает резервом... Можно ли говорить о какой-то преемственности?..», «У многих преподавателей отсутствует научная продукция. В XI пятилетке не опубликовано ни одной научной работы у 10 преподавателей из 18».

— Кто дал вам право критиковать Задирако? — негодовал И. Амангалиев. — Кто вы такой?!

Это, естественно, не в адрес ректора — в адрес Жарикова. Каскадер становился возмутителем спокойствия, опасным человеком, клеветником, шантажистом. Ярлыки клеили, не заботясь о выборе средств. Вот, например, заявление Задирако в УВД Одессы, согласно которому в квартире профессора зазвонил телефон.

— Кто говорит?

— Об этом узнаешь через два дня... Речь идет о Жарикове. Его надо отпустить на три дня из Одессы... А не отпустишь, получишь вилы в бок...

В очередном абзаце заявления профессор писал следующее:

«Вновь пришел незнакомый мужчина ко мне в кабинет, но уже другой (среднего роста, худощавый, в длинном шляпе)... Мы посмотрели друг на друга, он быстро поправил шляпу и скрылся...»

И, естественно, резюме:

«Все эти формы шантажа, я чувствую, направляются одной рукой. А кому принадлежит «рука» или «руки», я не знаю. Но в одном не сомневаюсь, здесь не последнюю скрипку играет каскадер Жариков В. Ю.»

Итак, информация к размышлению получена. Ну, а кто и какую «играл скрипку» в этих детективных историях, читатель вскоре поймет сам. А пока полистаем обещанное досье.

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЗНАТОКИ

Петр Спиридонович торжественно достает его из служебного стола.

— Полюбуйтесь-ка... — протягивает он мне ворох бумаг, не скрывая довольной улыбки на лице.

Любуюсь. Документы (протоколы собраний кафедры, рапорты на каскадера Жарикова) в некоторых местах скорее напоминали протоколы допроса преступника, а не беседы с доцентом института.

Читаю выписку из собрания кафедры:

«Амангалиев И. Вы получаете деньги за работу каскадером?»

Жариков В. Да. Каскадерский труд дает большой экономический эффект государству, а не только для меня лично.

Багаев К. На каком основании вы делаете такой вывод?

Жариков В. Я снялся в 47 фильмах. Например, фильм «Пираты двадцатого века», где я был постановщиком трюков и каскадером, посмотрело около 90 миллионов кинозрителей. Это десятки миллионов рублей. Фильм, чтобы его снять, стоил около 500 тысяч рублей. Вот и судите сами. Без трюковых, каскадерских сцен его едва ли посмотрели бы даже 10 миллионов зрителей».

Какой бы протокол заседания кафедры в основном я ни брал, везде первым и очень долгим словом было слово Задирако — руководитель за-

давал нужный тон подчиненным. И подчиненные шли в атаку, перемывали кости неуголному сослуживцу. Правда, не все шли. Но «не всех» были единицы, и они в основном отмачивались.

Задирако же мечтал освежить досье новыми бумагами, посадить на мундир пятно покрупнее, подпортить, наконец, личное дело. Оставалось дожидаться удобного случая, который, как и положено случаю, представился. Стоило задержаться с вылетом самолета из Красноярска (а Жариков возвращался им из командировки), как рапорт Задирако тут же лег на стол ректора. Но проведенное служебное расследование серьезно разочаровало подателя бумаги.

Впрочем, через неделю фортуна улыбнулась-таки Петру Спиридоновичу. Произошло это так.

Срочное задание написать три рецензии на студенческие работы дал Жарикову сам Задирако в пятницу. И в субботу подчиненный отпросился у него писать рецензии дома — на кафедре для этого не было специальной литературы. За субботу доцент выполнил работу и в понедельник утром принес на кафедру. Но на столе ректора уже лежал рапорт Задирако: Жариков обвинялся в нарушении трудовой дисциплины. Устное разрешение Задирако будто бы уже и не давал. Согласно резолюции администрации, выговор объявлялся «за выполнение задания на дому». Заметьте: не за безделье, а за работу (!), не благодарность, а выговор (!)...

И все-таки выговора за работу на дому показалось тогда Задирако мало. И он напряг свой профессорский ум, вследствие чего и родилась та информация для размышления о «вилах в бок», таинственных незнакомец и угрозах. Расчет был верен: подпустить в ОИСИ слух, а там пусть каскадер доказывает. В народе это называется сплетней, у юристов — клеветой.

Информация к размышлению выдавалась сослуживцам чаще по утрам. При этом информатор заходил на кафедру и, дождавшись идеальной тишины, набирал в легкие побольше воздуха и...

Слушатели переваривали информацию и осуждающе смотрели на присутствующего тут же Жарикова. Задирако же уходил к себе в кабинет и ждал, когда сломится каскадер, придет к нему на поклон.

ВКК ПРОТИВ ОРЗ

Но каскадер не унимался, продолжая критиковать работу Задирако как заведующего кафедрой.

«Брось. Чего ты добиваешься?» — советовали ему друзья. Но сдаваться было не в его правилах.

«...Жить, спрятавшись в свою скорлупу, тихо, бесконфликтно, возможно, удобно, приятно, но пресно, — еще долго до обострения конфликта отвечал он корреспонденту «Студенческого меридиана». — Стремление же к новому, прогрессивному всегда связано с определенной долей риска. Создавая новое, ты отвергаешь старое, а значит, входишь в неизбежный конфликт с реальными носителями старой идеи, которые нередко обладают властью...»

А так как властью был наделен именно Задирако, то все жариковские «прошу» летели в корзину.

Просит он отпустить на чтение платных лекций в пользу Чернобыля. Отказ.

«Прошу меня откомандировать в г. Херсон для проведения профориентационной работы в средних школах», — пишет он на имя ректора института. «Завкафедрой Задирако П. С. отказался отпустить доцента Жарикова В. Ю.», — читаю на заявлении. И лишь после вмешательства ректората Жариков с опозданием едет в Херсон по сугубо институтским делам.

Стоило каскадеру заболеть — Задирако лично или кто-то из его подчиненных идет с проверкой к нему на дом. Не с апельсинами или с цветами, а с «проверкой». И Задирако так увлекся, что однажды, поставив под сомнение работу врачей поликлиники № 1 Ильичевского района, добился у главврача такой письменной гарантии: «Выдача больничных листов гр. Жарикову взята под контроль врачебно-консультативной комиссии».

А помимо всего этого, слухи, подпущенные Задирако, продолжали расползаться по всему институту. Пропущенные через умы сослуживцев сплетни уже превратились в неоспоримые на вид факты. А тут еще появляется следователь из УВД В. Щадных. Так вот он каков, этот Жариков, им уже УВД интересуется! Сплетня становится достоянием не одной кафедры, а всего института. И чтобы убедиться в этом, иду на другую кафедру.

— Что вы знаете об отношениях Жарикова с Задирако? — интересуюсь у зав. кафедрой политэкономии Н. Пильгуй.

— То, что Жариков угрожал Задирако...

— И откуда это известно?

— Говорят...

— А об этом многие знают... — информирует меня уже другой зав. кафедрой, электромеханики и автоматики, Г. Якименко. — Я, например, от общих знакомых в городе слышал...
Передо мною снова досье. Хозяин папки каждый раз хочет выудить из нее что-нибудь «поубедительнее».

— А это письмо Жарикова в газету «Известия», в котором он клеветает на меня, называя вором и негодяем...

— Но письмо-то написано и подписано некой Никитиной из Феодосии, — недоумеваю я. — Значит, она и клеветает.

— Да какое это имеет значение! — удивляется моей бестолковости комментатор. — А она потом сказала, что написано это Жариковым... Теперь-то понятно?..

Так ничего и не поняв, я прощаюсь с обладателем «компрометирующих» каскадера ценных документов и уже с большим облегчением выхожу в коридор. С облегчением, потому что окончательно для себя уяснил: Владимир Юрьевич Жариков, герой репортажа журнала «Огонек», чист перед читателями, чист перед редакцией!

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

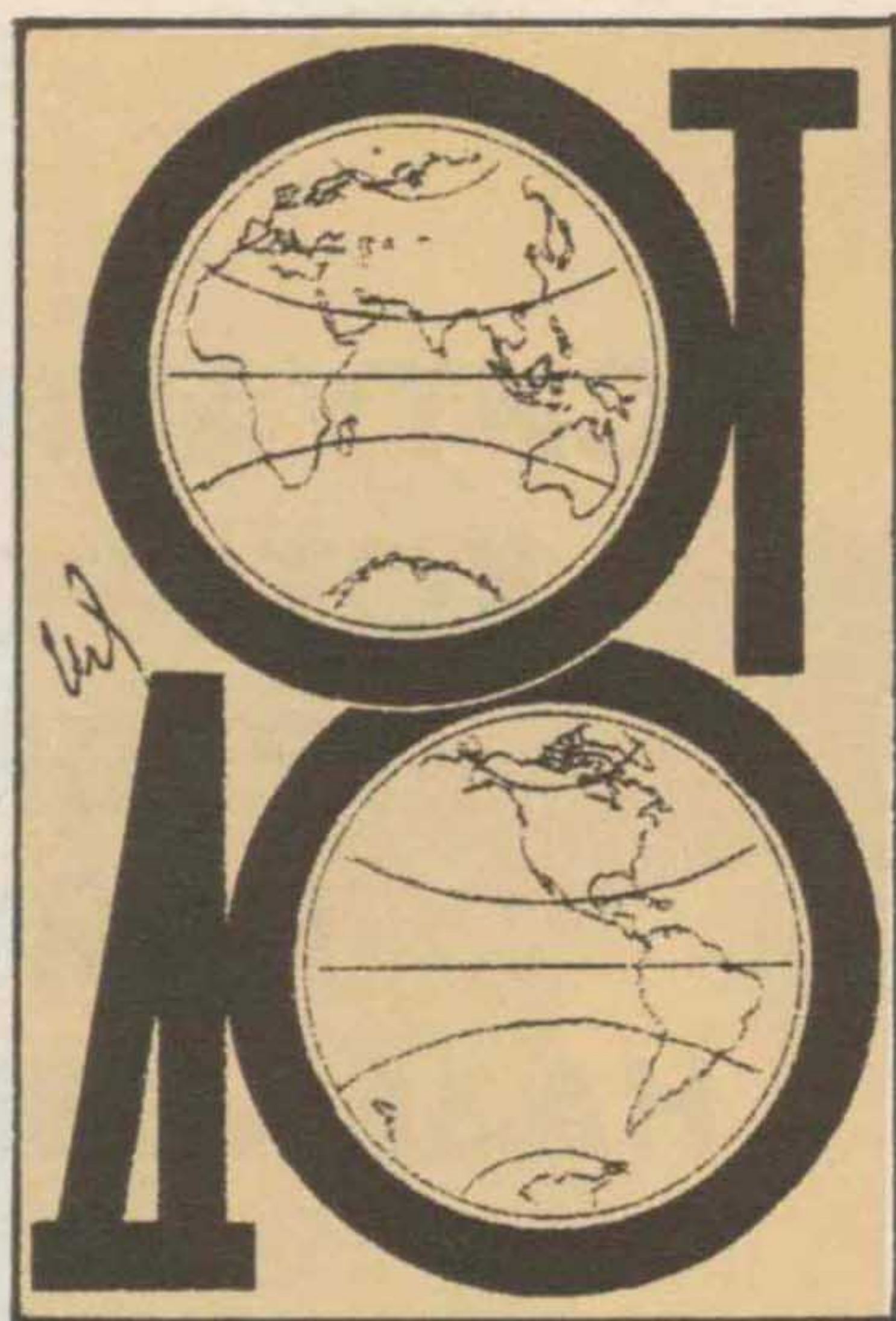
По институтским коридорам расходились в свои аудитории сегодняшние студенты — завтрашние строители. Все они любили жариковские читаемые не по бумажке лекции, семинары и с удовольствием посещали организованный им клуб «Глобус». Они тянулись к нему не только как к каскадеру, философу, преподавателю, но и просто как к отзывчивому человеку.

Иными словами, из института ушел человек, не выдержав моральных перегрузок, несправедливости. Он, Владимир Жариков, закаленный каскадер, выполняющий трюки высшей категории риска, мастер спорта по боксу, привыкший к честному и открытому рингу, оказывается бессильным перед неосознанной, неуловимой Сплетней.

И ушла не какая-нибудь бездарная личность, а ушел нужный институту, студентам инициативный человек. И многих на кафедре это обрадовало, так как ушел возмутитель спокойствия.

Но единственное, что успокаивает, — то, что сегодня, в дни перестройки, Жариков не останется за бортом жизни.

Ведь такие, как он, нужны всем нам.

КАПИТАН НЕ ПОКИНУЛ ИСТРЕБИТЕЛЬ

ЖИВОИН ПЕТРОВИЧ, ПИЛОТ ОДНОЙ ИЗ АВИАЦИОННЫХ ЧАСТЕЙ ЮГОСЛАВСКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ, СЕГОДНЯ ЕДВА ЛИ НЕ САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ЛИЧНОСТЬ В СТРАНЕ, ОСОБЕННО СРЕДИ БЕЛГРАДСКИХ МАЛЬЧИШЕК. ВОТ ПОЧЕМУ.

Был, как теперь говорят, самый обычный тренировочный полет. На пятой минуте, когда высотомер «отсчитал» 5000 метров, погасли датчики приборной панели, отключилась связь с руководителем полетов. Отказал генератор электропитания, что происходит крайне редко. Вышел из строя и резервный аккумулятор... Никакие попытки «оживить» приборы истребителя успехом не увенчались. По инструкции следовало незамедлительно катапультироваться.

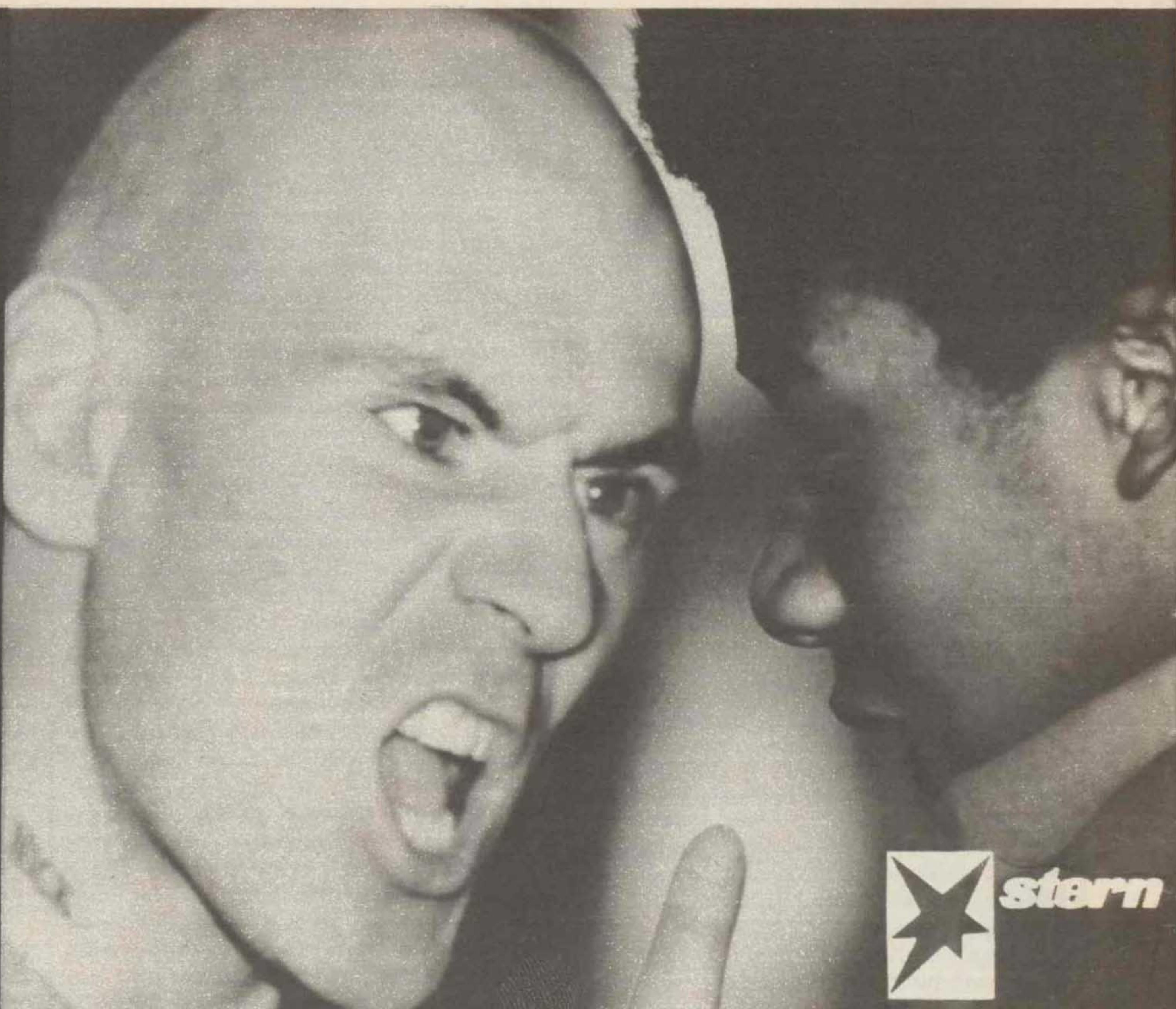
Но капитан принял решение: не оставлять машину, ведь внизу были селения. Каким-то чудом он вывел самолет к аэродрому.

Причиной невероятного отказа, как выяснилось позже, стали мощные разряды в грозовых облаках, сквозь которые пролетал самолет.

ОСТОРОЖНО, БРИТОГОЛОВЫЕ!

«Пошел прочь из нашего района! Если не провалишься сквозь землю, знаешь, что тебя ждет!» — прокричал Ник Крэйн в лицо Мухаммаду Зархи. Эта сцена произошла на лондонской улице Карнаби-стрит, где случайно повстречались воинствующий расист из банды «скинхедс» («бритоголовые») и молодой выходец из Пакистана, приехавший с родителями на заработки и проживающий в лондонском районе Ньюхем.

Полиция предпочла не заметить инцидент с иммигрантом, поскольку само британское правительство подогревает чувство расовой ненависти к выходцам из Африки, Азии, Латинской Америки. Вольготно чувствуют себя «скинхедс», боевики из состава «Британского движения», «Национального фронта», полуполицейской «Колонны-88» на улицах городов Объединенного королевства, маршируя и скандируя свой лозунг «Власть белым!».

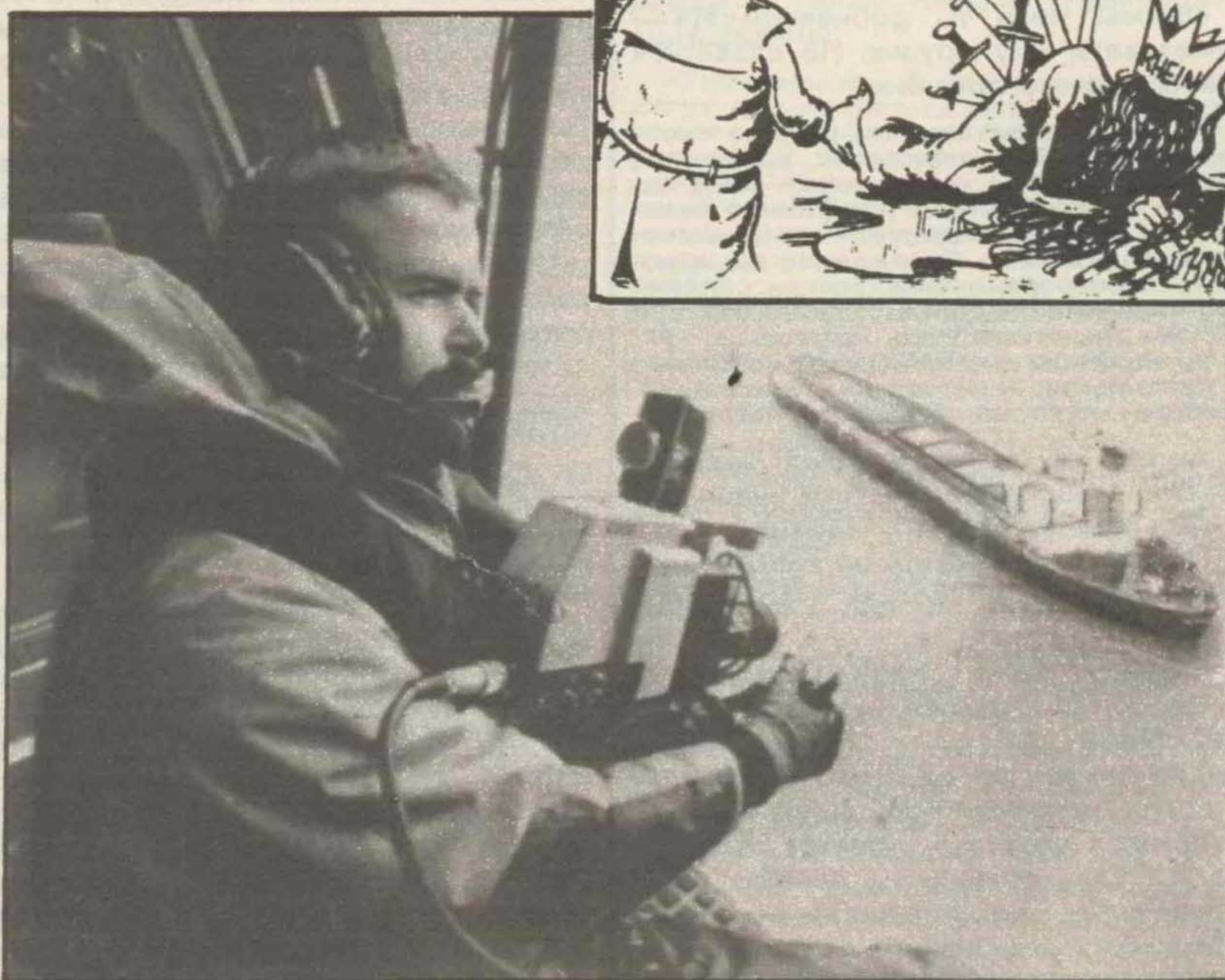
ПРИЗЫВ К НЕБЕСАМ

Помочь голодающим просит 22-центовая марка, выпущенная почтовым ведомством США. Призыв (даже в таком виде) спасти умирающих без куска хлеба на улицах Нью-Йорка, Чикаго, Бостона и других городов, быть может, и благороден сам по себе, если бы не был направлен в пустоту. Миллионам тех, кто перебивается на гроши в богатейшей стране капиталистического мира, вряд ли суждено раскошелиться богачей более чем на стоимость знака почтовой оплаты.

Help End Hunger USA 22

ГИБНЕТ СЕВЕРНОЕ МОРЕ...

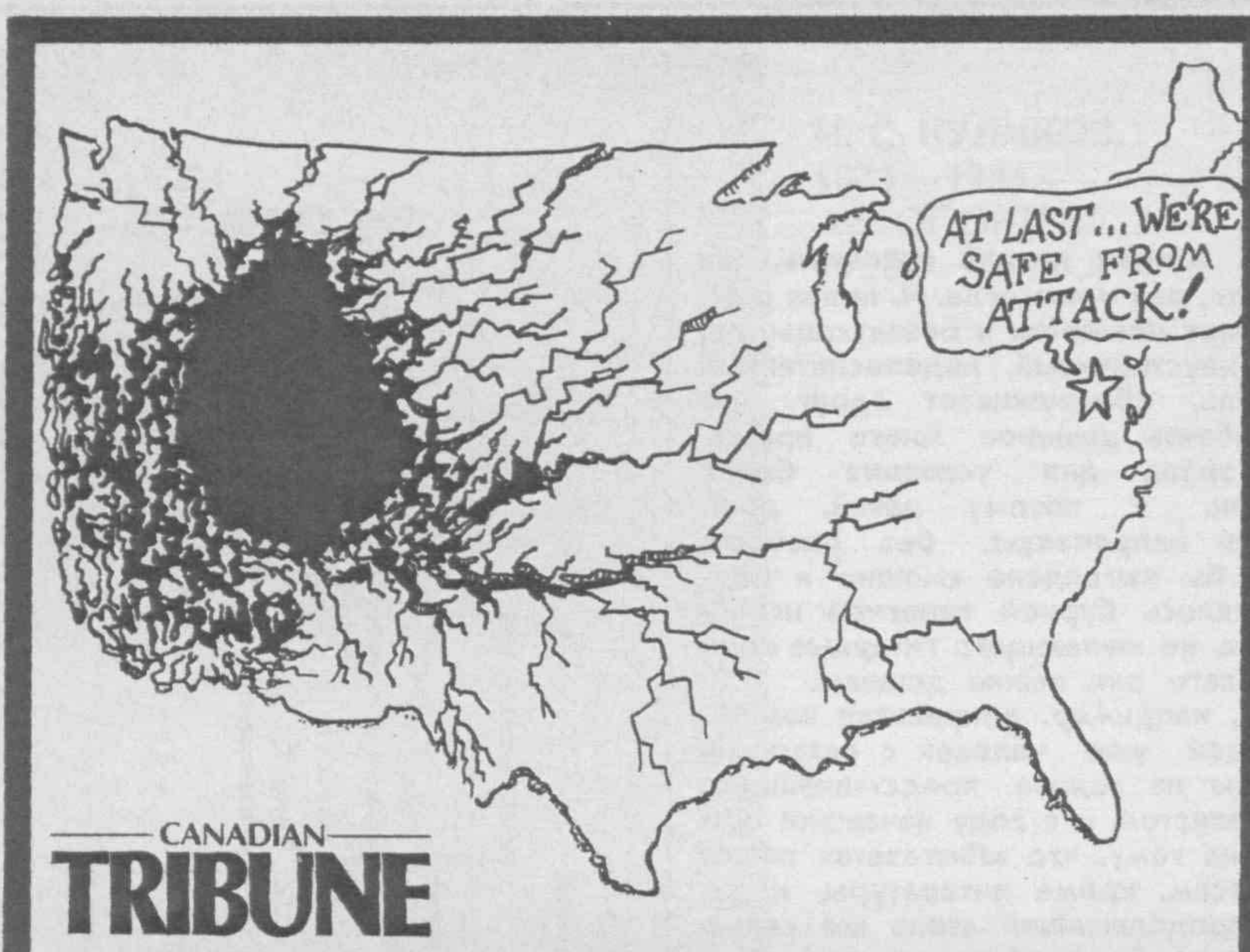
DER SPIEGEL

Неутешительны выводы западногерманских ученых, которые занимаются проблемами охраны окружающей среды. Угроза нависла над Северным морем, в которое впадает Рейн, уже превращенный химическими предприятиями в сточную канаву. Как следствие перемешивания кислот и щелочей с морской водой, образовались ядовитые химические соединения, пагубно влияющие на флору и фауну. Первыми начали погибать рыбы. Исчезли весьма стойкие к примесям виды водорослей. «Спаси Северное море!» — с таким призывом выступила группа ученых.

Сейчас в небе над Северным морем все чаще стали появляться вертолеты службы защиты, с помощью телекамер ведется наблюдение за транспортом — одними из виновников загрязнения. А в газетах тем временем появляются такие вот карикатуры: надпись на короне поверженного химическими концернами Нептуна — «Рейн».

ИТАЛЬЯНСКИЕ ХРАНИТЕЛИ СТАРИНЫ СНОВА УДИВИЛИ НЕ ТОЛЬКО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЖИВОПИСИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ, НО И ИСКУШЕННЫХ В ТАКИХ ДЕЛАХ СПЕЦИАЛИСТОВ И ИСКУССТВОВЕДОВ. НА ВЫСТАВКЕ ВО ФЛОРЕНТИЙСКОМ ПАЛАЦКО ВЕККО БЫЛИ ПОКАЗАНЫ РАБОТЫ, НАД КОТОРЫМИ ДОЛГИЕ ГОДЫ ТРУДИЛИСЬ РЕСТАВРАТОРЫ. ВСЕОБЩЕЕ ВНИМАНИЕ ПРИВЛЕКЛА КАРТИНА НА ДЕРЕВЕ, ПРИПИСЫВАЕМАЯ КИСТИ МАСТЕРА ДЖОТТО. ВПЕРВЫЕ О НЕЙ ЗАГОВОРИЛИ БОЛЬШЕ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ НАЗАД, В НОЯБРЕ 1966 ГОДА. ОДНАКО ВСЕ ПОПЫТКИ ПРИДАТЬ ШЕДЕВРУ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВИД ЗАКАНЧИВАЛИСЬ НЕУДАЧЕЙ, И ПОНАДОБИЛИСЬ ГОДЫ, ЧТОБЫ, НАКОНЕЦ, РЕШАЮЩЕЕ СЛОВО СКАЗАЛА СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНИКА. ОКАЗАЛОСЬ, ПОД СЛОЯМИ КРАСКИ ЕСТЬ НЕЧТО, СОВСЕМ НЕ ПОХОЖЕЕ НА ВИДИМОЕ ВЗОРУ В ТРЕЩИНАХ И ПОЗДНЕЙШИХ ДОРИСОВКАХ.

СЕЙЧАС СЛОЖНАЯ И КРОПОТЛИВАЯ РАБОТА ПОЗАДИ. СОМНЕНИЙ ТЕПЕРЬ УЖЕ НЕ ОСТАВАЛОСЬ — ЭТО ИМЕННО ДЖОТТО. КАРТИНА ЗАНЯЛА СВОЕ МЕСТО В ПАЛАЦКО В РЯДУ НЕ МЕНЕЕ ЗНАМЕНИТЫХ РАБОТ ТИЦИАНА, ДОНАТЕЛЛО, ПЬЕРО ДЕЛЛА ФРАНЧЕСКА И ДРУГИХ МАСТЕРОВ ВОЗРОЖДЕНИЯ. ТАКИМ НА СНИМКАХ ВЫГЛЯДЕЛ ШЕДЕВР ДЖОТТО ДО (ВЕРХНИЙ) И ПОСЛЕ (НИЖНИЙ) РЕСТАВРАЦИИ.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСУНОК

Так символически художник изобразил последствия нескольких сотен подземных ядерных испытаний в штате Невада. Голос из Вашингтона: «Уж мы-то по крайней мере вне зоны досягаемости этой атаки!»

БЕРЛИНУ — 750 ЛЕТ

Если в истории основания «Афин на Шпрее» есть еще некоторые тайны, то одна деталь известна точно: самое старое в Берлине место находится вблизи сегодняшнего моста Мюлендамм. Здесь проходили важные торговые пути из Магдебурга во Франкфурт-на-Одере и из Нюрнберга к берегам Северного моря. Там, где сходились эти пути, по берегам Шпрее селились ремесленники и купцы, была сооружена первая церковь, позднее ратуша.

Уже около 1230 года, когда начала развиваться торговля, поселения намеревались получить статус города. А поскольку письменный источник впервые говорит о дате 28 октября 1237 года, получается, нынешней осенью Берлину 750 лет. Юбилей готовятся отметить не только в ГДР, но и за ее пределами. А сам «Город мира» (этого звания удостоен Берлин) тем временем хорошеет, ко дню своего рождения он удивит гостей праздника многими приятными сюрпризами.

DDR-REVUE

КТО ЕСТЬ КТО

Герман АКСЕН, член Политбюро, секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии.

— Из Европы, и в особенности с немецкой земли, никогда больше не должна исходить война, а должен исходить только мир. Трудное строительство новой жизни после 1945 года не должно оказаться напрасным. Мир для нас, для наших детей и внуков, стабильный мир со все меньшим количеством оружия является, по нашему мнению, не только достойным стремления, но и достижимой целью.

Эдвард КЕННЕДИ, видный политический деятель США, сенатор-демократ.

— Отдав предпочтение сомнительным и весьма дорогостоящим попыткам создать систему стратегической обороны через десять, а возможно, и более лет и отказавшись от реальных радикальных сокращений в нынешних ядерных арсеналах, Рейган дал пищу для широко распространенных опасений, что в конечном счете он не серьезно подходит к контролю над вооружениями. Соглашения о контроле над вооружениями дают для национальной обороны США больше, чем дорогостоящие ультрасовременные системы оружия.

Александр КРАВЧУК, министр культуры и искусства Польской Народной Республики.

— Я считаю, что в Польше настоящими плюралистами, то есть людьми, уважающими чужие взгляды, являются те, кто на стороне социализма. Вместе с тем нельзя отвергать то обстоятельство, что у граждан, лояльных по отношению к социалистическому строю, могут быть различия в концепциях. С другой стороны, те, кто громче всех кричит о своей неистребимой приверженности плюрализму, убеждены, что только они правы. Если бы они, не дай бог, пришли к власти, это было бы страшно. Это была бы диктатура либералов.

что наша публика самая доброжелательная в мире [или, может быть, нас просто отучили возмущаться даже вызывающе откровенной халтурой!..], посему могучий гул, сквозь который можно было разобрать отдельные выкрики «Отменить концерт!», понемногу стал утихать, а ведущий, меж тем, торопливо объяснял, что за сценой, мол, собрались ни в чем не повинные авторы, которые мечтают нас порадовать, нам поведать, по возможности восполнить и т. д. и т. п. [Хочется, правда, задать, и непременно в скобках, скромный, так сказать, вопрос: как достало у многих из них смелости выйти на сцену вместо Окуджавы!]

Если бы речь шла только о том, как беспардонно, жульнически обошлась дирекция ДС с самым доброжелательным в мире зрителем, может, и не стоило затевать этот разговор. «Мудрость» устроителей очевидна — повесь они в фойе весь список не участвующих в концерте, публика, безусловно, устремилась бы не в зал, а на встречу с дирекцией на предмет задушевного разговора о законных трех рублях. Но надежно усаженным в зале этот единый порыв уже не грозил. Четыре с половиной тысячи одуряченных за один вечер — неплохой результат. Прецеденты, правда, были, если я не ошибаюсь, на Малой спортивной арене в прошлом году. Там прежде поспешили объявить имена звезд, а потом догадались, что неплохо бы и с ними согласовать их участие в концерте. «Вечерка», побужденная негодованием обманутого, поместила небольшую заметку, но, как видно, все без толку. Так что, может быть, и не стоило затевать разговор снова, если бы дело было только в этом.

Несчастный, доброжелательный в душе зритель, жаждущий «музыкального полета» [столь изящно был назван концерт в афишах] авторской фантазии, гитары, задушевности, искренности — да что там, многим понятно, что такое есть авторская песня, так вот, зритель был сражен. Не знаю, явилось ли это недобрым умыслом парализовать, так сказать, последние всплески наших нежных эмоций, дабы все остальное мы воспринимали как должное, или же возникло спонтанно, но первый номер был одним из самых ударных.

Вместе с исполнителем на сцену вышла дева, как было объявлено, для того, чтобы ему «помогать», и, энергично схватив микрофон, напевая громко, стала лихо приплясывать под звуки, по выражению автора, «голубого рока». Порой она принималась зазывно прихлопывать в ладоши, приглашая нас последовать ее примеру. Автор тем временем пел. Публика ошарашенно взирала на это действо. Надо сказать, что на обычном эстрадном концерте все происходящее, очевидно, не вызвало бы такого изумления, но на концерте авторской песни сие было уместно не более, чем если бы рок-группа пыталась исполнить, скажем, хор из «Хованщины». Когда номер закончился, кто-то вяло свистнул, слабый женский голос крикнул откуда-то справа: «Безобразия!», голосу поаплодировали, исполнителей проводили несколькими хлопками. Как оказалось, недобрый замысел хотя и был несколько рискованным, но себя оправдал: далее оторопелая публика ничему уже не удивлялась.

...Ах, как мы много говорим и пишем о том, что слушателя надо воспитывать! И воспитываем по мере сил. Не одно уже поколение поднимает до высоты своих песен Булат Окуджава. Но, оказывается, многих,

очень многих нельзя воспитать, так сказать, раз и навсегда. И, попав в атмосферу пошлости и безвкусицы, он, этот неустойчивый, недовоспитанный зритель, обнаруживает вдруг, что потреблять дешевое много проще, что эрзац для усвоения более удобен, а потому давай, друг, хохочи напропалую, без разбора, лишь бы выглядело смешно и подкреплялось бурной энергией исполнителя, не жалеющего гитарные струны, благо они нынче дешевы.

Как, например, понравится вам молодой уже человек с остатками седины на голове, представившийся журналистом и с ходу начавший остеречь на тему, что «Литгазета» пишет обо всем, кроме литературы, и далее продолжавший столь же свежо и изящно. В одной из его песен, написанной в подражание Визбору, были такие слова: «Я твой Пушкин, дружок, я твой Пушкин, я твой Пушкин, а ты мой Дантес». И еще: «Я твой поезд, дружок, я твой поезд, ты Каренина Анна моя».

Нет смысла, наверное, рассуждать о кощунстве и воинствующей пошлости, это и так ясно. Ужасно другое: в зале смеялись. Многие.

Далее выходили другие авторы. Один из них весело пел про то, как «три рыжих (а может «лысых») уса-тых ковбоя лечились с утра от запоя». За точность цитаты не ручаюсь, в радостном смехе не смогла разобрать подробностей ковбойского недомогания. А вот за уровень — отвечаю.

В общем-то, если не считать той песни, в которой столь гнусно помнят Пушкин, участники концерта не так уж и виноваты, поэтому я не называю их фамилий.

Да, безусловно, большинство этих произведений заслуживает в лучшем случае исполнения на именинах любимого дяди. Но главное другое — ведь кто-то привел их на эту площадку, вручил — ни мало ни много — четырех с половиной тысячную аудиторию [заметьте, за один вечер, а их объявлено четыре], кто-то утвердил эту программу.

Справедливость требует воздать должное мужеству Александра Городницкого. Его, естественно, «выпустили под занавес» как основную ударную силу. И надо было видеть, как светлели у людей глаза в нежной тоске по своим давним кострам, палаткам, электричкам, где и двадцать, и десять лет назад распевали эти песни. Но, право же, ни мужество Городницкого, ни несколько других талантливых песен не смогли разрушить необычайно сильного впечатления от этой вопиющей безвкусицы и халтуры.

«Лихо они нас!» — выраженная именно этими словами мысль владела, судя по разговорам, большинством горе-зрителей.

Кого «нас» — понятно, правда, не вполне понятно, перед кем и в чем мы так уж провинились. А вот кто «они», хотелось бы выяснить поподробней. Возникает, знаете ли, в жизни порой непреодолимый интерес к вопросам, вроде бы непосредственно тебя не касающимся. Например, что думает по поводу своего обмана дирекция измайловского Дворца спорта? А также: кто утверждал эту программу? А если кто-то ее утвердил (хотя поверить в это чрезвычайно трудно), то хотелось бы узнать фамилию человека с подобным вкусом. И как вообще могло такое случиться в столице — на огромной концертной площадке?

Любовь ЛУКЬЯНОВА

В СЛАВНОЙ РЕПИНСКОЙ ПЛЕЯДЕ
НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ХУДОЖНИК ИВАН СЕМЕНОВИЧ КУЛИКОВ,
ЧЕЙ ТАЛАНТ РАСКРЫЛСЯ НА РУБЕЖЕ
XX СТОЛЕТИЯ ОДНОВРЕМЕННО С КУСТОДИЕВЫМ,
МАЛЯВИНЫМ, БИЛИБИНЫМ, ГОРЮШКИНЫМ-
СОРОКОПУДОВЫМ, БРОДСКИМ И МНОГИМИ
ДРУГИМИ УЧЕНИКАМИ ВЕЛИКОГО РЕПИНА.

ПАЛИТРА

“ВЫ ИСТИННЫЙ ХУДОЖНИК”

Николай БЕСПАЛОВ

Муром. Древние стены монастырей и храмов хранят многочисленные произведения искусства — иконы XV—XVI столетий, предметы народного обихода. Барские особняки в центре и жалкие лачуги горожан на окраинах. Безземельные крестьяне прилегающих деревень в поисках работы переселялись в Муром на заработки. Среди них оказались и бывшие крепостные Семен Логинович и Александра Семеновна Куликовы с четырьмя дочерьми. Они поселились в подвале одного из домов на улице Рождественской. Семен Логинович вскоре стал незаурядным маляром и кровельщиком. В 1875 году в их семье родился сын Иван, который первые годы жизни большей частью жил в деревне Афанасово у родителей отца.

«Деревня мне мила была с раннего детства. Я был всегда рад поехать в деревню, — вспоминал позднее Иван Семенович. — И одевали меня по-деревенски, в простую рубаху и штаны из чертовой кожи. Летом в деревне было очаровательно... водили хоро-воды. Простые рубахи и сарафаны из кумача ярко горели на фоне зелени. Зимой тоже интересно было... Все впечатления детства были мне милы всегда и послужили потом темами для многих моих картин».

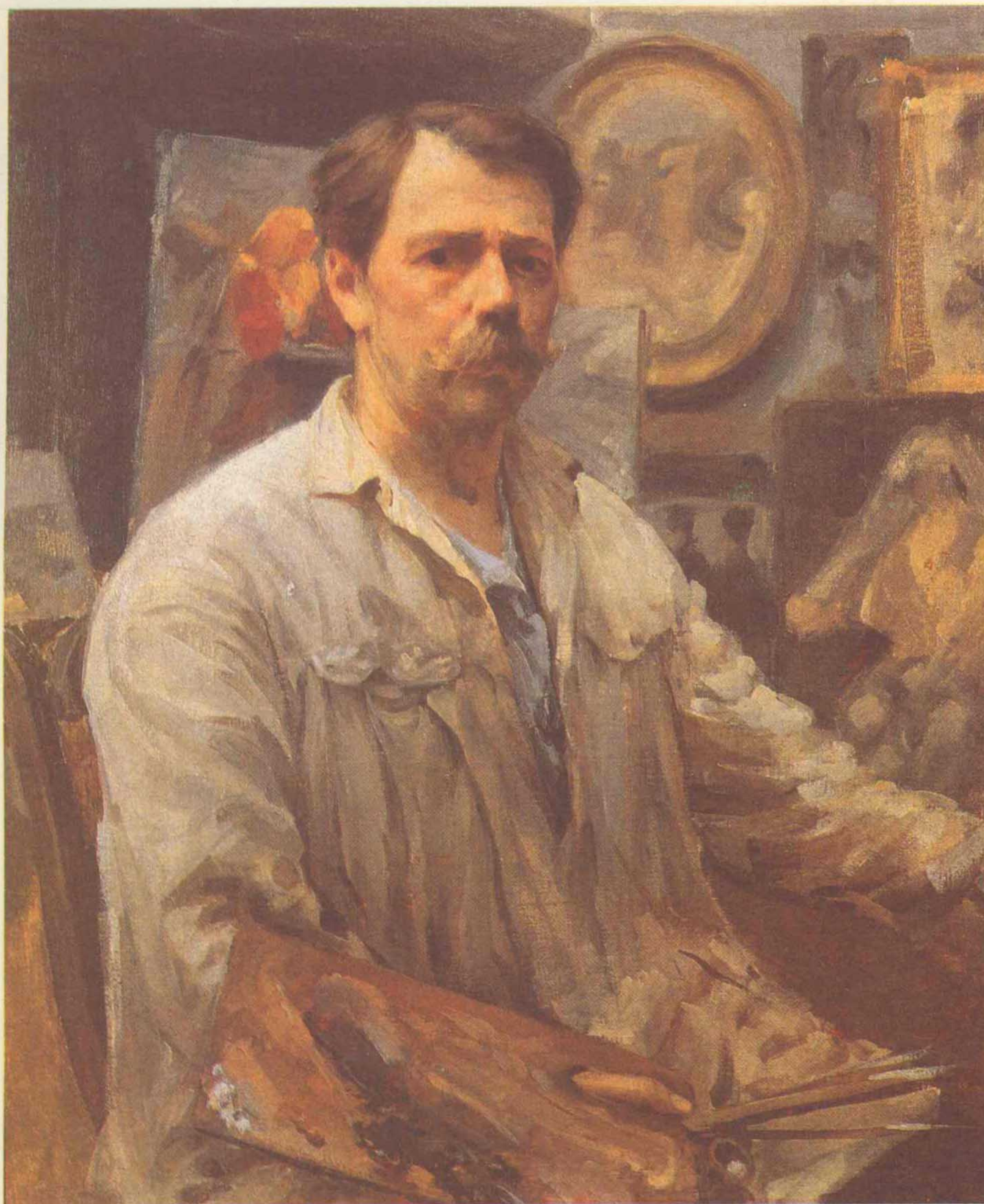
Еще в уездном училище Куликов проявляет способности к живописи, на что обратил внимание педагог по рисованию. По окончании училища Иван начинает работать в артели вместе с отцом, осваивает нехитрые специальности маляра и кровельщика, одновременно мечтая быть художником.

«В зимние вечера я любил ходить под окнами... мастерских и смотреть, как писали иконы... Яркие краски невольно приковывали мое внимание, и я подолгу любовался живописью», — вспоминал художник.

Все знакомые и родные считали, что Иван получил достаточное образование и хорошую специальность маляра и кровельщика, и не советовали его родителям дальнейшее обучение сына, а рекомендовали «дать хорошую потасовку, чтобы выбить у него всякую охоту к ученью», — писал в своей автобиографии художник. Однако родители в 1893 году разрешили сыну сначала съездить в Москву, где он познакомился с живописью Третьяковской галереи, побывал в Румянцевском музее... В Москве он увидел знакомые ему по репродукциям произведения Репина, Сурикова, Иванова, Федотова. Это еще больше убедило его в необходимости получения художественного образования. Осенью он едет в Петербург. Как очарованный, ходит по залам Академии художеств, где в это время была открыта конкурсная выставка. Восхищается произведениями западноевропейских мастеров в Эрмитаже. Делает попытку поступления в школу Общества поощрения художеств. Получив отказ, обращается к уже знакомому по Мурому академику А. И. Морозову, который принимает его в качестве помощника.

Под руководством Морозова быстро осваивает приемы и методы работы мастера. В январе 1894 года по рекомендации учителя Куликова записывают в школу Общества поощрения художеств, в которой директором был назначен Э. К. Липгарт — известный портретист. Он обратил внимание на недюжинные способности молодого человека и летом 1894 года приглашает его к себе в помощники для исполнения подготовительных работ, изображения интерьеров, аксессуаров, фона, одежды.

Осенью 1896 года Иван Куликов поступает в Академию, сначала в мастерскую В. Е. Маковского, а через несколько месяцев он становится учеником И. Е. Репина. «Я не верил себе, — вспоминал позднее Иван Се-

И. С. КУЛИКОВ.
1875—1941.
АВТОПОРТРЕТ.
1928.

менович,— неужели я буду учиться у Репина... самого лучшего профессора?»

Уже на первых занятиях в мастерской Репину понравился этюд с натурщицы, сделанный Куликовым. Обратив внимание всех учеников, Репин сказал: «Вот что нужно, смотрите, какой рельеф!» Это, казалось бы, незначительное замечание вдохновило молодого художника. И в дальнейшем Илья Ефимович не оставлял без внимания своих учеников. В одном из писем Куликову он писал: «Недавно... я взглянул на Ваш этюд девочки... Я залюбовался: это внушительная вещь. Какая пластика, какая живопись! Какая моделировка! Большой мастер писал этот этюд».

Во время занятий в Академии Куликов пробует свои силы в портретной живописи. К этому времени относятся портреты родителей, актера Зайцева, Б. М. Кустодиева, близких и друзей. Среди этюдов выделяется «Деревенские портные» (1897), на который на отчетной ученической выставке обратил внимание известный художник А. Цорн, отметив, что автор этого этюда «далеко пойдет».

Куликов делает попытки и создания композиций: «Уголок в мещанском доме», «Комната студента», «Похороны богатого и бедного», «Купеческий бал».

Ранние композиции предопределили направление и развитие всего творческого пути художника, который в самых первых работах проявил свое отношение к простым людям, одновременно сочувствуя им и восхищаясь ими. «Параша», «Прачка», «Пряха», «Пряхи», «Портрет моей матери», «В крестьянской избе» — сами названия произведений под-

**ЯРМАРКА
В МУРОМЕ.**
1910.

тверждают творческое кредо начинающего художника, художника-бытописателя, художника-крестьянина.

«Пряха» и «Пряхи» сразу же приобретаются известными коллекционерами Свешниковым и Цветковым. «Пряхи» получает премию Общества поощрения художеств — одну из важнейших наград для начинающих живописцев. «Параша» приобретает музей Академии.

В дальнейшем художник усложняет композиции и создает многочисленные произведения на тему муромских ярмарок и базаров. В торговом городе они были неотъемлемой частью городского быта. «В конце июня и в начале июля, — пишет в своих воспоминаниях Иван Семенович, — открывалась на две недели муромская ярмарка. Съезжались купцы... Приезжали артисты, так как на ярмарке был летний драматический театр, балаганщики с Петрушкой, карусели, перекидные качели, цирк и тому подобные увеселения. Торговали разными сластями. Съезжались окрестные жители, и город в течение двух недель наполнялся народом. Было шумно, весело и нарядно... Слепые сидели на мосту и пели... Запах кумача, свежей скошенной травы, которую жевали лошади у своих телег, пахнувших дегтем, — все это в солнечный день имело свою прелесть...»

«В праздничный день», «Базар у карусели», «Базар с баранками», «Ярмарка в Муроме»... Праздничная толпа в ярких костюмах: кумачовые рубахи перекликаются с ярко-зелеными сарафанами и разноцветными платками. Все пространство забито жбанами, ковшами, туесами, прялками. Рассматривая картины, ощущаешь толпу с ее говором, смехом, веселым шумом. Слышишь незамысловатую музыку балаганов и детских свистул, барабанов и дудочек. Но тут же и нищета... Слепцы с мальчиками-поводырями. Полуистлевшая от носки, выгоревшая на солнце одежда, холщовые полупустые торбы и корзины для подаяний...

В начале XX века Товарищество передвижников все еще оставалось носителем лучших традиций изобразительного искусства. Поэтому не было случайностью участие Куликова на выставке Товарищества в 1908 году, где он выступил уже как сложившийся художник — продолжатель русской реалистической школы.

Илья Ефимович дал высокую оценку произведениям своего ученика. «Я с удовольствием смотрел на Вашу картину «Старушка с курами на дворе», — писал Илья Ефимович. «Вы истинный художник... Работы Ваши дышат свежестью, здоровьем...» — писал он в другом письме.

Как у многих мастеров начала XX века, диапазон творчества Куликова многообразен. В 1906—1916 годах художник пишет картины на историческую тему: «Убор невесты», «В

*Продолжение
на вкладке 3*

У ОКОЛИЦЫ.
1913.

КОНЦА ИСТОРИИ НЕ УВИДАТЬ НИКОМУ

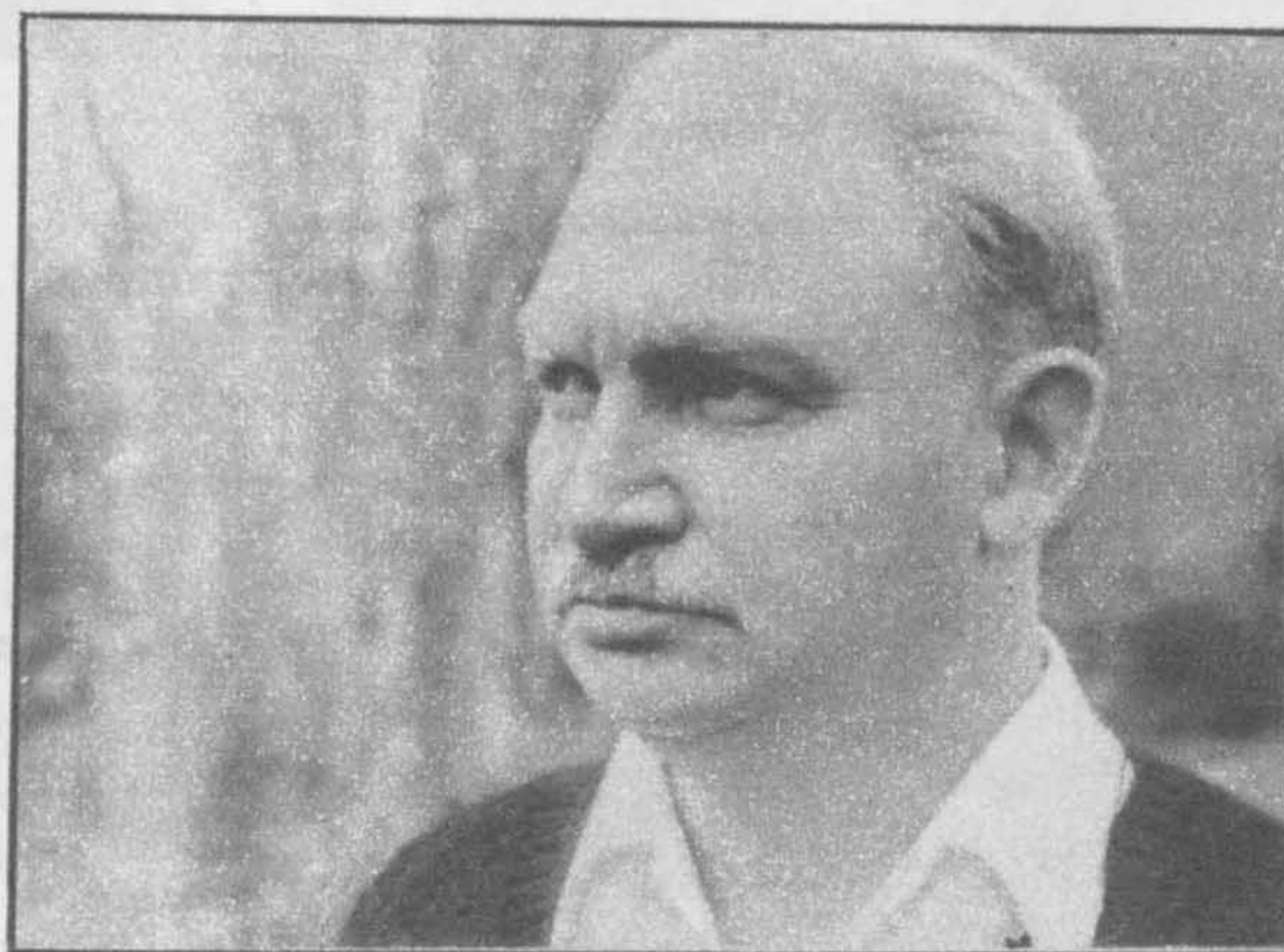
Среди неопубликованных стихотворений Бориса Слуцкого есть одно, начинающееся такой строфой:

Не солонина силлогизма,
А случай, свежий
и парной
и в то же время полный
смысла,
был в строчках,
сочиненных мной.

Здесь изложен один из важнейших принципов поэтики Слуцкого: от жизни, от ее ежедневного движения и отношения к слову о ней и далее — к мысли о ней. Так было и в его первых книгах, состоявших в основном из стихов о войне, тех, что снискали ему первую и громкую известность. Это же проявилось, может быть, еще в большей степени, и в стихотворениях 60—70-х годов, и в вошедших в книги «Годовая стрелка», «Продленный полдень», «Неоконченные споры», «Сроки», и в тех, что были напечатаны в периодике и в книги еще не собраны, и в тех, что остались в архиве поэта.

Сказать об этом стоит потому, что когда-то возникло и еще доживает, время от времени вспыхивая, мнение о рационализме Слуцкого, о том, что его стихи суть готовые, заранее обдуманые мысли, более или менее умело зарифмованные. На самом деле подобное, если и наличествует в творчестве Слуцкого, встречается довольно редко. Тем-то и «забирала» читателя его поэзия, что живой процесс раздумья, размышления происходил прямо здесь, в стихотворении. Как писал он сам: «Все это было на одном листе, на двадцати плюс-минус десять строчках». Мысль поэта — крупная, жгучая, весомая — рождалась в лоне жизни, внутри нее, на ее пространствах. Это была и своя собственная жизнь, и жизнь современников: солдат и офицеров Великой Отечественной, рабочих, крестьян, интеллигентов. Жизнь многообразная, крутая, трудовая, нелегкая. 30—70-е годы нашего века, быт и бытие советского народа в эти времена, чувства и мысли советского человека отразились в этой поэзии многими и разными гранями. Борис Слуцкий был честным и точным историком своей эпохи. Он стремился сказать не красиво, а правдиво. И для этого искал слова не похожие, не приблизительные, а единственные. Искал и находил в родной языковой сокровищнице.

Борис СЛУЦКИЙ

Время кружит меня по кругу —
кругу года и кругу дня.
Я физически чувствую руку
времени,
движущую меня.

Так пружина решает за стрелку,
колесо решает за белку,
и по кругу, по колесу
циферблата
себя я нес.

Оборачиваясь то другом,
то гораздо чаще врагом,
время гонит меня по кругу
и тихонько смеется вдогон.

Оборачиваясь то страхом,
то любовью, гонит меня,
и лечу я летучим прахом
по кружной территории дня.

Оборачивается то богом,
то наукой, то чем-то еще...
Я бы мог об очень многом
крикнуть времени
через плечо.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Кто дает.
Кто берет.
Кто проходит вперед,
зазевавшихся братьев толкая.
Но у многих судьба не такая:
их расталкивает тот, кто прет.

Их расталкивают,
их отталкивают,
их заталкивают в углы,
а они изо мглы помалкивают
и поддакивают изо мглы.

Поразмыслив,
все же примкнул
не к берущим —
к дающим,
монотонную песню поющим,
влился в общий хор,
общий гул,

влился в общий стол,
общий шепот.
Персонально же — глотки не драл
и проделал свой жизненный опыт
с теми, кто давал,
а не брал.

Не верю в величие величин:
большущие сукины сыны
с удобством, как солдаты белье,
таскают величие свое,
величие грязное носят
и даже почтения просят...
Послушайте мнение мое!
Величие планируемое,

спускаемое сверху —
оно не пройдет проверку.
Давайте установим срок,
хотя бы в полвека,
чтоб миром объявлять мирок
любого человека.
Давайте памятники сооружать
сначала не из металла,
чтоб, если после разрушать,
не так обидно стало.
Как Ленин, который на гипс один
ваятелям выдал право.
Проверим величие величин,
так ли они величавы.

СТИХОПИСАНИЕ В РЕЗЕРВЕ КОМСОСТАВА

Не отзовут из этого резерва,
а злиться будешь — что же, будешь
злой.

И ты, словно на атомы разорван
и перемолан с небом и золой.

Из этого резерва нету ходу,
отсюда нет никуда путей,
их нету даже в матушку пехоту —
царицу неумытую полей.

Бобовые два раза в день консервы,
соломка на морозящем полу.
Не отзовут из этого резерва,
лежи
и вслушивайся в тишь и мглу.

Как мглиста мгла!
Как тишина тиха.
Какие мысли в голову приходят,
пока твои бумаги где-то ходят.
Не для тебя удобства.
Для стиха.

Храпит резерв,
закутавшись в шинель,
от отдыха устало отдыхает.
А стих в тебе шумит и не стихает.
Глубокой ночью он всего сильнее.

ОГРАНИЧИТЕЛЬ

Стыдно, словно обсчитать кассира,
получающего в месяц сто рублей,
или расстрелять из автомата
стаю беззащитных журавлей.
Стыдно. Горько и обидно,
потому что стыдно.
Важный клапан в организме — стыд.
Все простят, а совесть не простит.
Все и думать навсегда забудут —
у бессонницы, как прежде, злой
память не ослабевает.
По ночам приходит, убивает.
Пилит на куски тупой пилой.

Начинается давность для зла
и добра,
и романы становятся историческими
романами,

и седины из подлинного серебра
нависают над косметическими
румянами.
Время воспоминаний пришло и ушло.
Начинается памяти время.
И в плечах ощущается,
словно крыло о крыло,
это нетяготящее
и блестящее время.

Ответы пока получены только
на второстепенные
вопросы.

На первостепенные
ответов нет до сих пор.
Вскипает горячей пеною
по каждому случаю спор.
Еще начать и кончить!
Еще работы столько!
Небо теперь не ближе, чем тысячу
лет тому.
Надо думать и делать, осознавая
стойко,
что конца истории не увидать
никому.

Смотрите по-украински — дивитесь,
и сразу перелетаешь в страну,
где ошеломленный витязь
взирает на свою старину.

Вещи по-украински — речи.
Прокат вещей — прокат речей.
Расправив по-ораторски плечи,
вдруг начинаешь журчать, как ручей.
Свобода по-украински — воля,
не гетман с державной его булавой.
И вдруг вспоминается Дикое Поле,
трава, куда вольный уйдет с головой.

Я мог бы продолжить эту повесть,
но, видимо, не стоит труда.
И по-украински совесть — совесть,
а хлеб и вода — хліб и вода.

ПРЕИМУЩЕСТВА СТАРОГО ДОМА

Старый дом, как живой старичок:
то вздохнет холодильник,
то счетчик
запоет, как живой сверчок,
или зашелестит, как начетчик.

Рассыхаются половицы
и бормочут вроде старух,
а обои, как отроковицы,
все трещат во весь дух.

Очень скучно переселяться
в новый дом и приспособляться
к тишине, к молчанию его,
спать, конечно, отнюдь
не мешающему,
но зато и не означающему
ничего, ничего,
совсем ничего.

Меняю комнату на горницу.
Меняю площадь на жилье.
Переезжаю с дикой гордостью
Из коммунального — в мое.

Я развивался в коллективе.
Я все обязанности нес.
Хочу, чтоб гости колотили
В моих ворот кленовый тес.

Я был хороший, стал отличный,
Обыкновенный стал потом.
Теперь хочу, чтоб пес мой личный
Гонялся за моим котом.

Хочу, как пишут в объявлении,
Отдельности, уединения.

Вступление и публикация
Юрия БОЛДЫРЕВА.

Мы расскажем вам
о первых проблемах,
с которыми столкнулась семья
молых москвичей,
где появился малыш.
А как обстоит дело
в вашем городе,
в вашем поселке,
дорогие читатели!
Хотелось бы,
чтобы все,
у кого растут в доме
малыши, поделились с нами
своими заботами.
Тогда за предстоящий год
мы сможем собрать
большой и обстоятельный
материал, касающийся
«болевых точек» жизни
молодой семьи,
и представить его
на рассмотрение
тем инстанциям,
которые имеют
все полномочия
и обязанности,
чтобы разрешить их
в интересах
не только вашей семьи,
но и всего государства.

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ СЕРЕЖИ ФОКИНА

ДОМА:

Новелла ИВАНОВА

Фото Геннадия КОПОСОВА

Вот и пришел тот день, когда Сережа отправился домой. Мороз сделал маленькую передышку и соскочил с 34 до 25 градусов. В назначенное время мы все собрались в роддоме номер шесть. Нас семеро — две бабушки, два деду, отец Сережи и мы, двое корреспондентов, ставших свидетелями того, как 3 января в 11 утра появился первенец в молодой семье Фокиных, о чем мы рассказали в № 3 нашего журнала. В руках у бабушек — букетики нарциссов и красные гвоздики. А мы принесли мальчику большого лопухого зайца Тимошу. На его красном кафтане красуется огоньковский значок. Ну что же ты так долго собираешься, Сережа?

Копосов занят фотоаппаратом. Интересно, попал ли в его объектив Сережин папа? На его лице я вижу растерянночно-счастливую улыбку. Дверь распахивается. Вот он — сын!

По машинам! Меня усаживают в такси вместе с родителями Иры. Отец ее, Павел Александрович Иванов, кстати, сам уже четверть века работает водителем такси в 5-м автопарке.

Вот и старый московский дом с просторным, заваленным снегом двором, где будет жить-поживать наш Сережа. Толпой вваливаемся в квартиру. Всех, конечно, интересует сверток, перевязанный голубой лентой, положенный на тахту. Наконец, снят последний чепчик, украшенный легкомысленными для мужчин рюшами, и сразу же раздается негодующий вопль: да что же это такое! Только пригнулся, задремал, а тут раздевают чуть не догола! «Соска! Где соска?» — весь дом приходит в движение. Бледненькая, худенькая Ира без суеты берет несколько сосок и дает первое поручение Сережиному отцу — хорошенько их прокипятить.

Сережа, заполучив соску, уснул, а взрослые почему-то заговорили шепотом. Вот она, наша первая и самая распространенная педагогическая ошибка! Хорошо, что медсестра-мама оказалась с характером: «Давайте не будем подстраиваться под Сережу, пусть привыкает и к шуму, и к свету!»

Думаю, вряд ли найдется семья, где бы в такой же счастливый день не пожелали бы сыну, дочке того, что мы желаем Сереже Фокину. Но почему же не всегда сбываются надежды родных? Вопрос этот волнует всех, кто собрался в этом доме. Где же на него искать ответ? В семье. В детстве человека.

— Мне шесть лет было, когда отец на фронт ушел из деревни. Жили мы в Рязанской области. Нас с матерью осталось шестеро. Валенки на всех не хватало. По очереди в школу ходили, по очереди гулять выбегали. А как таять стало — без калош-то не обойтись, а их не было вовсе, так мы научились и валенкам деревянные колодки прикручивать. И ничего, обошлись как-то и отца потом дождалась, — вспоминал отец Иры.

— А я и вовсе родителей не помню, — говорит ее мать Людмила Никифоровна. — В войну мама умерла, мне тогда пять лет было, а отец пришел с фронта и умер от ран. Из пяти осиротевших детишек не выжил только младший брат, он родился в сороковом году. Наша дерев-

ня Салтановка называлась и была в Брянской области. Уж и не знаю, как мы выжили. Старшая сестра всех нас вытянула. В четырнадцать лет я приехала в Москву на заработки. Сначала устроилась домработницей в одну семью, потом на стройку...

— Сереженьку в честь моего отца назвали. Вон его портрет на стене, — слышится голос инженера Людмилы Сергеевны. — Сергей Степанович Юша был сыном швейцара отеля в Вильнюсе. Революция сделала его красным командиром. Он сражался в гражданскую, потом с белофиннами и немцев бил. Для нас, трех дочерей, он был примером, держал нас в строгости, учил трудиться с детства...

— А меня ведь тоже хотели назвать Сергеем! — говорит старший инженер Александр Иванович Фокин. — Родился я в поселке Фокино, это неподалеку от Спасского-Лутовинова, помните тургеневский «Бежин луг»? Так вот, там всего пять изб стояло, и все Фокины жили. Родители понесли меня крестить к попу, а тот говорит: «Сергиев день прошел, быть ему Александром!» Семья-то большая была — восемь детишек. Правда, первые две девочки рано умерли, остались мы, шестеро братьев. В войну отец и старшие сыны воевали, а мы, двое младших, с матерью попали в оккупацию. Вот уж где всего натерпелись...

И подумалось: вот бы такой обычай: как родится новый человек, пусть получит в подарок семейную биографию, написанную всеми родными сообща... Крепкие, трудовые корни семейного дерева оказались у Фокиных — Ивановых. Ну, а молодое поколение, которое выросло, не зная горя и лишений, что перешло к ним от тех корней? В какой-то момент нашего праздничного застолья Ира с гордостью говорит мне, показывая на модную спортивную блузку, которая надета на ней:

— Дима мне купил на рождение сына! Он, как узнал, что будет малыш, решил подрабатывать и устроился убирать свое учреждение. Каждое утро в шесть тридцать он моет полы — 420 метров!

— Дима, ты окончил десять классов. Об институте думаешь?

— Думал! Взвесил все свои возможности и понял: мама напрасно ищет репетитора. Я так ей и сказал: не трать денег! Мне нравится техника, нравится работать руками. После школы пришел на завод «Знамя революции». Проработал год до армии и стал слесарем-механиком третьего разряда. А вечерами занимался на курсах шоферов от военкомата. Зачем? Просто понял: чем больше у меня в руках специальностей, тем прочнее буду в жизни стоять. Ну, а после армии устроился наладчиком микроЭВМ в объединении Главмосавтотранса. Тут, если у тебя есть голова и хорошие руки, можно расти дальше!

Определенно мама и папа Сережи Фокина нравились нам все больше и больше! Мы объяснили молодым родителям, что очень рассчитываем на их помощь при подготовке следующих репортажей, в которых попытаемся вместе с ними честно и откровенно рассказать о том, с какими экономическими, медицинскими и педагогическими проблемами они встретятся в первый год жизни своего первенца.

— Если честно и откровенно, то проблемы появились еще до рождения Сережи! — сказал глава молодой семьи. — Например, коляска! Видели вы, каких страшных расцветок коляски продаются? Стоят от 44 руб-

ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Я И СЕМЬЯ

Теперь не до кошки Кати..

лей до 67. Да только рука не поднимается отдать за них деньги! Мне сказали: ищи коляску из ГДР. Вот это класс, там и матрасик не поролоновый, а волосной, и обивка яркая, из велюра, джинсовой ткани, даже плетеной соломки. А главное, легкая и много всяких приспособлений. Чтобы, например, заодно с малышом довести покупку из магазина. Целый месяц я ходил, как на работу, в наш центральный «Детский мир». Коляски там теперь не продают, но в столе заказов можно узнать, где, в каком магазине будут те, что из ГДР. Напрасно бегал: так и не изловил их. Говорят — дефицит! Выручил счастливый случай: одной знакомой друзья купили сразу две такие коляски, и мы с радостью заплатили 80 рублей. Узнать бы, почему мы должны гоняться за зарубежными колясками, неужели сами не можем сделать такие же за те же деньги?

— А кроватки! — вступила в разговор Ира. — С ними тоже, оказывается, проблема. Их стараются заранее не покупать, пока ребенок не родится. Знаете, есть такая примета... Так вот в моей палате лежала одна женщина, и ей муж написал записку: «Валя! Из роддома не уходи — я еще не достал кроватку. Их теперь не продают в «Детском мире», а развозили по всей Москве. Вот и езжу!» Валя эта расстроилась, а я подумала: хорошо, что нам знакомые отдали старую кроватку!

* * *

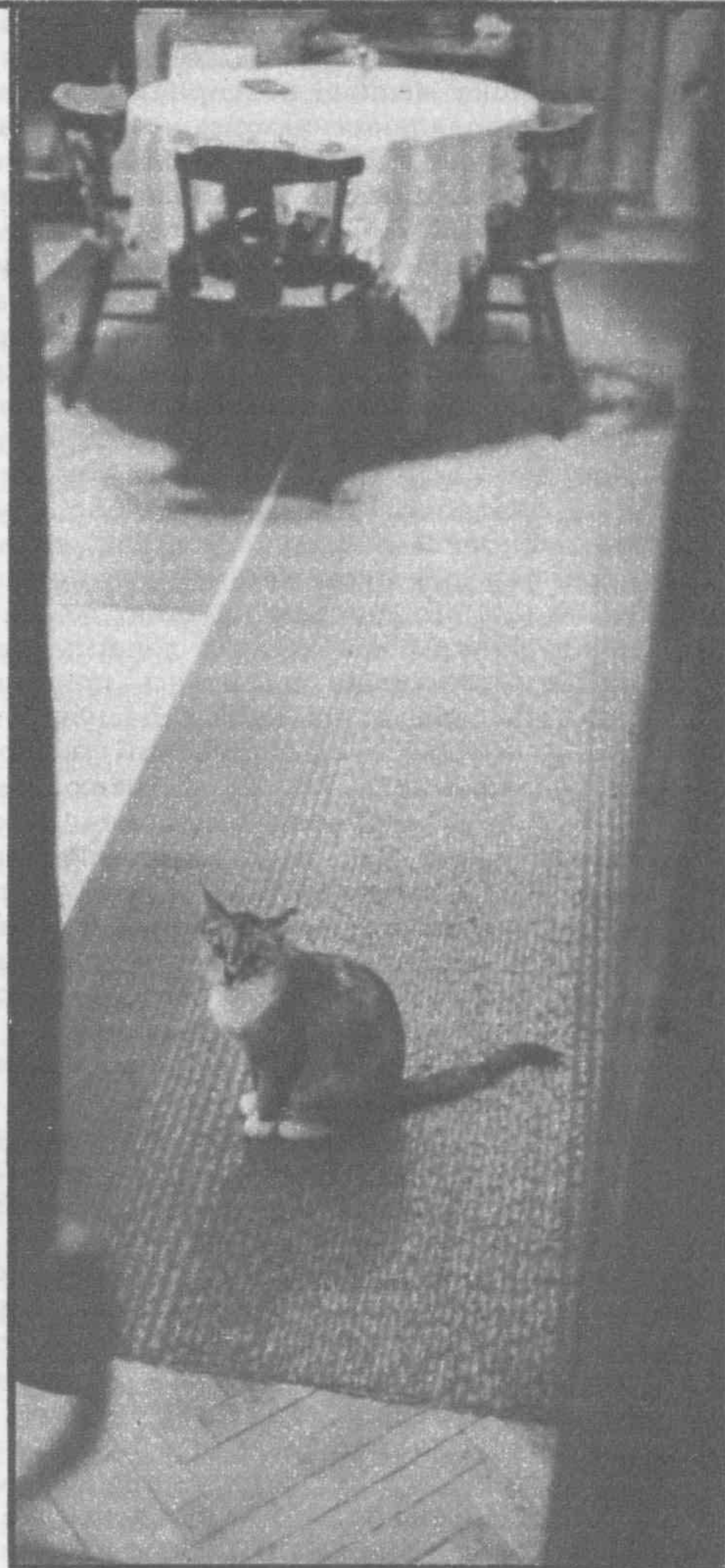
На следующий день я объехала несколько магазинов, торгующих детскими колясками. Ближе всех оказался Московско-Дзержинский универмаг. В секции детских игрушек увидела всего две коляски и глазам не поверила: кто же додумался выпускать для детей... черные коляски? «Да нет, они вроде бы темно-коричневые», — сказал продавец. «А берут?» «Не очень, все расспрашивают, где немецкие продаются». «У вас они бывают?» «Не было еще ни разу!»

Зашла к товароведу Н. В. Ратниковой, которая занимается колясками. Милая молодая женщина огорченно призналась: «Я сама эти коляски стыжусь закупать для магазина. А что делать, если, несмотря на возмущения покупателей и торговли, Московский завод по производству спортивных изделий из металла продолжает выпускать коляски крайне низкого качества! Слышала, что в Дубне стали делать вполне современные, не хуже импортных коляски. Но, учитывая затраты на доставку, нам их заказать трудно».

Не дозвонившись ни по одному из пяти телефонов справочной «Детского мира», набираю номер старшего товароведа отдела культтоваров и мебели торговой фирмы «Детский мир» В. Н. Шаповаловой. Спрашиваю, где все-таки можно купить коляску производства ГДР. «Это дефицит. Очень редко коляски

бывают в нашем филиале в Бескудникове. Увы, по импорту мы не удовлетворяем спроса. Когда будут? Узнайте по справочному телефону. А вообще я не понимаю этого ажиотажа: чем наши хуже? Вы видели дубнинские?» «Видела». «Они же ничем не уступают зарубежному уровню». «Да, стоят почти как немецкие, но... уступают!» «Чем же?» «Расцветкой». «Но ведь не всем по карману немецкие, зато наши дешевле, всего 44 рубля стоят». «Вы имеете в виду московскую продукцию? Неужели вам она нравится?» «Да нет, мы их постоянно критикуем. На заводе сменилось несколько директоров, но оборудование старое...»

Последний звонок старшему товароведу этого же отдела фирмы Т. И. Нероновой. Передаю ей содержание записки, присланной в роддом, и спрашиваю, могло ли быть такое. «Да, могло, и именно в начале января». «А в чем дело?» «С нового года по решению Главного управления торговли всю детскую мебель передали в магазины Мосмебельторга. А в Орехово-Борисове специально открылся филиал для продажи кроваток!» «Кто же знал об этих перемещениях? И потом этот магазин на краю Москвы, пока кроватку доведешь на такси, она на глазах в цене поднимется!» «Верно, далековато! Сейчас думаем, может, удастся открыть такой же филиал поближе где-то...»

НА ПОРОГЕ

РАССКАЗ

Юсиф Самедоглу — известный азербайджанский прозаик и киносценарист, автор нескольких сборников новелл и романа «День казни», получившего широкий резонанс не только в республиканской, но и во всесоюзной прессе. Во всех своих произведениях писатель неизменно разрабатывает сложные социально-философские проблемы, не обходя острых углов, показывает внутренний мир человека, такой огромный, сложный и противоречивый.

Юсиф САМЕДОГЛУ

Нет, его уже ничем не пронять, не удивить, не обрадовать, все осталось в прошлом, и ничего, ничего больше не будет, кроме этого бесконечно томительного ожидания.

Всего какой-нибудь час тому назад солнце стояло в зените, жгло и палило все живое на земле, а сейчас вон уже как удлинилась тень от скалы... Час? Или, может быть, два часа? Ход времени притупился в нем; с той самой минуты, когда такси высадило его на южном шоссе, мерцающем, как серебряный пояс, время то ли застыло, то ли пошло по каким-то другим, непостижимым ему законам. Стоя на обочине и неведь почему крепко прижимая к себе саквояж (в такую глушь и вор не заберется), он подождал, пока машина развернулась и уехала обратно, в направлении города, и, глядя на задние огни, подумал вдруг, что теперь его не спасет ни человек, ни бог, ни самый что ни на есть чудодейственный талисман, привали их ему не один, а тысячу один, и ничего уже не будет, кроме этой влажной и липкой ночной прохлады, ничего.

Две крохотные красные точки размотались длинной нитью в ночи и вдруг погасли, как гаснет едва горящая свеча надежды у тяжелобольного человека; он ощутил, как в густой темноте мерцают его глаза. И тогда он отправился в путь без дороги, без какого-либо намека на тропу, взбирался все выше и выше, едва сдерживая ужас перед хаосом камней, выжидающих момента, чтобы обрушиться на свою жертву, одолевая каждую пядь, как наглухо запертые ворота, временами ему даже слышались приглушенные переклики стражи; но куда страшнее этих страхов, когда в ушах звенит роковой телефонный звонок, даже цикады тогда обрывают свой немолчный звон и все вокруг цепенеет в ожидании и страхе. Надо же было случиться такому в его неполные сорок три года, и жил-то всего ничего, и вот все отнято, а взамен — ожидание, в котором больше безнадежности, чем надежды.

Он проснулся утром в каком-то подобии грота, на плоском камне, над головой у него тесно сходились две остроконечные скалы, образуя просвет, сквозь который в лицо ему пал солнечный луч; солнце, всходящее из-за моря, было красное и круглое, как дыра, открывшаяся вдруг в сером, безоблачном небе, от этой дыры поверх желтого луча бежала красная дорожка, а на дорожке зажглись фары такси, доставившего его вчера ночью к подножию этих скал.

Он прикрыл глаза и судорожно, сам удивляясь спорадически нападавшему на него страху, нащупал саквояж: кто, в самом деле, мог унести здесь его добро? Разве что змея, или ящерица, или ястреб, что кружит сейчас над самой головой у него? Смешно!.. Но было вовсе не смешно, и не хотелось открывать глаз, он инстинктивно из-

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

бегал света, понимая каким-то шестым чувством, что ему сейчас в темноте лучше, чем на свету, ибо в темноте ничего не видишь: ни этих ужасающих скал, ни рваных, острых линий обрывов, ни безмятежного лона моря далеко внизу; ночной телефонный звонок разом отрезал его от реальной жизни и обрек на это скалистое безлюдье.

Он вспомнил, как ночью, провозжая глазами такси, он встрепенулся вдруг, открыл саквояж и перевел дух: на месте... Два-три бутерброда, термос с обыкновенной, из-под крана водой и... «ТТ», заряженный восемью пулями, девятая в стволе. Так вы меня и взяли, ждите!.. Мы тоже не ухом хлеб едим, в рот кладем. Он ощущал, как в непроглядной темноте мерцают его глаза, и, слушая биение собственного сердца, пытался осмыслить свою тоску и отчаяние, найти им название, причину.

Потом он пошел без тропы, все вверх и вверх, мимо стражи, сквозь запертые ворота страха и оказался здесь, в полной власти темноты, которой жаждал. Но и темнота была враждебна ему, она щетинилась рваными краями скал, выжидающих удобного момента, чтобы обрушиться на свою жертву. Не спи, не спи, заснешь — не проснешься... Но он заснул, бежал в спасительный сон на несколько часов, иначе и свихнуться недолго.

День пошел на убыль, зной спал, но солнце все так же красно и кругло горело в просвете скал, и он всем своим телом ощущал этот ток тепла, клубящийся у него под ногами и возносящийся к небу. Он впервые наблюдал это, но не удивился и подумал, что обыкновенное дело, солнце отбрасывает назад свое тепло точно так же, как всевышний отбирает назад данную им жизнь... У одного раньше, у другого позже, кому как повезет. Из камней доносились какие-то странные звуки, как будто кто-то кого-то звал или что-то тщилося о чем-то сказать, что-то беззвучное и о чем-то необъяснимом на человеческом языке.

...И где-то мать кормила ребенка грудью, младенец захлебывался, и молоко проливалось мимо рта. У него разболелась голова. Боль гнездилась глубоко внутри, там, где не было ничего, кроме давно забытых воспоминаний, ни надежд, ни тоски, ни желаний, ничего... Только боль и давно забытые воспоминания. Но какая нестерпимая боль! Что это там так болит, господи?! Он снова открыл саквояж и то ли в третий, то ли в сотый раз проверил, на месте ли. Потом положил руку на холодную, как лед, сталь пистолета и долго не убирал ее. «Так вы меня и взяли, ждите!» Потрескавшиеся, тронутые лихорадкой губы зашевелились, но голоса он не услышал, голоса не было.

Он достал из саквояжа термос, открыл крышку, выпил глоток холодной воды — и резко, как прикосновение острого клинка, ощутил запах их десятиметровой кухни, запах жены и восьмилетнего сына. Он вспомнил, как пошатнулась перепуганная насмерть жена, как пошатнулась и, дрожа мелкой дрожью, глядя, как он достает и укладывает в саквояж пистолет, прислонилась к стене, и в глазах ее был страх, но куда больше страха было злобы бешеной собаки. После телефонного звонка воздух в квартире вроде как отяжелел, запахло аммиаком. Этот тяжелый дух влез в легкие, и он не скоро избавился от него, разве что здесь, в ночном сне выдохнул его остатки...

Он положил термос в саквояж, закрыл его и поставил в ногах. Потом, чтобы унять головную боль, переменил место, перешел вправо, где тень от скалы была глубже, прислонился спиной к скале и рядом поставил саквояж, так и перемещался вместе с тенью, но боль не унималась, нет. Будь это привычная мигрень, он бы знал, как с ней сладить: накинуть пиджак на голову или помассировать виски и лоб, и, смотришь, боль отошла, утихла. Но это была странная, непонятная боль. Такая боль, наверное, настигает человека один или, самое большее, два раза в жизни — на ее пороге и на пороге смерти.

И вдруг он со всей ясностью понял, что больше не вернется домой, никогда не вернется, ни завтра, ни послезавтра, никогда, он обречен, он умрет, и очень возможно, что прямо здесь, среди этого хаоса скал, в скользящей тени летающих над головой ястребов. Домой он больше не вернется. Его вынесло из дома, как выносят покойника. Он сам взвалил свой труп себе на плечи и приволок его сюда, в это безлюдье.

Мать божья, заступница! Упокой все население кладбища!.. Кто это сказал?.. Человек, когда он один, воображает, что он действительно один. На деле же никто никогда не остается совершенно один.

Эта мысль поразила его, и боль, как будто споткнувшись об нее, вдруг исчезла, он ощутил холод в висках и удивительную легкость во всем теле, так, должно быть, чувствует себя скакун, взявший очень трудный барьер и заслуживший отдых... сейчас его отведут на конюшню... на покой...

Он вспомнил лицо матери — с кулачок, сморщенное, бесконечно привычное, вспомнил, как она, разговаривая сама с собой и останавливаясь передохнуть на каждой лестничной площадке, поднималась с казаном еще горячей долмы в виноградных листьях на пятый этаж, лифт у них плохо работал, или, может быть, мать не доверяла ему, застряв однажды между этажами; раз или два в неделю она по обыкновению готовила что-нибудь вкусное и везла на другой конец города сыну и внуку, и не от большого достатка, а из чего бог пошлет; он явственно услышал хриплое, одышливое дыхание матери, рвущееся из впалой груди, звук был похож на шелест последней осенней опали под ногами. Потом он услышал глухой, как шелест, тревожный голос, но слов не разобрал, какой-то неясный бормоток, не то молится, не то проклинает, никак не понять.

...И где-то мать кормила младенца, он захлебывался, и молоко проливалось мимо рта...

Под черепом в том же самом месте снова зашевелилась боль, что-то задрожало там, как туго натянутая струна, — и голову схватило стальным обручем. Мать так и не дошла до пятого этажа, осталась стоять между четвертым и пятым на лестничной площадке. Проекторы погасли. Ночь была чревата бедой. Далеко внизу глухо и беспокойно роптало море, и это не волны бились о берег, это волновались глубинные воды, миллионы лет тому назад скопившиеся в одной из гигантских впадин земного шара. Какой-то нутряной холод пронизывал его до костей, и, спасаясь, он прижимался спиной к скале, потому что она еще хранила остатки дневного тепла, и еще потому, что скала, без сомнения, жалела его. Так, перемогаясь, он просидел довольно долго, как вдруг, на свою беду, нечаянно разглядел контуры рисунка на противоположной скале: человек с копьем шел на огромного зверя... Мать божья, где это я?!

Не психуй, успокойся, ты там, куда сам пришел, там, где искал себе укрытия, в том самом глухом и уединенном уголке, о котором давно томится в бездействии твой пистолет, и он тут, с тобой, вот в этом саквояже. Разве не для этого ты пришел в это гиблое место? И копье — оно тоже ждет своего часа, ждет уже много веков, посмотрим же, кому первому бог пошлет...

Ночь была чревата бедой, и об этом глухо шумели воды, скопившиеся миллионы лет назад в одной из гигантских впадин земного шара. Впервые в жизни он слышал, чтобы так шумело море. Первый и, должно быть, последний раз. На короткий миг он перенесся домой, в их уютную кухню, и жена, разогрев, поставила перед ним тарелку долмы — ее сготовила мама, и вкус ее был так же неповторим, как близость последних на земле мужчины и женщины.

После рокового телефонного звонка он только и успел, что сказать жене: «Справь сороковины по матери... если сможешь...»

«У бешеных денег худой конец, дитя мое, угомонись».

Это копье перед глазами и пистолет под рукой... так можно и с ума свихнуться... надо заснуть... уйти, сбежать в сон от этой гибельной ночи...

Поджав колени и обняв рукой саквояж, он крепко закрыл глаза и, слушая звон цикад и какие-то непонятные шорохи, ощущал, как расслабляются напряженные до каменной твердости мышцы лица и тела и как он постепенно забывается беспокойным, настороженным сном.

Интересно, где тут поблизости кладбище? Упокой тебя господь, мама!..

Но и сквозь тонкий, прерывистый сон немолчно, как звон цикад, билась мысль, что, конечно, все кончено, не будет ему в этой жизни ни радости, ни удивления, ни гнева, ни жалости, ни надежды, ни умиления — ничего, что есть у каждого человека и что делает человека человеком, все это он оставил там, откуда пришел. Все, все оставил там: жизнь и смерть матери, отчаянное усилие жены сдержать рвущийся из горла крик, беспечность восьмилетнего сына-несмышленика; там же оставил другой, точно такой же саквояж, набитый четвертными и полусотенными ассигнациями, а третий саквояж с золотыми десятирублевыми еще загодя, месяца за два, свез в деревню к верному человеку, жениной родне, но сейчас все это уже не имело никакого смысла, не впрок ему это золото. Он все оставил там. И навсегда. До того самого дня, когда архангел Исрафил затрубит в свою трубу, созывая на

Страшный суд. Сюда с собой он принес лишь ожидание, больше смахивающее на подлинное безумие. Ожидание было во всем: в хаосе скал, в ночных шорохах и внезапных птичьих вскриках, в глухих стенаниях далекого моря, весь окружающий его мир томился вместе с ним и ждал последнего трубного гласа...

Но временами перед ним маячила надежда, крохотная, с булавочную головку, но все ж таки надежда, она загоралась и гасла перед его взором, как сигнальные огни такси, высадившего его вчера ночью на безлюдной дороге, мерцавшей, как серебряный пояс. И тогда ему верилось, что произойдет чудо, и утром, а может быть, завтра вечером его разыщет здесь младший брат и скажет, мол, все улажено, не бойся, вернись. Всего три слова. Три слова, равных божьему чуду.

Ожидание так истомило его сердце, что будь оно из скальной породы, то и тогда не вынесло бы, дало бы трещину.

Чтобы как-то отвлечься, он посмотрел на свои запачканные туфли и стал развязывать шнурки. Он снял туфли и носки и коснулся босыми пятками влажной земли. Пальцы ног ныли, икры распухли, под кожей на них перекачивались узелки. Потом он снова достал термос из саквояжа и сделал большой глоток воды, еще хранящей свою прохладу. Касаясь губами термосной крышки, он ощутил, как они распухли, и это слегка болезненное прикосновение почему-то развеяло остатки ночных страхов, и он впервые за все время, что здесь, вдохнул полной грудью. Правильно сделал, что бросил курить, подумал он. Худо здесь было бы курящему без сигарет, часу не выдержал бы.

Он вспомнил, как несколько лет тому назад ездил к двоюродному брату в колонию. Проклятие дьяволу!.. На роду, что ли, у них записано, чтобы всем в тюрьме подыхать?!

Первые минуты свидания плохо запомнились, волновались, разговаривали через толстое стекло, все равно что по телефону, брат весь в черном. Густая черная шевелюра сплошь поседела, белизна перешла в цвет лица и дошла до рук, до самых посиневших ногтей на пальцах. Он попросил у дежурного надзирателя разрешения передать блок сигарет, но брат отказался. «Бросил курить», — сказал сквозь стекло, — вредная это штука. И тебе не советую, не кури...»

Он не придал значения словам брата, но, когда выходил из железных ворот, на него вдруг навестить откуда накатил страх, и он тоже решил бросить курить. И бросил, не сразу, конечно, но бросил. «У бешеных денег худой конец, дитя мое, угомонись».

Мороз пробрал его до костей, пока он дошел от колонии до гостиницы, он поднял воротник дубленки, опустил уши у меховой шапки и с удивлением вглядывался во встречных: как это они тут живут-могут, как терпят эти морозы, он бы давно тут очоурился, и какие-то новые, холодные, как скрипящий под ногами снег, мысли зародились у него в голове.

«У бешеных денег худой конец, дитя мое, угомонись».

Солнце скатилось в просвет над головой и стояло там, похожее на золотой, с краями полный крови таз.

Он вспомнил, как сразу после телефонного звонка, наскоро собравшись, он пошел пешком из микрорайона, где жил, в городской центр, к младшему брату, как переполошил всех в крошечной однокомнатной квартире, как самый воздух тут отяжелел с его приходом и стало пахнуть аммиаком. Брат, как вышел открывать ему босой, в майке и трусах, так и остался, стоял, щурясь, как будто никак не мог разлепить сонных глаз, и пошатывался, как пьяный. Из-за плеча у него, беспокойно теребя пуговицы на цветастом халате, смотрела жена, она было всхлипнула, но сдержалась, загнала внутрь слезы, и только глаза ее наполнились таким страданием, что ему стало не по себе. Он поспешно проинструктировал брата, что и как делать и где его искать, и вышел, не прощаясь. Спускаясь по старым, выщербленным ступеням, он услышал, как дверь за ним осторожно закрылась, и сказал сам себе: «Так вы меня и взяли, ждите!» Там, на щербатой, тускло освещенной лестнице, он впервые скажет эти слова и не раз повторит потом, но решение созрело раньше, сразу после рокового звонка, и когда он достал пистолет, чтобы положить в саквояж, у жены из груди вырвался стон. Он не сразу понял, что это за звук, было похоже на щенячий скулеж, и он было подумал, что это щенки во дворе, по весне у них как раз ощенилась бездомная сука, но, уложив пистолет, он искоса взглянул на жену и понял, что это она, что она согласна с ним и принимает его решение, ибо, как и он, не видит другого выхода. Молодец!..

Разутые ноги отходили, зуд и нытье прекратились, он аккуратно закрутил крышку термоса и спрятал термос в саквояж. Если до завтрашнего утра брат не явится, то, стало быть, как говорит их премудрый сосед Мугбил-киши, «событие свершилось и подошло к своему концу...». Точно так же, как подходит к концу все в мире — у одних раньше, у других позже. Смысл любимого изречения Мугбила-киши был заложен уже в ночном телефонном звонке, в двух коротких словах: «Керимова взяли!», в дрожи голоса, который бился в мембране, как птица в клетке.

Впрочем, за последние два месяца он успел привыкнуть к ночным звонкам и зловещему смыслу коротких, сказанных вполголоса слов: дело плохо, не берут, не хотят — баста, на порог не пускают, с глаз долой гонят, знать их больше не знают... Высокопоставленные друзья, у которых они с Керимовым были как у бога за пазухой, вдруг раззнакомились с ними, все, мол, закрыта лавочка. Он не понял спервоначала, не вник, не поверил, даже захорохорился было, запетушился, дома жене клал их, ругал их, обзывал слюнтяями и трусами и еще похуже, а жена, соглашаясь, подзадоривала еще больше, и так они всю ночь до рассвета на кухне проговорили, душу себе отводили, спать отправились под утро, когда засерели оконные стекла и у кого-то на балконе пропел петух. Жена как легла, так заснула, а он долго лежал без сна и, скинув одеяло, смотрел в окно, сквозь которое пробивался пыльный луч солнца. Мириады пылинок плясали в солнечном луче, и он всем своим телом, натянутым, как струна, отдавался их потоку и поплыл бездумно и безвольно, без единой мысли в голове. И лишь когда совсем развиднелось и на стенах проступили желтоватые цветы обоев, его в полусне-полуяви настигла мысль и затянула его, как в омут, и мысль эта была о том, что упаси бог попасться, как это случается с иными, упаси, упаси бог, но если это произойдет, живым я не дам, не дам, брат, нет. Не в том я возрасте, чтобы заживо гнить в колонии. Ни здоровья, ни настроения! Нет, брат, шутишь. И подумав так, он заснул и спокойно, без сновидений проспал до полудня.

Спокойно — это да, но не без сновидений, нет. Он просто забыл, напрочь забыл свой сон, он вспомнил сейчас, в этот предвечерний час, сидя здесь, среди этого нагромождения скал, озаренных кроваво-красным закатным светом.

Ему обычно снились самые идиотские, сумбурные сны с шумом и грохотом, а этот сон был тихий и светлый, как уносивший его рой пылинок в солнечном луче. Он увидел во сне своего дядю, материна брата Мустафу, о котором и помнить не помнил последние пятнадцать лет, не вспомнил бы даже, когда тот помер и был ли он на похоронах. Он услышал во сне эхо родного голоса, услышал запах дикой мяты. Он видел, как крошки хлеба, запутавшись в густой пегой бороде, падают дяде на грудь.

Раз или два в месяц Мустафа-киши спускался с гор и приезжал к ним в город на день-два. Он переступал порог их плоскокрышного одноэтажного домика — через плечо хурджин с кистями, полный всяких вкусностей и небылиц — и говорил: «С гор иду я, дети!» Потом он ставил хурджин в угол прихожей и одевал исхудавших в военное лихолетье, большеглазых детей ломтями тендирского чурека, толченным жареным горохом с кишмишем и рассказывал сказки.

Тогда, проснувшись в полдень, он тотчас позабыл свой сон, он понял сейчас, почему. Его ждал накрытый стол с самыми изысканными яствами — его обычный завтрак — и желудочный сок, взывав в голодном желудке, как молодое вино, стер из памяти все остальное.

...Эх, вернуть бы то время, когда Мустафа-киши приезжал к ним с гор и привозил полный хурджин гостинцев и сказок, когда, прижавшись друг к другу в постели, постланной прямо на полу, они, два брата и сестра, досыта поевшие в этот день, с упоительным вкусом толченой жареной пшеницы с кишмишем на губах, слушали, нет, не слушали, а прямо-таки впивали, как пьют сладчайший шербет, дядины страшные сказки, вернуть бы то время и вместе с матерью помолиться усердно, чтобы бог услышал и остановил время, продлил бы двухдневное счастье дядиных приездов на всю оставшуюся жизнь. Зачем он вырос? Зачем выжил в те голодные годы? Почему не ушел с дядей Мустафой в горы и не затерялся там, не сгинул в снегах и метелях? Зачем кончилась сиротская жизнь? Только тогда он и был по-настоящему счастлив. Но где уж — дню за днем не угнаться, хоть пришей их один к одному!..

Как говорится, играй, что умеешь, посмотрим,

как рок переиграет. Так говорили и мать, и дядя Мустафа.

Когда на отца пришла похоронка, мать не вскрикнула, не взвыла, не заплакала, она опустилась на табурет в прихожей и сказала с сухими глазами: «Играй, что умеешь, посмотрим, как рок переиграет». А потом эти слова, как сговорившись, повторял каждый, кто заходил к ним на траур, и день этот запомнился ему не плачем и причитаниями, а вот этим присловьем. Играй, что умеешь, посмотрим, как рок переиграет. В ту ночь он увидел в окне какое-то странное мерцание, потом на пороге появился Рок, он был во всем белом и, прижимая к груди саз, играл печальную до неудержимых слез мелодию.

И это только он сейчас вспомнил. И это он не забыл. Как все.

Да что же это за боль такая, что за мука, господи?! Из-за нее, из-за этой нестерпимой боли и солнце кажется таким кровавым, даже расщелины скал заполнены, как разбавленной кровью, красноватым светом, весь мир в кроваво-красном огне, о господи! Ему вдруг почудилось, что он сидит на вулкане, который, быть может, проснулся и сейчас зальет его расплавленной лавой... Вместе с лавой он извергнет все забытые, зарытые в землю воспоминания... Потому, что неспроста же солнце горит таким кроваво-красным цветом, у каждого человека свое солнце, и горе тому дню, когда солнце его дымится такой кровью. Горе тому дню...

«Ты считай, а рок по-своему рассчитает...»

«У бешёных денег худой конец, угомонись».

«С гор иду я, дети!»

«Взяли! Керимова взяли!..»

Скалы пылали в кроваво-красном закатном огне. Кто придумал это гиблое место, какая нечистая сила надоумила его искать здесь спасения, да тут ведь самое место, чтобы с ума свихнуться, проклятые, проклятые гобустанские скалы... Треклятые скалы...

Гладкая, почти отполированная поверхность скалы треснула как раз посередине — и он вспомнил, как они шумной компанией приезжали сюда последний раз. Они с Керимовым заказали в «Интуристе» роскошный ужин для приезжего гостя, очень нужного человека, их почтил своим присутствием один из высокопоставленных друзей — словом, все было организовано по самому высокому разряду, а после обильных возлияний в полночь, то ли расставаться не хотелось, то ли еще что, но решили проветриться, покуражиться, съездить в гобустанские скалы. В ночном небе так же, как вчера, светили щедро рассыпанные звезды, и так же, как вчера, серебряным поясом мерцала дорога, бегущая на юг республики.

Гость наезжал раз или два в год и оставался дней на пятнадцать—двадцать, жил в забронированном для него номере люкс лучшей гостиницы, пил-гулял, попутно дела проворачивал нешуточные, но в Гобустан они его еще не возили и вот решили экспромтом съездить, показать гостю при свете звезд наскальные рисунки. Долго ли? Расселись по машинам и покатались. И женщин, как водится, прихватили, без них и гульба не гульба, высокую, статную, многоопытную Наргиз с полными чувственными губами и совсем юную девушку лет семнадцати-восемнадцати, не более, черноглазую, чернобровую, минутно терявшуюся и красневшую... как звали ее, дай бог памяти... пришла она, кажется, с известным таристом, который принес с собой старинный музыкальный инструмент уд и обещал поиграть на нем, для дорогого гостя, разумеется... Что касается Наргиз, то ее тоже, заранее обговорив и расплатившись, пригласили для гостя. Вообще-то Наргиз была человеком Керимова, то есть роман их давно отшумел, а теперь она служила чем-то вроде дорогого подношения, шикарной вещицы с особым преискурantom — для избранных, конечно, для самых дорогих гостей. В ту незабвенную ночь все было для гостя: и длинные, цветистые тосты, и самые вкусные — на ребрышках — куски шашлыка, и французский коньяк, и предусмотрительно прихваченные из дому маринованные баклажаны и перцы, и «блатные» песни, до которых гость, уроженец Одессы, был охотник и которые лихо (за десятку, а то и за четвертной) исполнял ресторанный оркестр, и золотые швейцарские часы, которые Керимов в порыве беззаветной дружбы, под звон бокалов снял со своей руки и надел на руку гостя, блоки американских сигарет, и наконец, — разодетая и раздушенная Наргиз, умевшая, как никто, сбить с пути любого мужчину. Если б можно было, ее бы тоже усадили в фарфоровое блюдо или хрустальную вазу и подали на стол гостю, только бы убажить его и доказать ему свою верность.

Словом, сели они в свои машины, приехали сюда, затормозили на мерцающей, как серебряный пояс, дороге и, веселые, возбужденные, со

смехом и шутками, высыпали в темную ночь... Сколько их было — десять? Нет, пожалуй, больше, ехали на четырех машинах... Полезли наверх смотреть скалы-писаницы, но ничего в темноте не нашли, сбились в кучку и попросили тариста поиграть на уде. И, отзываясь эхом в скалах, зазвучала старинная мелодия, затуманивая их и без того хмельные головы и приводя в смятение их обнаженные чувства... Кто-то, светя себе ручным фонариком, отошел довольно далеко и крикнул оттуда: «Нашел!» И тогда он впервые увидел на серой скале рисунок первобытного человека, который шел с копьем на огромного зверя.

«Ах ты, чтоб тебя! Да это же наш Самсонов! Вылитый Самсонов!» Но почему-то стало не до смеха, даже чуть-чуть жутковато стало, и он поспешил вернуться к компании, где слушали игру на уде.

Жена не спала, она сидела на кухне, пила чай, просматривала газеты и ждала мужа и ни словом не попрекнула его, когда он, отяжелевший от чрезмерной еды и изжоги, от французского коньяка и нескольких сортов водки, явился домой почти под утро. Так у них было заведено, и за долгие годы совместной жизни она научилась сдержанности: у женщины свое место в доме, у мужчины — свое. Но в ту ночь жена все-таки расстроила его: она сказала, что состояние его матери резко ухудшилось, — мать уже два месяца как лежала в онкологической больнице, и жена попеняла ему за то, что он не навещает ее, мать хочет видеть сына... Он закрыл глаза, зажал голову руками и попытался представить белые стены больницы, медсестер в белых халатах и белых шапочках, почти бесплотную мать под одеялом в белом пододеяльнике, ее синеватые губы, хриплый свист в груди, трудное, прерывистое дыхание. Врачи не обнадеживали, только чудо могло продлить ей жизнь. Не отвечая на воркотню жены, он сидел, закрыв глаза, посапывая, и ругал про себя семизатным матом больницу, в которой лежала мать, а заодно и все больницы в мире, и всех до единого врачей-бездельников, от которых, хоть ты осыпь их дождем из ассигнаций, никакого толка, знай только лекарства прописывают, одно другого дороже и дефицитнее. А куда за деньгами не купишь, и бессилён ты, бессилен спасти свою мать!.. Но тут неожиданно ему в голову ударило: нашла время помирать! А как же гость! Он пробудет в Баку еще дней десять, а тут похороны, поминки, полон рот хлопот... хочешь не хочешь, а придется передоверить гостя Керимову и выйти из игры, а это не годится, совсем не годится, совсем не годится, да нет, что и толковать, это попросту невозможно, не для собственного же удовольствия проводит он целые дни с гостем, просиживает долгие часы за шумным застольем, а для дела. Как раз сейчас им предстоит проверить одно чрезвычайно важное дело, надо уговорить, улесть, заставить принять взятку одного типа. От успеха этой операции всецело зависит благополучие многих людей и не в последнюю очередь покой и счастье его собственной семьи. Он так и заснул тогда, весь в этих мыслях, и не помнит, как жена отвела его в спальню, раздела-разула и уложила в постель.

В одном из старых одноэтажных плоскокрыших домов мать кормила ребенка грудью, ребенок захлебывался, и молоко проливалось мимо рта. И человек, похожий на богатыря из сказки, с пегой бородой и хурджином через плечо, переступал порог того дома и говорил: «С гор иду я, дети!»

Он заплакал. Заплакал беззвучно, жалобно, по-детски шмыгая носом. В лютую зиму сорок третьего года по тесным улицам Баку ходил нищий, изможденный старик в немыслимых даже для того времени отрепьях. Он подходил к людям, ни слова не говоря, просто протягивал руку и плакал, шмыгая носом, как малый ребенок, так просил милостыню.

Он вспомнил нищего — знак-символ холодного и голодного детства, и перед ним снова замаячил ответ на томивший его со вчерашнего дня, вернее, ночи, с той самой минуты, как, отпустив такси, он стал подниматься сюда, в скалы, вопрос. Мысль маячила перед ним, скользила по камням, как тени носившихся в небе ястребов, но в руки не давалась, хотя и были моменты, когда казалось, что он уже ухватил ее за хвост.

Но он получит ответ, рано или поздно, но получит, завеса спадет, и истина обнажится перед ним, только жаль, очень жаль, что это случится, быть может, перед самым концом. Матерь божья, заступница, пошли нам всем терпения!.. И тем, кто по ту сторону врат, и тем, что уже по эту. Он привычно зажмурился, ему не хотелось смотреть на свет.

На свету росла надежда, грудь распирало от нетерпения, как если бы наливалась расплавлен-

ная свинцом, и временами начинало чудиться, что он слышит, как осыпается гравий под ногами брата, сейчас, сейчас он появится и принесет ему избавление, и все его муки, все страхи и терзания исчезнут без следа, как кошмарный сон. Мать божья, заступница, помощи и защиты!..

Сумерки опустились, он открыл глаза и смотрел в нарастающую темноту, и ему подумалось, что глаза его за короткий срок приобвыкли к темноте и отвыкли от света, или, может быть, подумал он, у него было две пары глаз, и первую, которыми смотрят на свет, он оставил там, где оставил все, а вторая, таившаяся где-то в голове, прорезалась и умела смотреть лишь в темноту. И эта их несчастная способность как магнитом притягивала к себе всю темноту мира, все его страхи и ужасы, и сердце его отзывалось на них мукой.

Ему показалось вдруг, что все это уже когда-то было, вот так же, как сейчас, он сидел в скалах Гобустана и терзался неизвестностью. Да нет, не показалось, было, было, не помнит, когда, но, несомненно, было. Он крепко зажмурился, обнял колени, положил на них голову и услышал звук, подобный грому небесному, — это билось его сердце. Маленькое, величиной с кулак, оно не в силах было удержать одну-единственную душу в раздвоившихся телах: одно по эту сторону врат, другое — по ту.

Дожить бы до утра, дожидаться бы брата, спастись, спастись, господи, господи, сжался надо мной, не допусти моей гибели, не допусти, не допусти...

Ночью снова заволновались воды, скопившиеся миллионы лет тому назад в одной из гигантских впадин земного шара, сюда донесся глухой, ужасающий рокот, и все птицы разом вскрикнули и затаились, а звезды, щедрой горстью рассыпанные по небу, выросли каждая величиной со скалу, и с тонких, острых лучей стали падать вниз огромные холодные камни. Он схватился рукой за саквояж, лег ничком и оцепенел; от страшного мерцания глаз образовался круг света, в который слеталась мошкар.

Он уже плохо соображал, ночь или утро, видел, что темно, и в этой темноте убегала на юг Азербайджана дорога, мерцавшая как серебряный пояс, в этой темноте стояла, дыша одышливо, старуха мать, поставив в ногах казан с еще горячей долмой в виноградных листьях, в этой темноте шел обыск в бакинской его квартире, а на кухне, отчаявшись найти выход, плачут сейчас его жена и младший брат...

Он плохо представлял себе, ночь ли длится или уже наступило утро, но знал, что все здравницы и все заупокойные — в честь Мугбила-киши, потому что никто не пришел сюда, чтобы спасти его, и, стало быть, событие свершилось и подошло к своему концу. Эх, Мугбил-киши! Да упокоит господь все население кладбища!..

«У бешеных денег худой конец, дитя мое, угомонись...»

Я понял мать, я все понял, поздно, правда, не-поправимо поздно, но понял...

Он открыл саквояж, вытащил пистолет, заряженный восемью пулями, девятая в стволе, и громко сказал, почти крикнул:

— Так вы меня и взяли, ждите!

Потом засунул в рот холодное дуло и нажал курок. Он так и не понял, ночь была еще или уже утро, но в тот же самый миг, как раздался выстрел, копьё, ожидавшее своего часа тысячи лет, сорвалось со скалы и, со свистом рассекая воздух, полетело куда-то вдаль, и на мусульманском кладбище в Баку закутанная в белый саван земли тщедушная старуха так страшно застонала, что все покойники вокруг услышали ее.

И в этот миг из окрестных пещер выскочили полуголые люди и, подхватив его, потащили в одну из пещер, где у ярко горящего очага уже лежали другие раненые. Его уложили рядом с ними на размокшую от человеческой крови и мочи землю.

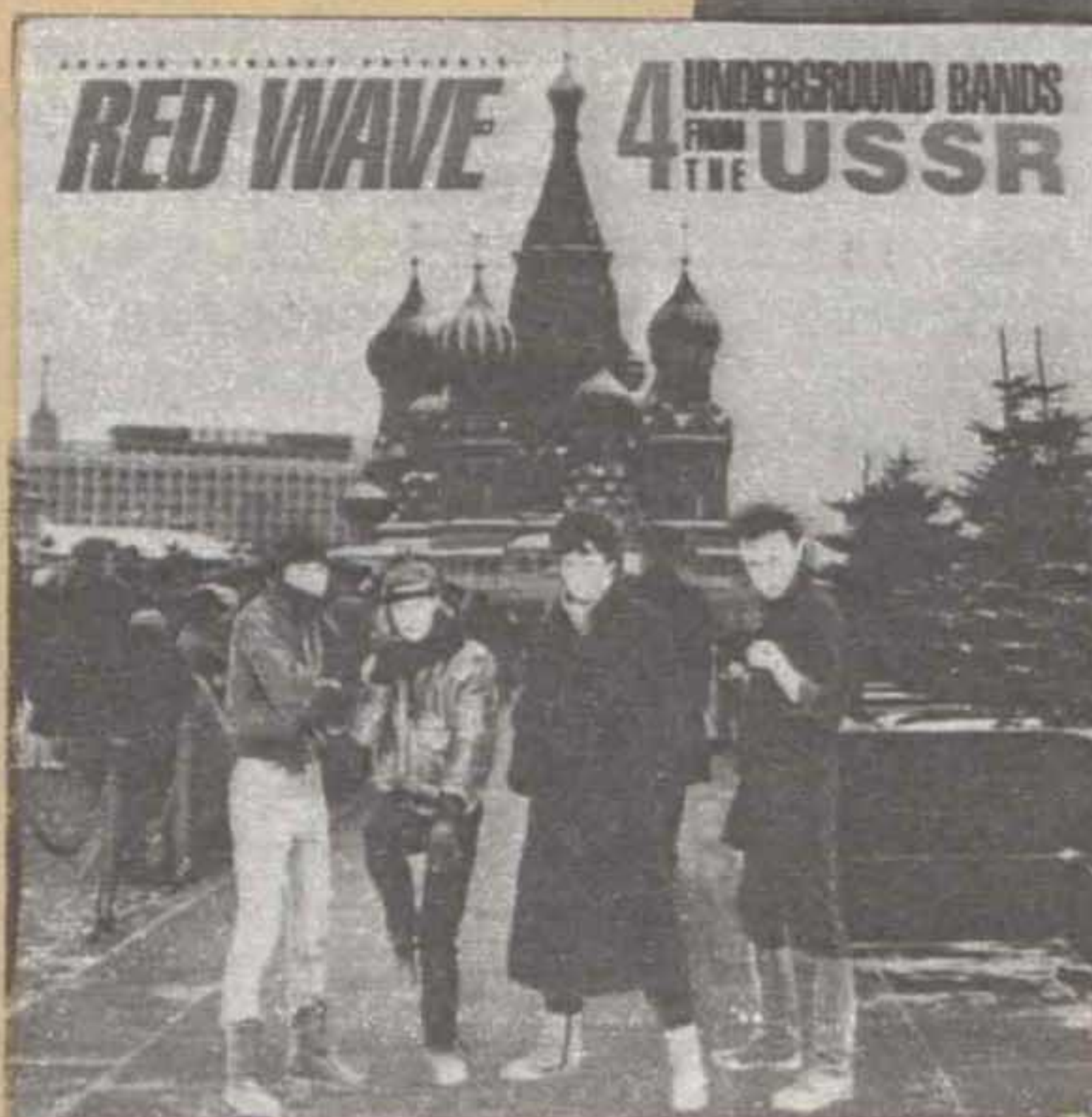
А внизу, в черных водах одной из гигантских впадин земного шара, акулы нетерпеливо разевали зубастые пасти и били хвостами. Вода в море была такая черная, как будто вобрала в себя весь мрак ночей за миллионы прошлых и будущих лет.

Теряя сознание от боли и жара, он уже не помнил ничего, и одна только мысль, что если выживет, то превратится в одного из своих братьев-сестер, так заунывно, под мерный стук белых костей, поющих сейчас в пещере, а померет — его с высокой скалы скинут в море, которое подступило совсем близко к подножию скал. Потому что там, в черных его водах, акулы давно ждут жертвы.

Перевод с азербайджанского
Греты КАРГАМАНОВОЙ.

Джоанн
Стингрэй
и Борис
Гребенщиков
в редакции
журнала
«Огонек».

Фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ РОК- МУЗЫКАНТЫ ЗА ДОВЕРИЕ

В редакции раздался телефонный звонок.

— Это из Америки Джоанн Стингрэй, которую вы критиковали. Можно приехать?

Мы вспомнили публикацию в № 49 «Огонька» за прошлый год «Эти «доброжелательные» рок-меценаты». Речь шла о нелегальном выпуске в США с помощью Стингрэй двойного альбома советской рок-музыки «Красная волна...». На альбом довольно быстро откликнулись некоторые газеты и журналы, прокомментировавшие его в духе злобного антисоветизма и откровенной лжи, будто бы пластинка стала помощью «угнетенным советским рок-музыкантам». За океаном выходили на эту тему и книги, а в одной из них была целая глава о «гонениях» и «отвергнутом Советами» Борисе Гребенщико-ве. Сейчас руководитель ленинградской группы «Аквариум», одной из самых популярных в стране, сидел рядом с иностранной гостьей.

— Видите ли, — первой начала Джоанн, — я хочу принести свои извинения. Мне крайне неприятно было читать писанину в «Ю Эс Эй тудей» и «Ньюсуике»... Мои слова извратили до неузнаваемости, поговорили об одном, а напечатали абсолютно другое, это просто ужасно! После того как я обратилась в редакции с протестом, мне объяснили: ничего не произошло, такова точка зрения тех, кто готовил интервью к печати.

Что ж, таковы нравы «свободной» прессы Запада. Что касается конфликта ВААП с фирмой «Стингрэй продакшн», то он улажен, за использование записей советских исполнителей в коммерческих целях выплачен штраф. Ну, а сама фирма — это пока одна Джоанн, которая рассказывает:

— Успех пластинки превзошел ожидания. У меня полно приглашений в школы, дети слушают музыку — они в восторге! Мне пишут письма, в которых откровенно признаются: «Мы даже не подозревали, что в России может быть такой прекрасный рок...»

Рассказ американки просим прокомментировать нашего соотечественника. Борис Гребенщиков кратко:

— Рок-музыка, видимо, продолжает оставаться универсальным языком общения молодежи всего мира...

В ходе беседы с музыкантами (Джоанн, оказывается, сама выступает на сцене, пишет песни и музыку) мы узнали об увлекательной идее, с которой выступила американская сторона. Замысел — продолжить серию концертов с участием «звезд» рок-музыки всего мира в благотворительных целях. Как известно, в минувшем году и ранее организовывались различные акции в помощь голодающим Африки, серии концертов для детского фонда ООН — ЮНИСЕФ.

— В чем суть задуманного? Сначала мы приглашаем Бориса Гребенщикова с «Аквариумом» в США. К советским музыкантам подключаются известные исполнители и музыканты — Брюс Спрингстин, Синди Лопер... Параллельно с пластинкой выпускается ее видеoversия, в числе содействующих акции хотим видеть фирмы грамзаписи «Мелодия» и «Коламбия»...

Проект о сотрудничестве советских и американских музыкантов обсуждается в объединении «Международная книга», которое готово выступить посредником в заключении контракта.

Владимир КОВАЛЕВ

НА ПУТИ К БЕЗОТХОДНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

КОГДА ЖИЛЬЯ НЕДОСТАЕТ...

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА У ПРИРОДЫ?

Геннадий МАКСИМОВИЧ

Фото Виктора САККА

До станции Аксарайской, неподалеку от которой расположен АГК — Астраханский газовый комплекс, около семидесяти километров. Где-то на полдороге наша машина, объехав большую колонну груженых грузовиков, уткнулась радиатором в ограждение паромы. Бузан — один из самых мощных рукавов волжской дельты — стал основным препятствием для создателей постоянной автомобильной трассы, связывающей новостройку с Астраханью. Опоры будущего моста совсем рядом — в нескольких десятках метров.

...Паром достиг берега. Приближалась стройка. За окном машины мелькнула надпись, предупреждающая, что находится на территории АГК без противогаза запрещается. Через несколько минут перед глазами предстал он сам — Астраханский газоперерабатывающий завод, сердце всего комплекса. Высокие трубы, серебристая изоляционная обшивка реакторных колонн, различные установки и сооружения, переплетения разноцветных и разнокалиберных труб, зигзаги эстакады и ферм.

Благодаря первой очереди комплекса народное хозяйство страны ежегодно станет получать много серы, бензина, дизельного топлива, три миллиарда кубометров товарного га-

— Что вы, это невозможно, — уверенно ответил Бадалов. — Да и нерационально. К тому же на каждой буровой у нас стоят специальные датчики: при малейшей утечке они тотчас просигналят.

Бессспорно, стране нужны газ, сера, топливо. Но ни в коем случае нельзя забывать об окружающей среде, чтобы не объяснять потом свои ошибки и промахи производственной необходимостью. Ведь, «если что...», пострадают не только люди, но и природа, для нее-то противогаз пока не создан.

Испокон веку славилась низовья Волги рыбой и в первую очередь, конечно же, осетром. После проведения широкой мелиорации земель стала Астраханская область всероссийским огородом, поставляющим ежегодно почти миллион тонн превосходных по вкусовым качествам помидоров и арбузов. И никто не простит нам, если все это вдруг исчезнет. А вернее сказать, погибнет по чьей-то халатности или из-за неправильного расчета.

— Вы совершенно напрасно волнуетесь, — попытался успокоить нас директор очистных сооружений Петр Николаевич Мерчев, когда мы спросили его об этом. — Сточные воды в Волгу не попадут. У нас предусмотрена, если хотите, двойная и тройная система очистки. Пойдемте, вы сами увидите. Заранее хочу пред-

добросовестно сжигаться твердые отходы. И все же...

Когда мы были на буровых, то невольно обратили внимание на факелы. Нам пояснили: продувка скважин, подготавливаемых к эксплуатации, осуществляется в атмосферу. Ну, а чтобы вырывающийся конденсат не слишком загрязнял воздушную среду, его поджигают, как и предусмотрено соответствующей инструкцией. Однако мы видели, что в районе освоения скважин на уровне земли образуются обширные зоны с концентрацией сернистого ангидрида, значительно превышающей все допустимые нормы.

Именно потому необходимо было встретиться с начальником штаба стройки, секретарем обкома КПСС Николаем Федоровичем Козловым, задать ему несколько вопросов, накопившихся после знакомства с жизнью Астраханского газового комплекса. Взять хотя бы жилищную проблему. О том, что не хватает квартир, говорили многие. В Юго-Западном районе Астрахани возводится жилой комплекс для строителей и эксплуатационников. Но он капля в море, если учесть, что сейчас здесь работают около 35 тысяч человек. Правда, до 1992 года намечено построить полтора миллиона квадратных метров жилья, восемь общеобразовательных школ, детские дошкольные учреждения, больницы и ряд других социальных объектов.

М. С. Горбачев в докладе на январском Пленуме ЦК КПСС сказал: «Тот факт, что на протяжении долгих лет с хозяйственников по-настоящему не спрашивали за решение социальных вопросов, оставил серьезный отпечаток на их подходах к работе. Надо решительно исправить сложившееся положение. Без твердой позиции партийных комитетов, без последовательных практических шагов по линии правительства сделать это будет трудно.

Возьмите самый свежий пример. В конце прошлого года введена в строй первая очередь Астраханского газового комплекса. Здесь освоено более полутора миллиардов рублей

регион вполне может лечь дополнительной нагрузкой, с которой природа справиться уже не сумеет.

Вот об этом мы и попросили подробнее рассказать Николая Федоровича Козлова.

— Понимаете ли, — не сразу ответил начальник штаба стройки, — только на первой очереди ежегодно будет выбрасываться в атмосферу более миллиарда кубических метров углекислого газа, сжигаться вместе с товарным газом 140 тысяч тонн этана. Прибавьте к этому три тысячи тонн безвозвратно потерянной мекрапановой серы и многих других ценных компонентов. И все это лишь по одной причине: утилизация названных мною веществ не предусмотрена проектом. Нас успокаивают, говорят, что это куда меньше, чем выбрасывает в атмосферу мощная теплоэлектростанция. Не берусь спорить, специалистам виднее...

Конечно, со специалистами спорить трудно, Николай Федорович прав. И все же, когда, защищая проект комплекса, говорят, что роза ветров в данном месте благоприятна и в сторону Астрахани ничего вредного не пойдет, это несколько не успокаивает.

— А теперь давайте взглянем на проблему по-государственному, — продолжал Козлов. — Если использовать месторождение комплексно, то можно получить немало пластмасс, удобрений, белково-витаминных концентратов, двуокиси углерода, мекрапаны. Такой подход не только сведет на нет вредное воздействие на окружающую среду, но и увеличит народнохозяйственный эффект от разработки астраханского газоконденсата.

— Но если все так просто, то в чем же тогда загвоздка?

— Думаю, что в первую очередь в надоевших всем межведомственных барьерах. Все те полезные вещества, о которых говорим, нужны различным министерствам, и поэтому никто в отдельности заниматься всеми ими не хочет. Сейчас изучением проблем Прикаспия вплотную занялась Академия наук СССР, быть может,

ФАКЕЛЫ ВСТАЛИ

за. Он пойдет отсюда не только в Астраханскую область, но и в Дагестан, Чечено-Ингушетию, на Северный Кавказ.

— Темп у нас скоростной, — начал рассказ заместитель генерального директора треста «Астраханьбургаз» Сергей Агабекович Бадалов. — Представьте, в 1982 году — первая буровая, сегодня их десятки. В нашем газе очень большое содержание серы — четвертая часть. Аналогов подобным месторождениям и опыта их разработки в отечественной практике нет. В оренбургском газе, например, серы почти в десять раз меньше. Так что многому нам приходится учиться заново. Прибавьте к этому еще сложное геологическое строение, аномально высокие пластовые давления, специфическую для здешних залежей технологию проходки стволов.

— Сергей Агабекович, известно, что сера и другие сопутствующие компоненты астраханского газа вредны для окружающей среды, — задали мы давно интересующий нас вопрос. — Быть может, разумнее было бы перегонять конденсат по трубопроводам куда-нибудь подальше от Волги и уж там перерабатывать?

упредить, что, пока очистку не опробуют, никто первую очередь запускать не позволит. Часть воды после очистки поступит обратно на завод для повторного использования, другая — в емкость сезонного регулирования. Вода эта предназначена для приема заводских стоков, которые потом будут расходоваться на орошение полей...

— Петр Николаевич, но ведь сейчас на улице зима, а как же вы будете выращивать микроорганизмы, которым отводится важная роль в очистке сточных вод? Получится ли?

— Это предусмотрено, — улыбнулся в ответ директор очистных сооружений. — Вода пойдет теплая, и микроорганизмам холод будет нипочем. Все стоки станут параллельно проверяться как в нашей лаборатории, так и в городской. Так сказать, двойная страховка...

Конечно же, очень хотелось верить, что без проверки работы очистных сооружений никто запускать первую очередь не собирается. Как и в то, что захороненные, а вернее, закачанные на полуторакилометровую глубину и не поддающиеся очистке промышленные отходы никогда не вырвутся наружу и не нарушат экосферу. Так же, как и в то, что будут

капитальных вложений, трудится восьмитысячный коллектив рабочих и специалистов, но из них постоянное жилье имеют только три тысячи. При этом отставание в строительстве жилья, поликлиник, столовых, других объектов социально-культурной сферы было с самого начала заложено в планах. Вот плачевный итог неправильного, ошибочного подхода к социальным делам на уровне плановых органов. Надо быстрее поправить дело.

Ожидая Н. Ф. Козлова, невольно обратил внимание на то, что члены штаба имеют самое прямое отношение к здоровью людей и экологии. Хочется верить, что эти люди не позволят нанести урон нашим общим интересам, станут на страже здоровья людей и экологической чистоты производства.

Здесь же вспомнилась речь Л. А. Бородина, первого секретаря Астраханского обкома партии, на июньской (1986 г.) сессии Верховного Совета СССР. Он говорил: на сегодняшний день нет пока детальных проработок на Астраханском газоконденсатном месторождении по защите окружающей среды. То есть получается, что и на без того напряженный в экологическом отношении

она и станет координирующим центром? Ясно одно: назрела необходимость создать на базе месторождения территориально-производственный комплекс. Тогда и природе не будем портить, и дополнительный продукт получим. Вот это будет действительно по-государственному.

...Через несколько дней, как и было намечено, газоперерабатывающий завод был пущен. Все было как положено: первый кусок астраханской серы, довольные лица строителей, монтажников и эксплуатационников. Восхищаясь всем сделанным и отдавая дань людям, сумевшим в короткие сроки возвести такой комплекс, мы возвращались мысленно ко всем возмущениям во время командировки «за» и «против».

Думается, все у астраханцев будет хорошо. Если эксплуатация первой очереди, в которой многое проектировалось на основе только теоретических данных, докажет их правильность и безвредность для окружающей среды. Если использовать будут на благо всем нам все компоненты месторождения. Если станут со временем отдыхать перелетные утки на глади емкостей сезонного регулирования...

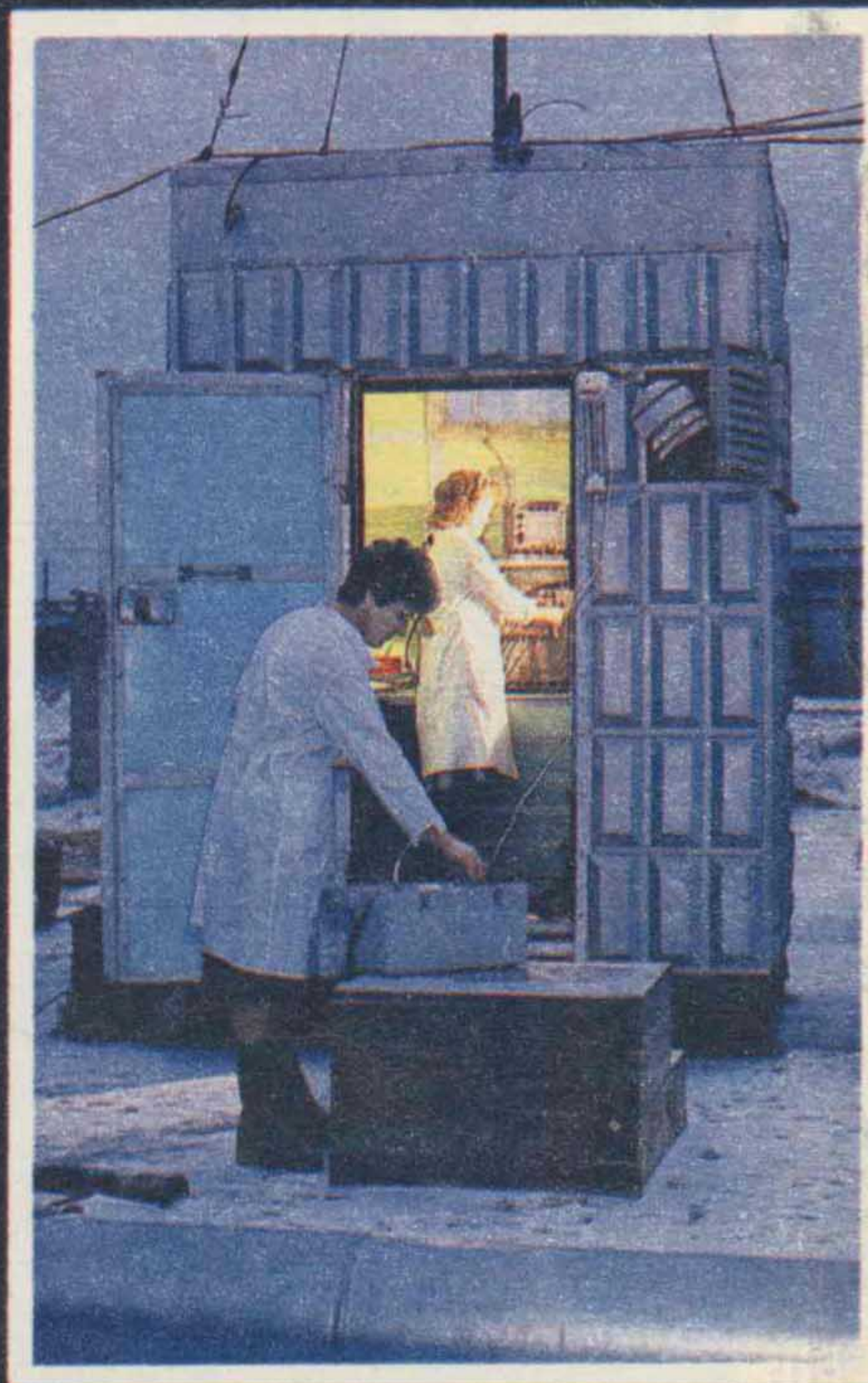
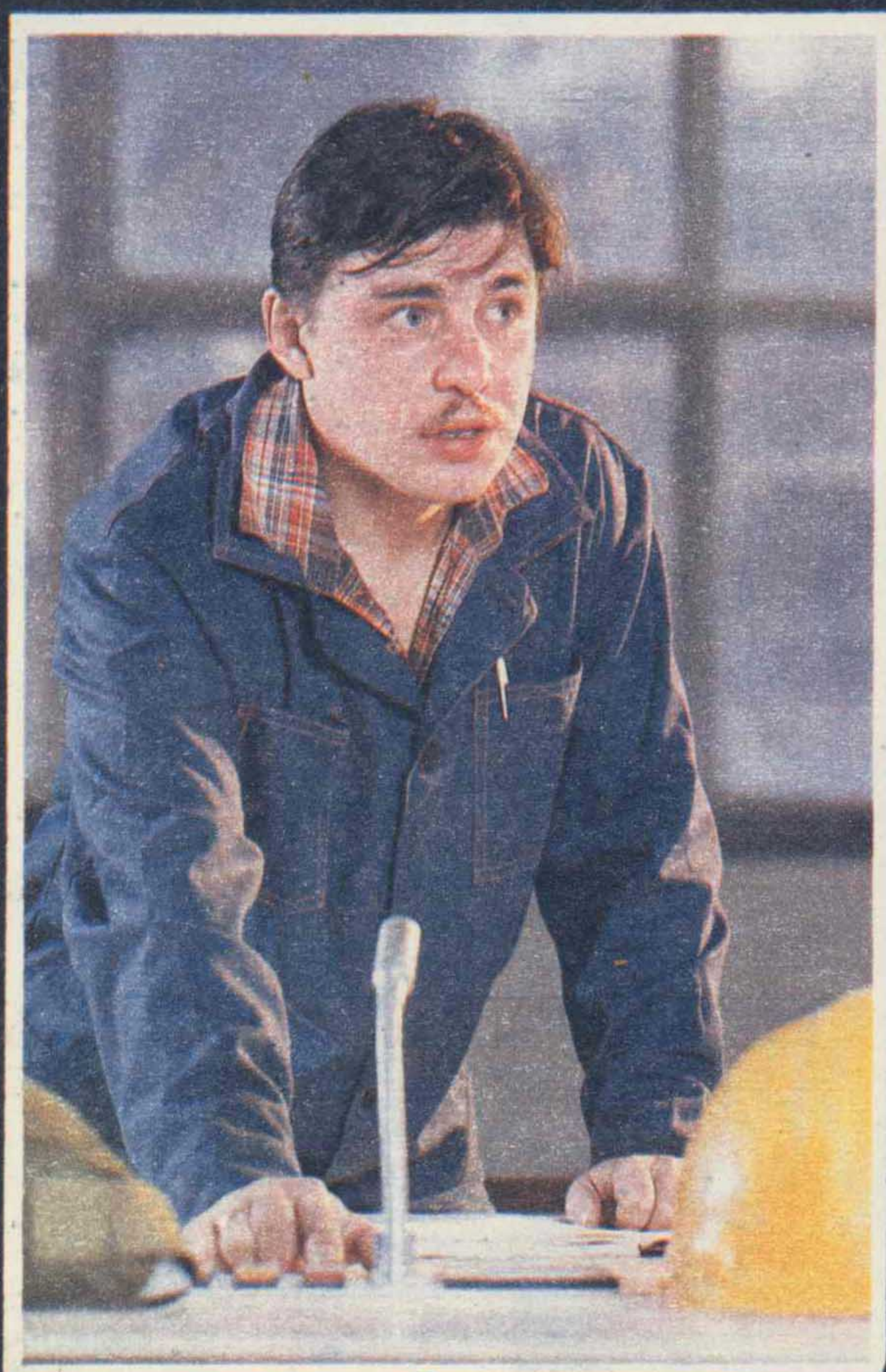

●
ПЕРЕД
ПУСКОМ —
ГОТОВНОСТЬ № 1.

●
МОНТАЖНИКИ
АЛЕКСАНДР
ПАНЮШКИН
(СЛЕВА)
И АЛАУДИН
СУЛТАНОВ.

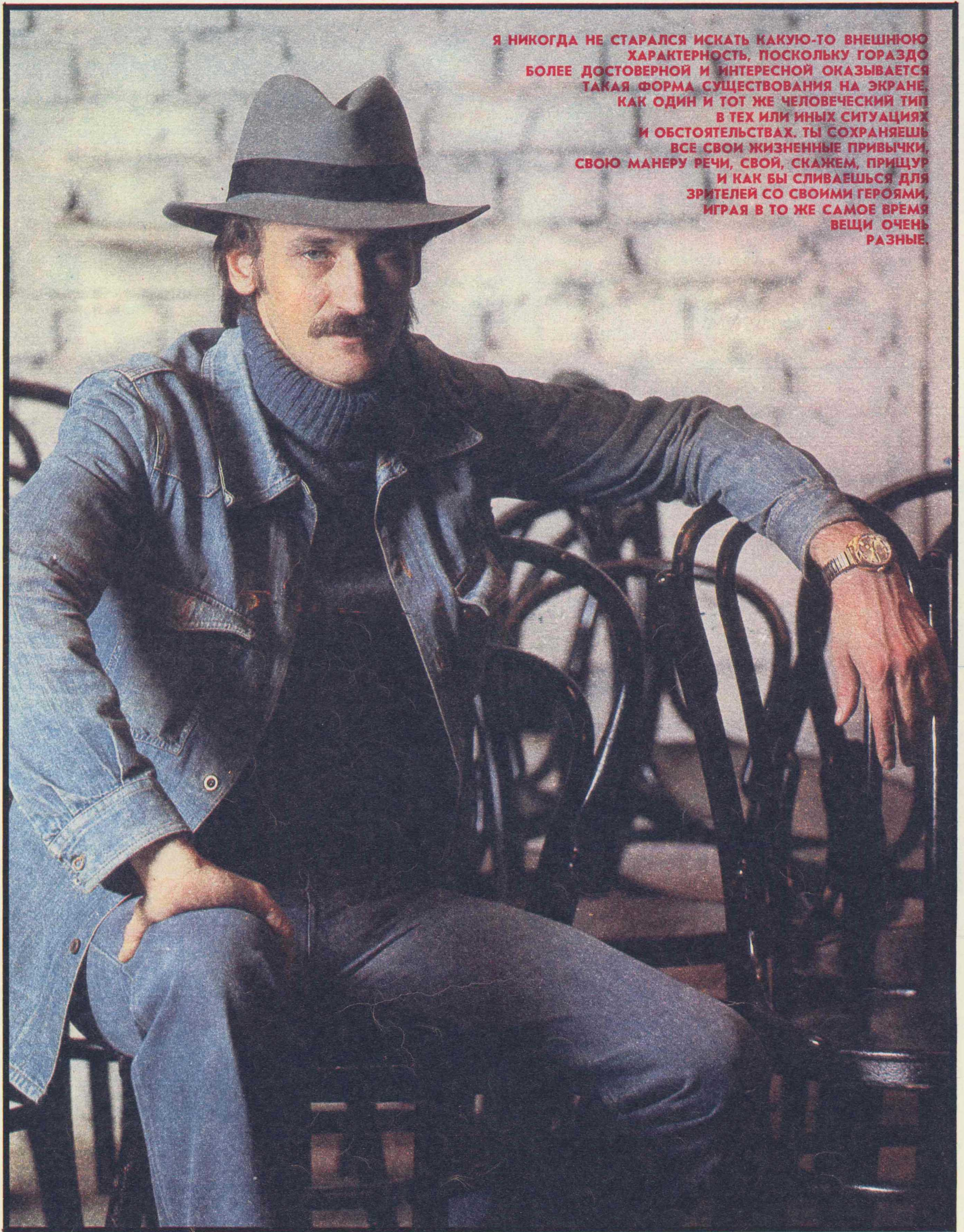

АСТРАХАНСКИЙ ГАЗОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИЙ.
В КОРОТКИЕ СРОКИ ПОДНЯЛИСЬ В ПРИКАСПИЙСКОЙ СТЕПИ КОРПУСА
ЕГО ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ. СТРАНЕ ОЧЕНЬ НУЖНА УНИКАЛЬНАЯ
ПРОДУКЦИЯ ЭТОГО ПРЕДПРИЯТИЯ. НО РАСПОЛОЖЕНО ОНО В МЕСТАХ,
ЭКОЛОГИЯ КОТОРЫХ ОСОБЕННО УЯЗВИМА. КОНТРОЛЬ ЗДЕСЬ
ДОЛЖЕН БЫТЬ КОМПЛЕКСНЫМ, ПРЕДЕЛЬНО ЖЕСТКИМ.

Я НИКОГДА НЕ СТАРАЛСЯ ИСКАТЬ КАКУЮ-ТО ВНЕШНЮЮ
ХАРАКТЕРНОСТЬ, ПОСКОЛЬКУ ГОРАЗДО
БОЛЕЕ ДОСТОВЕРНОЙ И ИНТЕРЕСНОЙ ОКАЗЫВАЕТСЯ
ТАКАЯ ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ НА ЭКРАНЕ,
КАК ОДИН И ТОТ ЖЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ТИП
В ТЕХ ИЛИ ИНЫХ СИТУАЦИЯХ
И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. ТЫ СОХРАНЯЕШЬ
ВСЕ СВОИ ЖИЗНЕННЫЕ ПРИВЫЧКИ,
СВОЮ МАНЕРУ РЕЧИ, СВОЙ, СКАЖЕМ, ПРИЩУР
И КАК БЫ СЛИВАЕШЬСЯ ДЛЯ
ЗРИТЕЛЕЙ СО СВОИМИ ГЕРОЯМИ,
ИГРАЯ В ТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ
ВЕЩИ ОЧЕНЬ
РАЗНЫЕ.

«ДВАЖДЫ ДВА НЕ РАВНО ТРЕМ С ПОЛОВИНОЙ»

РАМПА

Леонид ФИЛАТОВ

ИНТЕРВЬЮ С ПОПУЛЯРНЫМ АКТЕРОМ ОБЫЧНО ДЕЛАЕТСЯ ТАК: СООБЩАЮТСЯ ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НЕМ САМОМ—КОГДА РОДИЛСЯ, ГДЕ УЧИЛСЯ (ЗДЕСЬ СЛЕДУЕТ ПЕРЕБИВКА: АКТЕР РАССКАЗЫВАЕТ ПЕРВЫЙ СМЕШНОЙ СЛУЧАЙ ИЗ БИОГРАФИИ), КУДА ПОСТУПИЛ ПОТОМ (ВТОРОЙ СМЕШНОЙ СЛУЧАЙ), ЧЕМ УВЛЕКАЛСЯ И ЧЕМ НАГРАЖДАЛСЯ...

— Вот-вот,— кивает актер московского театра «Современник» Леонид Филатов,— а в конце нашей захватывающей беседы вы от души пожелаете мне новых творческих успехов. Так что давайте попробуем обойтись без интервью. Может быть, сами напишете статью?

— Но в статье будет мое мнение о вас, а это неинтересно. Интересно ваше мнение о...

— О чем?
— О своей профессии. Знаете, во многих газетах и журналах есть такая рубрика — «Разговор о профессии».

— В таком случае я вам могу назвать актеров, к которым насчет этого можно обратиться с большим основанием...

— Но в течение пяти последних лет в различных анкетах и опросах, проводимых в печати, вы неизменно назывались среди самых популярных актеров нашего кино.

— Дело в том, что решающее слово в общественном мнении остается за зрителями в возрасте от 16 до 25 лет. Погоду делает молодежная аудитория, которой, на мой взгляд, свойственно искать примеры для подражания в людях несколько постарше себя: отец не отец, но, скажем, старший брат. Возраст моих героев в «Экипаже», «Соучастниках», в таких фильмах, как «Вам и не снилось», «Кто заплатит за удачу», как раз отвечает этому требованию.

— Однако только возраст не является залогом успеха, им одним все не объяснишь.

— Разумеется. Для меня еще всегда было важно настоять на праве быть на экране самим собой, пропускать все конфликты через себя, делая их, таким образом, не внешними, а внутренними, как это и бывает в жизни. Я никогда не старался искать какую-то внешнюю характерность, поскольку гораздо более достоверной и интересной оказывается такая форма существования на экране, как один и тот же человеческий тип в тех или иных ситуациях и обстоятельствах. Внешне такая характерность может абсолютно ничем не поддерживаться, ты сохраняешь все свои жизненные привычки, свою манеру речи, свой, скажем, прищур и

как бы сливаешься для зрителей со своими героями, играя в то же время вещи очень разные...

И еще. Чем бы актер, помимо всего прочего, ни занимался, он исчисляется только так: профессия плюс еще что-то. И если ты не владеешь своей основной профессией, то это «еще что-то» никого интересовать не будет: как ты рисуешь, что ты пишешь, на каких музыкальных инструментах играешь. И я, как говорится, не волшебник—я только учусь, учусь постоянно, стараюсь набрать, приобрести как можно больше умения в своей профессии.

Был у меня в жизни момент, когда я решил: устрой-ка я себе «праздник сердца», посижу-ка я пару лет дома и буду только писать в свое удовольствие. К счастью, быстро опомнился, одумался, потому что случись так — и всё, профессии нет. Это набирать умение трудно, а растерять — легче легкого, отучаешься работать моментально. Если актер, скажем, год не поработал в кино, он половину съемочного периода будет только осваиваться, приходиться в себя. То же самое и на театре: важна постоянная практика, необходимо все время быть занятым, играть. При этом самый строгий судья себе — ты сам. Первая неверная, фальшиво взятая тобой на сцене нота обожжет тебя и долго не даст покоя, пока не найдешь то точное, единственно правильное. Такая вот капризная профессия... Иной раз даже завидуешь кому-то, у кого профессия «верная», никуда не ускользающая.

Кроме того, я считаю, что недостаточно быть только актером — нужно еще иметь, что сказать. Это мое глубочайшее убеждение, и оно сложилось не умозрительно. Я, например, знал одного поразительного по мастерству актера старшего поколения, который мог сыграть все: воду, телефонную книгу, — но ему самому сказать было нечего. Это был гениальный инструмент в руках другого. Мастерством, пусть совершенным, все и ограничивалось. То есть можно, наверное, и так, но это не мой путь. Нужно нести свою боль, свою любовь и свою ненависть.

— Так любовь или ненависть? Какое чувство сильнее? Что движет актером?

— Вы же понимаете, что это не расторгимое целое. Неистовость, ярость — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно творит добро.

У меня, разумеется, есть определенная, своя позитивная программа, но мне кажется, что в первую очередь необходимо побыстрее расстаться с тем, с чем давно пора расстаться. И не нужно быть идеалистами: искусство не может впрямую, сразу же воздействовать на жизнь, перевернуть существующие аномалии, отменить то плохое, что еще есть. Но искусство, как капля, кото-

рая точит камень, может в конечном итоге изменить образ мышления людей в сторону нравственности, которую почему-то часто путают с морализированием.

К тому же наша страна — одна из очень немногих в мире, где существует подлинный интерес к отечественному кинематографу, и преступно, безнравственно выпускать некачественную продукцию, легко поступающую зрительским доверием.

Кто-то из классиков сказал, что для большинства «дважды два — четыре» — это обычно, нормально; для гениев же нормально «дважды два — пять». Пусть так. Но для кого нормально, если дважды два равно трем с половиной? А вот в кино такие монстры, равные трем с половиной, выпускаются. Я это говорю к тому, что сейчас и в восприятии фильмов наблюдается довольно печальная картина: они определяются двумя категориями: «Гениальные! Весь мир обсматрится!» или — «За гранью». Мы постепенно забываем определение «хороший фильм», а картина должна быть прежде всего хорошо, добротой сделана, тогда перестанут жонглировать таким понятием, как «шедевр». Ведь хороший фильм — это сложный фильм, так же как хороший человек — это сложный человек.

— На мой взгляд, именно в кино, а не в театре и не на ТВ, где вы достаточно много работали, вам удается особенно ярко проявлять свои актерские возможности.

— Не знаю уж, насколько «ярко»... Но, действительно, так сложилось, что в кино чаще удается выкладываться полностью. Я ищу такие возможности и, надеюсь, иногда нахожу. А началось это с того, что, когда в 1977 году режиссер Константин Худяков начинал работу над фильмом «Иванжол, Петров, Сидоров», он почему-то решил, что Петрова должен играть именно я. На худсовет у Худякова вежливо поинтересовались, где и зачем он взял актера с таким странным лицом. Константин стал убеждать всех, что я знаменитый актер Театра на Таганке, на что ему сухо возразили, что на Таганке они знают другого знаменитого актера, а это лицо видят впервые. «Под вашу личную ответственность», — сказали молодому режиссеру напоследок. Худяков рисковал, я тоже понимал, что переворота в отечественном кинематографе своим появлением в фильме не произведу, поэтому когда впоследствии какие-то фильмы, в которых я играл, например, «Экипаж», получали определенный общественный резонанс, я радовался не за себя и даже не за режиссера и съемочную группу фильма, — я радовался за Худякова; на многих картинах я, может быть, где-то подсознательно, стремился к тому, чтобы он мог с полным основанием сказать, что все-таки не зря пригласил тогда меня сниматься.

— Перед Константином Худяковым вы, по-моему, в долгу не остались: может быть, лучшую свою роль в кино вы сыграли в его «Успехе»...

— Работа с этим режиссером дает ту творческую радость, без которой никакая удача в нашем деле невозможна: нельзя же снять хороший фильм по обязанности. Худяков не только вселяет в тебя надежды во время съемок, — он эти надежды еще и оправдывает результатом работы — фильмом.

— А есть еще режиссер, с которым вам бы очень хотелось встретиться в работе?

— Есть. Роман Балаян. В нем привлекает и высочайшая культура работы с актерами, и абсолютное владение профессией, и умный, точный, внимательный взгляд на жизнь, и еще многое-многое. Ему веришь. Его работы мне всегда интересны. Я, например, знаю, что в свое время сценарий Виктора Мережко «Полеты во сне и наяву», опубликованный в журнале, был прочитан как обычная психологическая драма с хорошо написанными диалогами, — но не больше. Балаян сделал из этой житейской истории высокую трагедию.

— Леонид Филатов известен не только как актер, но и как автор пародий, стилизаций, переводов...

— У меня, как правило, лежит несколько параллельно начатых работ, а поскольку в этом деле я любитель, а не профессионал, то стараюсь использовать определенные выгоды из этого положения, например, я не должен успеть написать что-то к определенному сроку — работаю как работаешь. Закончил стилизацию под перевод «Декамерона» — получилась пьеса в стихах, которая называется «Да здравствует чума!». Поскольку это пьеса и в принципе предназначена для сцены, а не только для чтения, то я стремился к тому, чтобы текст прежде всего легко произносился. В последнее время я довольно много занимался сказкой «Про Федота-стрельца, удалого молодца» по мотивам русских народных сказок.

Ко всему этому я отношусь достаточно серьезно, потому что так было привито мне с детства: вера в силу печатного слова и любовь к нему. Сейчас все чаще слышишь, что ни у кого ни на что не хватает времени, а уж тем более на чтение, но ведь без постоянного общения с литературой человек в урода может превратиться... А мы потом удивляемся: откуда у человека такое, мягко говоря, узкое, а на самом деле дикое представление о нравственности?

И — еще о нравственности. Очень у нас любят писать актерам письма: «Вы выступали в «Кинопанораме» и сказали... Да как вам не стыдно...» Получает актер или актриса такую «весточку» в конверте от пишущей «человекоединицы», и настроение испорчено на весь день.

— У Булата Окуджавы есть стихотворение: «Берегите нас, поэтов, берегите нас. Остается век, полвека, год, неделя, час...»

— Кто бы про актеров такое написал... Они ведь потому и стали актерами, что у них чувствительность — повышенная, ранимость — повышенная. В данном случае не про себя говорю, поймите...

Легко быть нетерпимым, — как трудно быть терпимым к слабости людской, к ошибкам, просчетам и несовершенствам других. Гораздо легче быть беспощадным, чем милосердным, куда легче «не прощать», чем попытаться понять. Терпимость — необходимое для нравственного здоровья общества понятие. Об этом в последнее время я задумываюсь особенно часто...

Беседу вел Виктор БУРЯКОВ.

...И РАВНОДУШЬЯ ТИШИНА

Константин
БАРЫКИН

**У ХЛЕБА
ЕСТЬ
ИСТОРИЯ,
НО НЕТ
МЕСТА,
ГДЕ ЭТА
ИСТОРИЯ
БЫЛА БЫ
СОБРАНА.**

Они встретились за Саратовом. Тяжело груженная отборной пшеницей баржа и пароход общества «Кавказ и Меркурий»; за ним тянулись баржонки с рабочими. При найме им обещали (цитирую памфлет Н. Добролюбова «Опыт отучения людей от пищи», он был опубликован в «Свистке»): «в пищу черный хлеб с постным маслом и солью...». Но кормили хлебом без соли и без масла, к тому же плесневелым и черствым. И с таким бы согласились, и такому были бы рады. «Но им задано было испытание еще лучше... Им предстояло питаться двумя фунтами хлеба четверы сутки, а

по предшествующему плаванию они знали, что к хлебу им ничего не дается».

Два каравана встретились и разминувшись. На одном плыли полугодные рабочие, второй вез пшеницу для продажи ее заграничному импортеру.

Россия торговала хлебом размахисто, без оглядки. В восьмидесяти годах прошлого столетия вывозилось около 5 миллионов, а в начале двадцатого века уже более десяти ежегодных миллионов тонн зерна уходило в другие страны. И чем больше экспортировали, тем устойчивее был внутренний голод, тем выше цены на хлеб. «Сами не доедим, а вывезем и продадим». Это того времени купеческий фольклор и «юмор», но в таком деле, как хлебная торговля, нужны факты.

Да и само понятие «голод», особенно при взгляде из наших дней, немного абстрактно. До той поры, пока не вчитываешься в документы, оставленные нам Львом Николаевичем Толстым. Он с помощниками отправился в один из голодающих уездов, в Крапивинский, где «...употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, — с $\frac{1}{3}$ и у некоторых с $\frac{1}{2}$ лебеды, — хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные».

Не знаю, можно ли такую смесь назвать хлебом, но то, что ему были рады, что чернильной черноты хлеба не доставало не то что до нового урожая, до весны его не хватало, тоже известно. Документально подтверждено. И в Богородицком уезде хлеб почти у всех с лебедой. «Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она не съедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наесться натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалют».

Лев Николаевич не опубликовал свою статью «О голоде»: не позволила цензура. Частью она была напечатана одной из европейских газет, с купюрами появилась и в московской. Что тут началось! Как было оскорблено сытое высшее общество. «Все богатые тунейдцы раздражены против Вас донельзя», — писал Толстому один из его корреспондентов. «В России голод? Яснополянский старец все это придумал!» — восклицала бодрая газетенка. «Россия обладает достаточными хлебными ресурсами, чтобы спокойно и уверенно смотреть в будущее: хлебное богатство России при всех случайностях вполне обеспечивает продовольствование ее населения и при необходимости может служить также предметом вывоза...» — так позже скажет председатель госдумы М. В. Родзянко.

И пресса восторженно приводила цифры заграничных продаж.

Мне удалось восстановить некоторые из них, в частности по обстоятельной и статистически весьма основательной книге В. Микини «Руководство по хлебопекарному производству и товароведение хлебного зерна...». При скромных, а лучше сказать, нищенских урожаях Россия вывозила пшеницу и рожь многими миллионами пудов. «Из «Коммерческой энциклопедии» или «Настольной справочной книги по всем отраслям коммерческих знаний», изданной в Санкт-Петербурге в 1901 году, узнал, что за 1897 год «по европейской границе, включая Кавказ, вывезено всего 419, 849, 000 пуд. зернового хлеба (пшеницы, ржи, овса, ячменя. — К. Б.), а кроме того, 21 миллион пуд. кукурузы, 9 милл. п. муки, 22 м. п. отрубей и проч.». Придется тут к месту и свидетельство беллетриста, знатока русского быта

С. В. Максимова. В книге «Куль хлеба и его похождения» он писал, что нужда и беда выучили и приучили растягивать муку на весь год, но «с примесью посторонних веществ — семян различных трав, мякины, в особенности сушеной и истолченной в порошок древесной коры. Хлеб этот непривычный и в рот не возьмет, а не выдавший его примет скорее за комок грязи или навоза, чем за людскую пищу».

Такие вот калачи и такие ситные караваи пекли в прошлом веке, такой была «объедаловка», таким был хлебный стол миллионов людей...

Торговали лишним? В. Микини приводит таблицу — сравнение с другими странами «Чистый остаток пудов хлеба на душу населения». Россия здесь — на 15-м месте. «Если собираемое в году количество хлебных продуктов за вычетом экспорта разделить на число жителей страны, то усматривается, что Россия экспортирует не излишек хлеба, а экономии на недоедании народа...» И снова следовала страшная в своей спокойной беспристрастности статистическая таблица («Действительное потребление пуд. хлеба на 1 жителя в год»). Россия прочно удерживала в том списке последнее место. — К. Б.), из которой, как писал автор-составитель, было видно, что «в России житель употребляет для своего питания наименьшее количество хлеба из всех других европейских народов».

В одной из иностранных практических книг по хлебопечению была специальная глава «Хлеб для голодающих в России». И в ней перечисления: «Из отрубей с примесью сена», «из соломы, коры и отрубей», «из смеси $\frac{1}{8}$ ржаной муки, $\frac{1}{8}$ картофеля и $\frac{3}{4}$ коры».

Факты, факты, факты... Почему мы из сытого нашего времени ничего о них не знаем? Или знать не хотим? Говорим: хлеб — история народа. А такая страница этой истории оказывается нечитаной. А пройдет еще какое-то время — и вовсе забудется?

В Санкт-Петербурге выходит книга «Рассуждение о нынешнем в 1778 году почти повсеместном голоде в России, о способе оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастье». Наивные авторы. Их устами мед бы пить или хотя бы хлеб есть. Но не было хлеба.

Я все пытался узнать, что покупала страна на вырученные от запродаж деньги. Станки для развития промышленности? Сельскохозяйственные машины? Кабы так... Нашел пока один пример — за несколько возов пшеницы купил барин для своей дочери перстенок голландской работы. Один из тогдашних экономистов свидетельствовал: «...в привозе изделий спрос зависит от прихотей, предрасудков и склонности к роскоши... Не надо забывать, что за все заграничные продукты мы расплачиваемся хлебом, которого... у нас вовсе нет в большом избытке, а следовательно, силами нашего народа».

Современный исследователь сообщает, что в 1876—1880 годах на экспорт пошло 57 процентов товарного хлеба, но потом цифра упала на самый низкий уровень за всю вторую половину XIX века и в девяносто первом — девяносто пятом годах вывозилось «всего» 46 процентов российского хлеба. Половина урожая. Цена на хлеб в губерниях и соответственно «география российских хлебных цен в XIX — начале XX века находились под сильным влиянием экспортных цен». Чем больше продавали, тем дороже был хлеб на внутреннем рынке. Куда ни кинь — все клин.

Это были те самые годы, когда Владимир Галактионович Короленко отправился в голодающую Нижегородскую губернию. Особенно тяжело положение было в ее южных уездах.

«Я видел голод», — напишет позже В. Г. Короленко. Он пытался сбором пожертвований немного облегчить участь голодающих, помочь жителям вымирающих сел. Писателя обвинили в том, что он «придумал голод». Короленко обратился к свидетельствам — он собирал образцы муки и тамошнего хлеба. Я попытался проследить за судьбой этой уникальной коллекции и напал на ее след в Горьковском историко-архитектурном музее. Позвонил туда, говорил с заведующей отделом Евгенией Александровной Ердяковой.

— Короленко был в селах особенно страдающих от голода уездов... Видимо, не все из собранного писателем сохранилось. Но и то, чем располагает наш музей, потрясает. В экспозиции одиннадцать образцов. Среди них хлеб, испеченный вовсе без муки, из одной лебеды, — он из села Четвертаково. Я говорю — хлеб, не ставлю кавычки; для людей это была еда желанная, только ею и поддерживалась жизнь... В селе Сакомы хлеб пекли из просяной мякины. Представляете: мякина от проса, и все. Жутко даже смотреть на высушенные комочки хлеба, а каково было есть его? Но и такого хлеба не доставало. Из Сергачского уезда Владимир Галактионович привез травяную муку. Вроде бы мука и в то же время не мука, она и сейчас имеет зеленоватый, неживой оттенок. В селе Ахматово пекли хлеб из трех четвертей лебеды и одной части ржи, в других местах — из отрубей и лебеды: половина на половину. Есть и такой «рецепт» — две трети просяной мякины и треть лебеды.

...Впрямь: липа одевает, лебеда кормит. Но «кормила» так, что голодные моры прокатывались один за другим, сотрясали страну, выкашивали деревни, пускали с нищенской сумой целые села. «Голодовки становятся все чаще и чаще, поражающая крестьянство то в том, то в другом конце России...» «Известия о го-

лоде с каждым днем становятся все тревожнее...» В первые двенадцать лет нынешнего века русское село пережило (пережило? Если бы! Сотни тысяч погостов тому свидетельство) семь голодовок. Голодала и армия. А. А. Брусилов в телеграмме на имя министра земледелия писал: «Самом ближайшем будущем начнется буквальный голод армиях».

Копилось, росло недовольство рабочих и крестьян. Выходили они и на улицы с протестами. Объявлялись голодные забастовки. Но Александра Федоровна писала Николаю II: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба». И продолжала: «Все обожают тебя и только хотят хлеба».

Хотят хлеба. А откуда ему было взяться, если зерно вывозили за границу? Чем больше был экспорт, тем сильнее внутри страны голод. Сообщающиеся сосуды: много вывезли — мало осталось. Какие уж там калачи и пироги! Хлеба с лебедой не доставало.

...К чему я об этом? А к тому, что у хлеба есть история, но нет места, где эта история была бы собрана. Несколько лет назад заговорили было о необходимости создания национального музея хлеба. Этот музей не был бы первым; в европейских городах есть несколько обстоятельных хлебных собраний... Бывшее Министерство пищевой промышленности СССР активно поддержало идею создания такого музея, министр сделал необходимые поручения. Выделялись необходимые средства, в Дзержинском районе Москвы подыскивали подходящий пустующий дом. Помню, мы заколачивали жестью его оконные проемы; стекла были выбиты, и «шалуны» не прочь были бросить внутрь то, что оказывалось под рукой; летели и зажженные спички.

Совет музея тогда же поручил мне собирать материалы по истории хлеба. Я это сделал. Но музея нет, и часть из них публикуется сегодня.

Музей мог бы сохранить и сберечь хлебную старину; повторим — без истории хлеба нет истории народа.

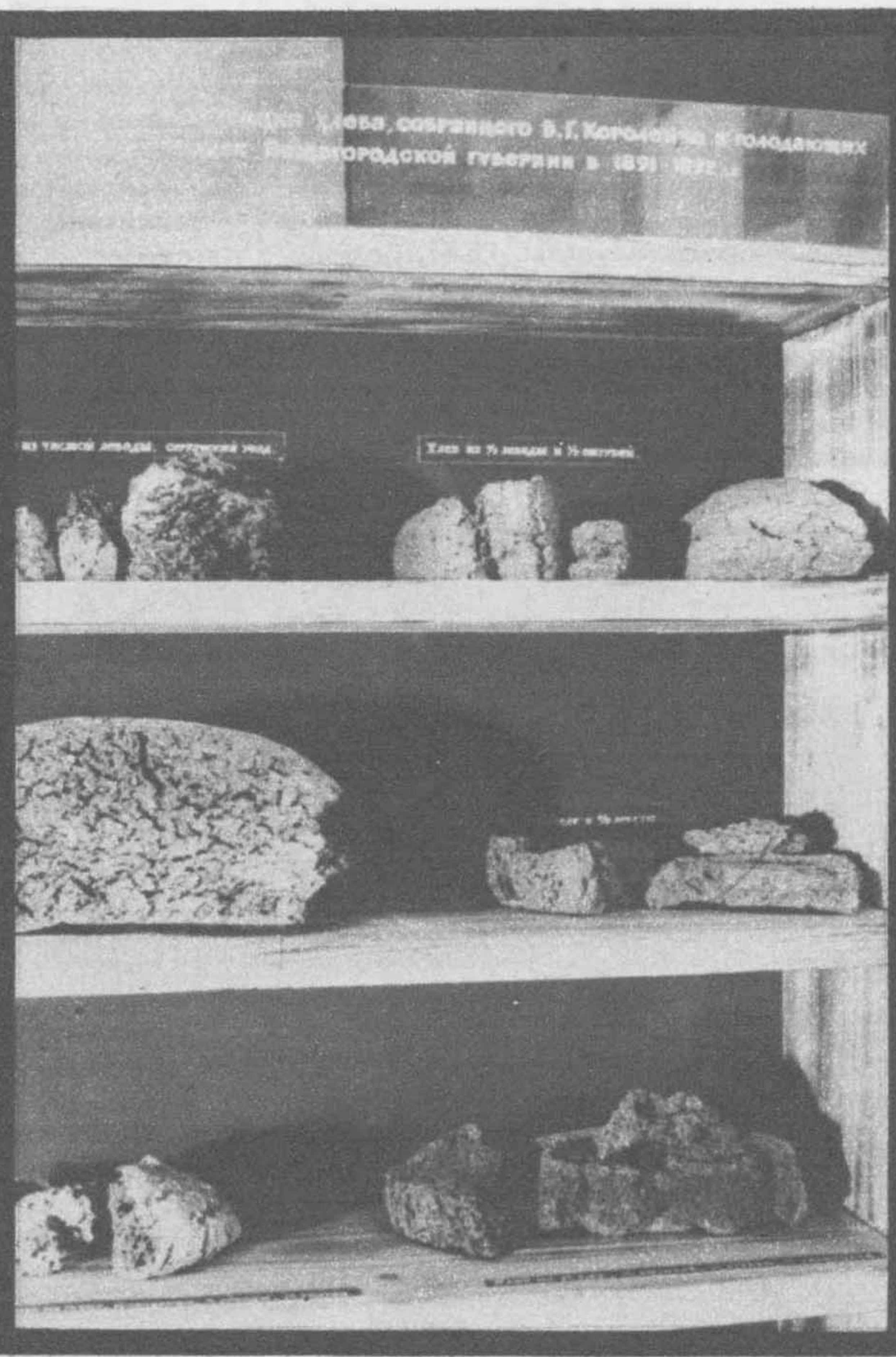
Музей нужен, тут сомнений нет. Но вокруг него пока равнодушная тишина служебных кабинетов.

Может, Мосгорисполком нарушит это затянувшееся молчание? Да и Министерству хлебопродуктов СССР пора бы высказаться по этому поводу.

Голод «выкашивал» целые деревни, пуская по миру с нищенской сумой и стариков, и детей...

Фото из Центрального государственного архива кинофото-документов СССР

Голодный хлеб голодных лет (из образцов, собранных В. Г. Короленко).

ОДИН РЕКТОР СКАЗАЛ ЖЕНЕ, ЧТО С ВАЖНЫМИ ГОСТЯМИ
УЕЗЖАЕТ ЗА ГОРОД, НОЧЕВАТЬ ДОМА НЕ БУДЕТ.
А САМ В ЭТО ВРЕМЯ ПОШЕЛ С СОБСТВЕННОЙ
СЕКРЕТАРШЕЙ ТАНЕЧКОЙ В СВОЙ ГАРАЖ
РЯДОМ С ДОМОМ. ЗАЛЕЗЛИ ОНИ ВДВОЕМ В МАШИНУ,
ЗАКРЫЛИСЬ, ЧТОБЫ НИКТО НЕ МЕШАЛ,
ДВИГАТЕЛЬ ВКЛЮЧИЛИ, ЧТОБ ТЕПЛО,—
И НАСМЕРТЬ ЗАДОХНУЛИСЬ. ЖЕНА РЕКТОРА ОБНАРУЖИЛА
ИХ РАННИМ УТРОМ... ИНТЕРЕСНО ВАМ? ДАЛЬШЕ
РАССКАЗЫВАТЬ? НУ, СЛУШАЙТЕ.

ПЕРЕДАЙ ДАЛЬШЕ

ЧТО ЧИТАТЬ?

Татьяна ИВАНОВА

Надо же хоронить! А как? Весь город знает! Танечкин муж на далеком Севере монтирует какой-то важный объект! У жены ректора гости отовсюду: только что премьера в ее театре состоялась... Словом, было дело!

Думаете, зачем я рассказываю вам эту пошлую сплетню? А это вовсе не пошлая сплетня. Это краткий, но честный пересказ художественного произведения, более того — романа. Называется «Не умирайте с секретаршей Танечкой». Создатель — Владимир Карнаухов. Публикатор — журнал «Сибирские огни».

Почему журналу не стыдно было это публиковать? Видимо, решили, что ведь в жизни такое бывает, значит, это правда жизни, а правда жизни — в духе времени. Может быть, даже думали, что вносят свой вклад в борьбу с негативными явлениями, потому что автор представил большую коллекцию мерзавцев и негодяев, правдиво описав все их мерзости и негодяйства.

Похожий случай произошел и в журнале «Нева». Вот тоже краткий пересказ романа Андрея Кутерничкого «Сочетание браком».

Прокурор Тихон не любит законную жену, а любит инородную Таню. Данная Таня умирает в родах, оставляя девочку. Тихон хотел бы вильнуть, но история становится известна его жене, жена настаивает на удочерении. И вот они растят девочку. Виолетту. Жена ее любит, а Тихон не любит. Тихон теряет служебный портфель с «делом», его разжалуют в юрисконсульты. Пьет, бедолага... Дочь вырастает, Тихон начинает любить ее как женщину (!). Потом чувство становится отцовским, трансформируется по ходу повествования. Девочка влюбляется в негодяя. Пытается покончить самоубийством, по-

тому что беременна. Тихон спасает ее (душераздирающая сцена), переодевается в хромого немощного инвалида, заманивает негодяя к себе домой, будто желая продать дорогую аппаратуру, срывает маску, бьет негодяю морду, побоями и угрозами заставляет жениться. Негодяй и Виолетта сочетаются законным браком! Свадьба с осетриной и икрой!

Бывает такое в жизни? Наверное, бывает. Если посидеть с бабушками на лавочках (с теми бабушками, которые еще не утратили любопытства к жизни и охотно посещают заседания в судах, когда слушаются дела о разводах и разделах имущества), так вот, бабушки еще и не такое рассказывают.

Но ведь есть же некий зазор между «так в жизни бывает» и литературой. Мы вот все сокрушаемся, что у нас много серых произведений, но я сейчас привела вам два примера не серости — отнюдь! Это два ярких примера. Но литературы ли? Помоему, нет. В обзоре нет ни возможности, ни нужды обстоятельно доказывать это утверждение, привлекая в изобилии цитаты, разбирая художественные приемы и средства: жанр диктует необходимость кратких и внятных оценок. Да и вообще, когда раздаются призывы непременно доказывать — и как можно обстоятельнее, — что плохая книга плоха, полезно, может быть, вспомнить того мальчика, который в определенной ситуации сказал всего два слова — и истина стала явной. Помните? «Король-то гол!» — только и произнесло дитя...

Эту поучительную историю особенно хочу напомнить читательнице «Огонька» В. Д. Конаковой, которая решительно не согласна со всеми без исключения моими оценками всех без исключения произведений.

Валентине Дмитриевне очень нравятся рассказы Н. Коняева. Свою точку зрения она, кандидат философских наук, мотивирует таким образом: рассказы Н. Коняева хороши, потому что роман Курта Воннегута «Малый Не Промых» тоже написан отдельными кусками, фрагментами, перемеш-

ку с кулинарными рецептами, а какая превосходная вещь!.. О романе «Кровли» читательница пишет красиво: «Я благодарна автору за изысканно-изысканный роман, за благородный, интеллигентный тон, за тонкое обаяние, благоухающее очарование его произведения».

Допускаю, что и в двух кратко пересказанных мною романах кто-то найдет благоухающее очарование. Нашли же в редакциях, именно их отобрал для публикации из потока рукописей.

Но серость не перестанет быть серостью, какими бы мотивами ее публикация ни подтверждалась. Когда в «Молодой гвардии» публиковали повесть Валерия Барабашова «Короеды», там ведь тоже исходили из правды жизни, из того, что повесть реальна, что она поднимает важную проблему. Но повесть лишена художественных достоинств, написана убогим языком — и невозможно оправдаться тем, что наладчики между собой говорят именно таким языком, это не аргумент в споре о художественности.

Когда в «Звезде» публиковали странички дневника М. Панича, «Курзал» Нины Катерли, когда в «Юности» печатали «Возвращение к пройденному» Дины Рубиной, тоже находили аргументы для того, чтобы предпочесть эти произведения другим. Но что-то трудновато представить себе эти аргументы. Средний уровень — по моему, эти слова могут быть для рукописи только приговором...

Что же я говорю все о том, что не читать? Рубрика-то у нас ведь дружная...

А читать надо много, к нашей с вами общей радости.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОРОЖАНКИ

Не кажется ли вам, что литература последних лет, а может быть, и десятилетий изменила русской классической традиции и перестала знакомить нас с прекрасными женскими образами? Есть исключение: деревенские

старушки. Писатели-деревенщики создали дивную галерею образов, которые нет нужды перечислять, они у всех на памяти. А горожанки? Ну, хоть городские старушки? Они что же, хуже деревенских? Они не носители нравственности, не хранители наших очагов и наших устоев? Может, им меньше выпало в жизни пережить?.. Нет, конечно. Просто своих поэтов они все никак не дожждутся.

Я сейчас познакомлю вас с двумя замечательными женщинами. Они рассказали о себе сами, создав превосходные художественные произведения. «Мне идет 93-й год, и это конец жизни. Но память свежа, и итоги мои радостны». Так пишет в предисловии к своим «Сибирским рассказам» («Юность» № 11) Анастасия Цветаева. Когда после войны она жила в Сибири, вся деревня, стар и млад, звала ее бабушкой. И сколько же в ней, городской бабушке, чистоты, доброты, трудолюбия, оптимизма. Голодала, холодала, слепла, но не сдавалась. Строила домишко, обматывала стены конским навозом, смешанным с глиной, растила огород и даже сад, помогала всем, кто рядом, — детям, старикам, деревьям, даже колодцам.

Ее взгляд на окружающих лишен всякой сусальности и идеализации — трезвый и умный взгляд. Но он полон любви и веры в лучшие свойства человеческой природы. Сколько нравственных уроков неназойливо, исподволь преподает нам этот старый человек! И один урок — основной: глубокая внутренняя культура, настоящая образованность, истинная интеллигентность делают человека несокрушимо сильным, способным противостоять любым обстоятельствам. Редко мы об этом вспоминаем.

Я воспринимаю эту публикацию как событие в литературе. И еще одно событие: Анна Никольская, «Передай дальше», повесть, журнал «Простор». Раньше меня эту повесть оценили примерно так же Николай Тихонов, Всеволод Иванов, Константин Паустовский и Михаил Слонимский, так что я иду проторенным путем. Прав-

ПРОШУ СЛОВА!

РАСТИТЬ НОВАТОРА

История не бывает безмянной, говорил Михаил Сергеевич Горбачев во время одной из встреч с дальневосточниками. Действительно, каждый период в жизни нашей страны определялся не только пудами хлеба, тоннами выплавленной стали, но и действиями совершенно конкретных лиц. Важно также, что многие из них были не просто отличными тружениками, а в первую очередь носителями злостной для своего времени социально-экономической идеи. В разные времена их называли по-разному: ударники, стахановцы, маяки...

Несколько лет назад газета, где я тогда работал, напечатала большой очерк о рабочем крупного промышленного предприятия. Публикацию завершал комментарий министра. Опираясь цифрами, он показал, как бы далеко шагнула вся отрасль, относись все ее рабочие к делу так же, как тот новатор, которого представили читателю.

Однако в областных организациях, да и на самом заводе, материал вызвал некоторое недоумение. Почему, спрашивали, корреспондент выделил именно эту фигуру? Ведь на том же предприятии есть более известные передовики, орденосцы и даже герои!

Стали разбираться. И выяснилось, что автор очерка попал, как говорят, в «десятку», ибо тот, о ком он рассказывал, почти за сорок лет работы на одном месте ни разу не опоздал на смену. Все эти годы он непременно выполнял производственные задания на 180—200 процентов (а нормы регулярно повышались), обеспечивал отличное качество продукции. Одновременно обучил своему делу десятки молодых станочников. Более того, привел на родной завод пятерых своих сыновей, дочь, жену и брата. Следовательно, являлся главой целой трудовой династии.

Выяснилось, однако, и другое. Оказывается, за все годы, прямо скажем, безупречной работы его не удостоили ни одной награды. Его имя никогда не приводилось в пример ни на каких собраниях или в заводской печати. Квартира, где он воспитал шестерых детей, состояла всего из двух комнат.

да, в то время повесть по разным причинам опубликована не была, они говорили о рукописи. «Надолго остается впечатление огромной мощи жизни, мощи правды ее», — писал Всеволод Иванов. «Повесть эта с простотой и силой, с глубокой убежденностью автора говорит о том, что человечность не может быть убита, не может быть вырвана никакими, самыми чудовищными жестокостями», — писал Константин Паустовский. Что к этому прибавить? Что перед нами еще один прекрасный женский образ — высокообразованной, истинно интеллигентной, глубоко культурной горожанки. Имя Анны Никольской есть в Казахской энциклопедии. Она автор нескольких книг. Она переводила «Путь Абая», и ее перевод способствовал всемирной популярности этой книги.

Есть еще один роман, о котором сейчас говорят, который многие читают. Там тоже героиня — горожанка. Правда, мое отношение к ней не столь безоговорочно. Я говорю о романе Майи Ганиной «Пока живу — надеюсь» в журнале «Октябрь». Это хорошая книга, написанная с большой искренностью, очень правдивая, отважно-откровенная.

Пожалуй, несколько мешает в интересном романе М. Ганиной какая-то несокрушимая правда лирической героини. Так уж она постоянно во всем права, так уж никогда ни в чем не виновата...

ПРОВЕРКА СЛУХА

Хотела бы привлечь внимание читателей к роману Виктора Лихоносова «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж», опубликованному в журнале «Дон», в трех номерах. (Обратите внимание, еще один роман! В прошлом журнальном обзоре о романах почти не пришлось говорить.) Это история нескольких казачьих родов с далекой старины до самых наших дней, написанная по воспоминаниям, дневникам и письмам. Стоит прочесть повесть Дмитрия Холендро «Вся его жизнь» в журнале «Москва», остросюжетную, грустную и очень человечную. Когда молодые люди просят что-нибудь поинтереснее, можно смело рекомендовать им повесть Евгения Пинаева «Арлекин» из журнала «Урал» — героико-романтико-ироническая проза. От приключений дух захватывает.

И в том же номере подборка рассказов молодого инженера Александра Дудолодова «Проверка музыкальности». Это разговор особый.

Когда будете читать Дудолодова, вы услышите совсем молодой голос — и будете поражены тем, как не похож он на взрослые голоса. О молодых мы говорили с вами в первом обзоре, о молодых говорили и во втором. Самое большое количе-

ство писем в связи с обзорами — тоже о молодых. Ничего неожиданного здесь нет. У нас уже был случай сказать, что забота о детях естественна для человека. «Литературные» же дети оказались у нас в несколько странном положении. То ли они не пишут, то ли они пишут нечто такое и как-то так, что взрослые редакторы их не понимают и не воспринимают. Знаете, как рыбы. Рыбы ведь тоже звучат, но на какой-то иной частоте, нашим ухом не ловимой... Все время хочу разгадать этот феномен — феномен литературного безмолвия юных. Все время ищу двадцатилетних в журналах, сборниках, в альманахах. И — не нахожу.

Склоняюсь к мысли, что они не пишут — или потому что не читают, или потому что школа отвращает их от литературы с самых невинных лет?

Среди последних номеров два журнала вместе обрушились на методику преподавания литературы в школе: «Юность» и «Наш современник». Обе статьи написаны резко... А вам кажется, что нужно сдерживать сильные чувства, когда пишешь? Многие так считают... А я вот бесстрастных понимаю, но сочувствовать им и их писаниям попросту не умею. Даже читать их не люблю.

Статьи в «Юности» и «Нашем современнике» подтверждают: школа отвращает детей от литературы. Значит, потому они и не пишут...

Но вот появляется подборка рассказов Александра Дудолодова, публикуется эссе о чтении Сергея Казначеева, о котором я упоминала в прошлом обзоре. И... значит, они все-таки пишут!

Они пишут. Мы просто обязаны расслышать их голоса. Потому что, как бы ни хотелось спорить со статьей И. Литвиненко в «Комсомольской правде» «Семейный портрет с белыми пятнами» (спорить хочется!), в одном он безусловно прав: в нашей литературе есть все — старики, пожилые, взрослые. Их образы яркие и глубокие, нам есть чем гордиться. Но там, где на семейном портрете положено расположиться совсем юным, подросткам, — там расплывчатые пятна, маски или пустота.

ИСТОЧНИК ДЕЙСТВИЙ — ДОСТОИНСТВО

Когда речь идет о перестройке в литературе, я думаю не в последнюю очередь об умении слышать друг друга. С этим умением у нас все далеко, ох, далеко не благополучно. Нет, не только юных голосов мы не слышим. Писатели порою не слышат критиков, критики не слышат друг друга, те и другие не слышат читателей, читатели — тех и других. Иногда кажется, что каждый только себя и слышит, как глухарь на току... Реакция на критические слова самая

болезненная и, как говорят медики, неадекватная. Только появится критическая статья, да что статья — слово, строчка! — тотчас раздаются голоса: «Кто дал право?» «Пора положить конец!» Удивительно...

Но кто же может лишить читающего человека права высказать свое мнение о произведении, раз уж оно опубликовано, то есть отдано на суд публике? Учимся жить в условиях демократии, привыкаем смотреть друг на друга прямо, открыто, но все никак не привыкнем.

Уровень культуры обществу всегда задает интеллигенция, на нее равняются. И стиль общения не пустяк. Он, конечно, «надстройка», но состояние «базиса» — нашей внутренней культуры — отражает весьма точно.

Чтобы жить в условиях демократии, надо обладать запасом внутренней независимости. Свободный человек не лжет, не говорит правду труднее, чем помалкивать, лукавить. Свободный человек поступает в любых ситуациях в соответствии со своей совестью, но совершить поступок труднее, чем не совершить ничего. Свободный человек уважительно относится к противоположным мнениям, но, чтобы уважать чужое мнение, надо иметь свое, а не брать его напрокат у кумира. Свободный человек не сотворяет кумира...

Когда заходит речь о том, что критика во всех случаях должна быть уважительной, никто спорить не будет, верно? Но ведь это довольно длинная фраза, вслушайтесь, пожалуйста: критика во всех случаях должна быть уважительной. Здесь не только последнее слово имеет значение, но и все остальные: во всех случаях должна быть критика... Не слышим! А ведь все родные глаголы! Не трогайте личности, не работайте в жанре «апелляция к городскому» — пишите о произведении. Все так, кажется, просто. Не слышим.

Многие наши писатели никак не хотят примириться с тем, что их книга, раз уж вышла, стала всеобщим достоянием, и каждый вправе сказать о ней все, что думает. Им бы, кажется, слушать со всем вниманием, что же говорят о ней люди, их внимательные читатели — ведь для людей и писали! — а они, брат, нет: кто, говорят, дал право...

Такие простые слова были вынесены в заголовок первого обзора: «Верить самим себе», — и как неожиданно они взволновали людей. «В этом суть перестройки», — пишет инженер из Кинешмы И. Голубев, — всех нас надо научить уважительно относиться к своим собственным мнениям, а значит, иметь их; в этом основа самоуважения человека. А если человек сам себя не уважает, то и уважения он не заслуживает». «Спасибо за этот совет. Лично мне ничего не нужно, но меня всю жизнь только учат да наставляют. И никто мне не говорил: верь самому себе. Только все другим полагалось верить», — пишет М. Сердюков из города Кропоткина.

Товарищи читатели, товарищи мои дорогие. Давайте сыграем в старую детскую игру «передай дальше». Я сейчас выпишу для вас слова из одной старинной статьи. А вы подумайте над ними сами и передайте дальше, пусть как можно больше людей их знает. Нам с этими словами легче, способнее будет участвовать в перестройке да и вообще легче жить. «Что такое нравственность? В чем должна состоять нравственность? — В твердом, глубоком убеждении, в пламенной, непоколебимой вере в достоинство человека, в его высокое назначение. Это убеждение, эта вера есть источник всех человеческих добродетелей, всех действий».

Это слова В. Белинского. Звучат они так, будто вчера написаны для нас с вами. Давайте же услышим их.

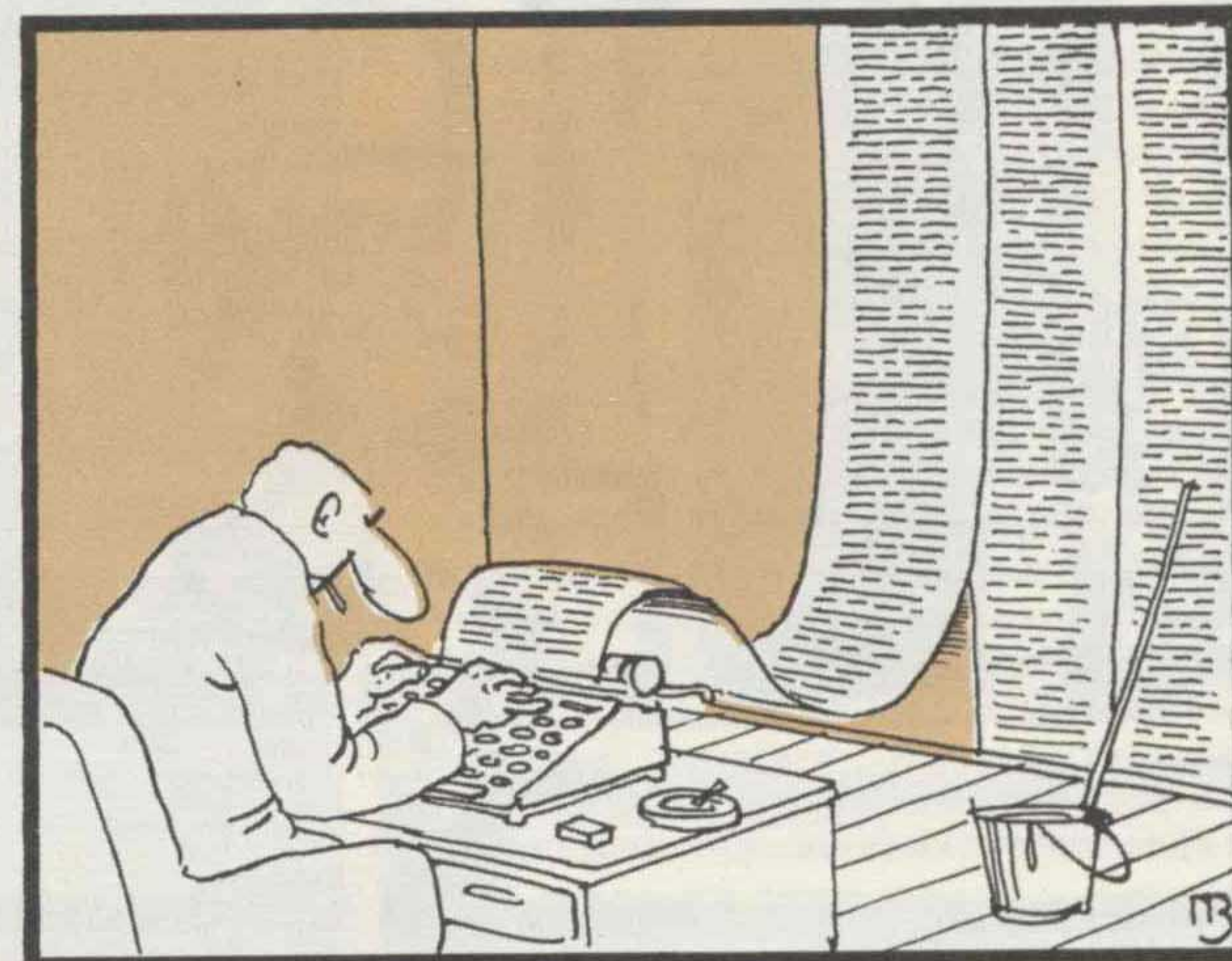

Рисунок
Виталия
ПЕСКОВА

К чести тех, кто занимался проверкой, допущенные просчеты быстро исправили. Затерявшемуся было передовику вручили одну из высших наград страны, решили и проблему с жильем для семьи. Но этот благополучный финал одной судьбы не снимает с повестки дня вопроса о социальной справедливости в отношении тех, кого мы называем передовиками.

Иной оппонент может сказать: время блистательных одиночек прошло. Труд приобрел коллективные формы.

Но личность была и остается ведущим катализатором любого прогресса. Конечно, сравнивать сегодня и вчера нельзя механически. Стаханов, бесспорно, был понятен каждому. Попробуйте сегодня оценить эффективность рабочего метода известного строителя Травкина. Думаю, что без специальных знаний не получится. Или сравните шахтера Стаханова с шахтером Гвоздевым. Первый рубил уголь отбойным молотком, а второй имеет на вооружении технику, равную по производительности целому заводу. Да и не в этом, видимо, суть проблемы.

Ткачиха Красноярского шелкового комбината, делегат XXVII съезда КПСС Г. Касьянова отмечала, что журналисты постоянно работают у них на предприятии только с тремя ткачихами — Героем Социалистического Труда З. Ф. Сафоновой, депутатом Верховного Совета РСФСР А. Г. Сахаровой и с ней, с тех пор как избрали делегатом партийного съезда. А ведь на комбинате трудится более трех тысяч человек!

Нынешнее время мы называем перестройкой, справедливо связывая его с развитием демократии. А она ведь не только в открытом разобла-

чении всякого рода негативных явлений, что газеты делают охотно. В сегодняшних условиях важно помнить ленинское: «А организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много...» И далее: «Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся...»

Мы знаем, что новаторов воспитывает и социалистическое соревнование. Значит, и тут надо быть предельно внимательным. Достаточно вспомнить, что когда мы стали заряжать трудовое соперничество девизом: такому-то юбилею столько-то ударных декад, — то героем дня у нас нередко становилась не личность с ее выдающимися результатами, а совершенно безликая «декада». Потому никакого особого взлета и не происходило.

Выкорчевывая из своей земли чахлые растения починования, мы должны дать жизнь новым всходам. Да не каким попало, а лучшим сортам. Значит, необходимо на широких демократических началах внимательнее осмотреть все наши трудовые ряды и поддержать прежде всего того, кто всем своим существом, работой олицетворяет требования именно сегодняшнего дня как времени научно-технической революции, качественно нового состояния социалистического общества.

При нарастающем ныне накале жизни, массовом поиске резервов ускорения непременно возникнут личности конкретных носителей сверхзадачи дня. Они всегда появлялись на крутых поворотах нашей истории.

Станислав ТРОИЦКИЙ

ИЗ ДАЛЬНИХ
СТРАНСТВИЙ
ВОЗВРАТЯСЬ

ДОРОГАМИ БИРМЫ

Всеволод ОВЧИННИКОВ

**ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ
ОВЧИННИКОВ**
МНОГИЕ ГОДЫ РАБОТАЛ
КОРРЕСПОНДЕНТОМ «ПРАВДЫ»
В КИТАЕ, ЯПОНИИ,
АНГЛИИ. ЕГО КНИГИ
«ВЕТКА САКУРЫ»,
«КОРНИ ДУБА» ПОЛЮБОВАНЫ
УСТОЙЧИВОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ
У ЧИТАТЕЛЕЙ. СЕГОДНЯ
«ОГОНЕК» НАЧИНАЕТ
ПЕЧАТАТЬ ОТРЫВКИ
ИЗ НОВОЙ КНИГИ ПИСАТЕЛЯ.

ЗОЛОТО ШВЕДАГОНА

Для большинства иностранцев Бирма начинается с Рангуна. А попав в бирманскую столицу, просто невозможно не увидеть главную достопримечательность страны — золотой колокол Шведагона.

Шведагон значит для Рангуна неизмеримо больше, чем Эйфелева башня для Парижа. Это не просто главный ориентир, заметный отовсюду. Сверкая золотом на фоне густосинего неба, Шведагон буквально подавляет бирманскую столицу своим величием. Он вызывает больше, чем восхищение, — священный трепет.

И все-таки сравнение с Эйфелевой башней в чем-то правомерно. Самая большая в мире пагода напоминает гигантский колокол с длинной рукояткой сверху. Если бы четыре грани

Эйфелевой башни были окольцованы снаружи концентрическими окружностями и если бы на эти кольца были положены золоченые листы, то получилось бы нечто похожее на Шведагон.

Трудно передать словами то впечатление величия и торжества жизни, которое вызывает Шведагон. Его золотой контур неотделим от темно-синего неба, от ярко-белых кучевых облаков. Он неотделим от богатства красок и звуков, которыми даже зимой щедра бирманская земля. Это обилие, даже переизбыток колоритности буквально ошеломляет. Становится понятно, почему бирманцы носят яркие одежды. Иначе и не может быть в стране, где солнце так неистово, где растительность так пышна, где такие яркие цветы и такие пестрые птицы. На этом фестивале кра-

сок национальный костюм бирманцев отнюдь не кажется чрезмерно ярким.

Шведагон — это целый мир. К подножию пагоды ведут четыре лестницы, защищенные от солнечных лучей навесами. Каждая такая галерея превратилась в торжище, в длинный ряд лавочек. Те, что ближе к подножию пагоды, торгуют преимущественно цветами, ароматными свечами, лампадами. Те, что подальше, торгуют и всякого рода сувенирами. Тут же трудятся резчики по дереву, создавая из кусочков тика статуэтки Будды. Тут же готовят пищу, нянчат детей.

Кажется, что эта многокрасочная, многозвучная картина жизни специально предназначена для того, чтобы подчеркнуть праздничность приобщения к восьмому чуду света. Пройдя крытую галерею и поднявшись на сто с лишним ступеней, попадаешь на священную дорогу, которая кольцом опоясывает Шведагон.

Белый камень, отполированный тысячами босых ног и политый водой, отражает выстроившиеся вокруг Шведагона пагоды и храмы. По внутренней стороне кольца их 64, по наружной стороне — 72. Все эти храмы и пагоды напоминают молодую поросль вокруг гигантского дуба.

Удивительно приятно ступать босыми ногами по мраморным плитам, ощущать прохладную гладкость камня. По священной дороге нужно ходить совершенно разутым. Даже в носках приближаться к Шведагону не разрешается.

Здесь, повторяю, все колоритно — и краски, и звуки. Всюду много молящихся, но не чувствуется ни подавленности, ни фанатической одержимости. Здесь скорее царит атмосфера веселой ярмарки, народного праздника.

Слышатся крики продавцов воды. Они ходят по священной дороге с коромыслами, пока кто-нибудь из паломников не купит эту воду и не выльет ее на избранную им статую. Поливать изображение Будды водой — распространенный в Бирме способ выразить свое религиозное чувство.

Всюду много цветов. К их терпкому запаху дополняется аромат ритуальных свечей.

Некоторые храмы, окружающие Шведагон, как бы копируют его колоколообразную форму. Другие больше отвечают нашему представлению о слове «пагода», то есть являются собой многоярусные башенки. Многие из них украшены резьбой по дереву. Резчики по тикку создали здесь свои знаменитые пламенные порталы, характерные для бирманской национальной архитектуры.

Впервые я попал в Рангун в 1962 году, возвращаясь из юго-восточных провинций Китая. Первые впечатления врезались в память на всю жизнь. Но, попав в Бирму через восемь лет, я подумал, что побывать здесь стоило хотя бы ради того, чтобы еще раз пройти вокруг самой большой в мире пагоды, вновь ощутить эту атмосферу народного праздника, окунуться в этот мир поразительно колоритных красок и звуков.

Во второй приезд я увидел золотую башню Шведагона, словно одевшуюся в кокон. Ее окружали строительные леса из бамбуковых жердей. По ним вверх и вниз сновали фигурки людей.

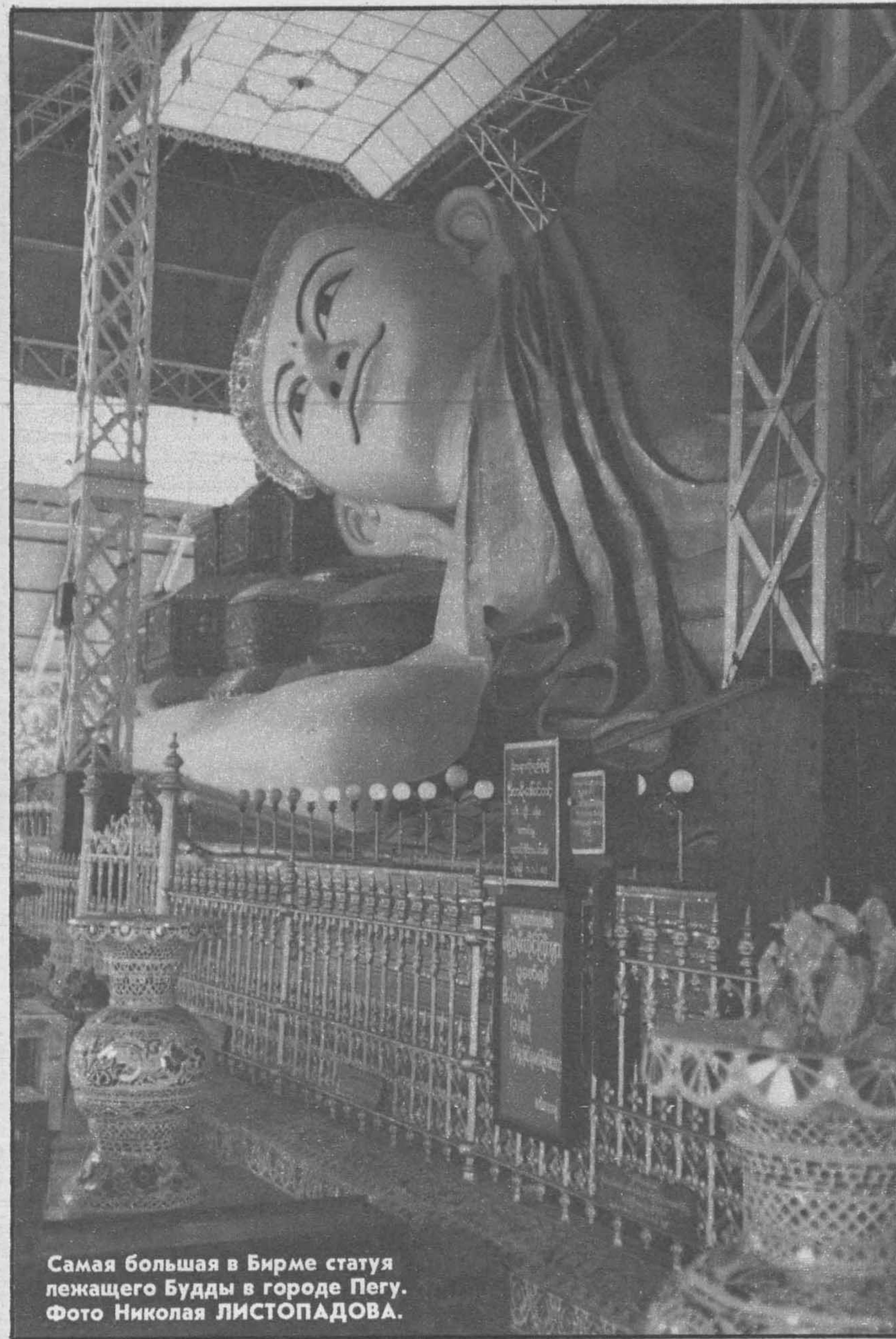
Раз в 30 лет, или, как здесь говорят, при жизни каждого поколения, происходит то, что мне довелось увидеть. Шведагон, будто кружевками, оплетают бамбуковым каркасом. И тогда каждый желающий может забраться почти на самую вершину гигантской стометровой пагоды и

собственноручно добавить золота к ее сверкающей поверхности.

Внизу у каждой из четырех лестниц толпились люди.

Служители принимали от верующих пачки денег, выдавая им взамен стопки листов с сусальным золотом.

Честно говоря, я тогда не совсем понял, как это делается. Как может золотая пластинка приклеиться к гигантской башне? Потом, путешествуя по Бирме, мы не раз видели статуи, словно потерявшие первоначальные очертания. Своими формами они напоминали ледяные скульптуры, которые многократно поливали водой.

Самая большая в Бирме статуя лежащего Будды в городе Пегу. Фото Николая ЛИСТОПАДОВА.

Среди множества ярких красок в портрете Бирмы выделяется ослепительный блеск золота. Оно сверкает на крышах храмов и пагод, на статуях буддийских божеств, которые порой выглядят, как золотые глыбы.

И вот мне удалось познакомиться с людьми, которые заняты удивительным, сугубо бирманским ремеслом. Это — мастера превращать золото в столь тонкие пленки, что они трепещут и разлетаются даже от человеческого дыхания.

Технология производства сусального золота, как я условно называю эти тончайшие золотые пленки, не менялась со средних веков. Из золота сначала тянут тонкую проволоку. Потом ее расплющивают молотками, превращая в золотую ленту шириной с палец и примерно такой же толщины, как оберточная фольга.

Бумага, между которой кладут золотые пластины, отличается поразительной прочностью. Ведь золотой квадратик шириной с палец превращается в почти правильную окружность размером с ладонь, то есть расплющивается по крайней мере в шесть раз. Бумага же при этом совершенно не меняет своих размеров.

Приготавливают эту бумагу из особого сорта бамбука, который замачивают, очищают, размельчают и долго бьют эту массу деревянными молотками, а затем обрабатывают оленьими рогами. Когда потом такую массу раскладывают тонким сло-

Когда золотые пластинки становятся наконец достаточно тонкими, их перекладывают на листки уже другой бумаги, похожей на промокательную. Вот эти-то листки, сложенные в пачки по 96 штук, продают верующим как жертвенное золото. Если внутренней стороной такого листка прикоснуться к золоченой статуе или крыше храма, тончайшая пластинка драгоценного металла прилипает к золоту, словно переводная картинка. Прямо сказать, оригинальный способ выкачивать подаяния придумали бирманские буддисты! Благодаря такой пленке каждый верующий может испытать чувство собственной причастности к созданию золотой пагоды. Даже бедняку под силу купить несколько таких золотых листов и сознавать потом, что в огромной сверкающей пагоде есть и малая толика его золота.

РИСОВЫЕ ПОЛЯ ПЕГУ

Мы едем из Рангуна в Пегу, город в Нижней Бирме, считающейся житницей страны. Сразу же за столицей начинается бескрайняя равнина. Куда ни глянь — до самого горизонта простираются рисовые поля.

Но, как ни странно, нигде не видишь ни оросительных каналов, ни водохранилищ. Весь этот золотой ковер, которым покрыта земля, все эти тучные нивы орошаются муссонными дождями. Они проходят регулярно как раз в ту пору, когда они больше всего нужны земледельцам.

Среди золотистых колосьев выделяются фигуры жнецов. На расстеленных у дороги рогожах темным золотом отливает обмолоченное зерно.

Деревня в Нижней Бирме — это роща среди равнины. Когда подъезжаешь к ней, строений почти не видно. Темнеют лишь кроны деревьев. Дом бирманского крестьянина — типичная избушка на курьих ножках. Пол поднят сваями почти на метр от земли. Стены сплетены из тонкой бамбуковой щепы. Так что весь домик похож на изящную корзину, покрытую камышом.

У домов и на полях много кокосовых пальм. Каждое дерево бережно сохраняют. Если уж оно выросло, то потом почти без ухода приносит прибыль. В пищу идут не только орехи. В Пегу нас угостили свежим соком кокосовой пальмы, который полагается добывать только ночью. Уже в темноте нужно влезть на вершину пальмы, сделать надрез и подвязать ковшичек, в который часа через два набегает мутновато-белый сок. На вкус он кисло-сладкий, а если постоят до полудня, то становится и довольно хмельным.

На шоссе с раннего утра многолюдно. Поднимая клубы пыли, проезжают ветхие автобусы без дверей. Вместо таковых сзади сделан открытый проем с большой подножкой. Там, держась за поручни, всегда стоят пять или шесть человек — любители свежего ветерка.

Горбатые быки парами тянут одноосные деревянные повозки с длинным дышлом. Но больше всего на дороге пешеходов. Каждый идет в лондже (бирманской юбке) и чаще всего босиком.

Солнце стремительно движется к зениту. Тени густеют, и еще ослепительнее белеют пагоды, устремившиеся в синее небо. На горизонте громоздятся тяжелые облака.

Снова поля и снова селения. У дороги сооружены навесики. Там стоят глиняные горшки с водой, чтобы прохожие могли напиться. Горшки эти выставляют прежде всего для монахов, которые на рассвете расходятся за подаянием. Их оранжевые одежды всюду бросаются в

глаза именно в утренние часы. В левой руке каждый монах держит латексную миску, а в правой — веер из пальмового листа, чтобы прикрывать бритую голову от солнца. К полудню сборщики подаяний возвращаются в свои монастыри, чтобы единственный раз за день поесть. По утрам и вечерам есть монахам не полагается. На тридцать миллионов жителей в Бирме около трехсот тысяч монахов.

Приглядываясь издали к путникам на дороге, подумал: как же отличать женщин от мужчин, если те и другие в юбках? Оказалось, что женщину чаще всего отличает ноша на голове. То ли плетеная корзина, то ли узел с каким-нибудь скарбом. Видел женщину, которая несла на голове связку бамбуковых жердей, которые прогибались почти до самой земли. Повторяю, что эту связку она несла не на плече, а именно на голове.

Главная достопримечательность Пегу — пагода Швемодо. Это самая большая в Бирме статуя лежащего Будды. Показывая ее нам, смотрители храма рассказали, что Пегу когда-то называли Золотым царством, ибо здешние пагоды особенно богаты золотом.

Но скорее всего Пегу прозвали Золотым царством потому, что вокруг этого древнего города лежат рисовые поля, надежно орошаемые муссонами. А поскольку окрестные крестьяне зажиточны, на храмовых праздниках в Швемодо нет недостатка в щедрых приношениях.

Именно к пагоде Швемодо приезжали совершать обряд протыкания ушей наследники бирманских царей. Обряд этот символизирует у бирманцев совершеннолетие.

В целом храмовый комплекс Швемодо отличается от Шведагона как бы большей сдержанностью. Окружающие статую мелкие пагоды не позолочены, а только побелены. Особенно же понравилась мне здесь тишина. Ее нарушает лишь перезвон бронзовых колокольчиков, подвешенных к верхним ярусам пагод.

Заменилась также стекломозаика, которой украшено ложе Будды, а также круглый знак на божественной ступе, символизирующий 108 предыдущих перевоплощений Будды.

Возвращаясь из Пегу в Рангун, вновь думал о древнем названии этого края: Золотое царство. Об этом напоминало и золото тучных рисовых полей, и блеск золоченых пагод. Да, одно золото неотделимо тут от другого. Религия сумела приспособиться к условиям благодатной для земледельца страны, где рисовые поля могут существовать без оросительных каналов.

Буддизму в Бирме отнюдь не присущ аскетический фанатизм, характерный для Тибета. Шестилетние мальчики уходят на несколько лет в храм, как в приходскую школу. Они становятся монахами, чтобы обучиться грамоте и вновь вернуться к мирской жизни. От верующего требуют лишь пожертвования для монастырей и храмов. Тончайшие пластинки, благодаря которым каждый верующий становится причастным к блистательному облику любого храма, — это удобный канал, чтобы выкачивать из земледельцев прибавочный продукт, превращать золото рисовых полей в золото пагод.

ДОРОГА В МАНДАЛАЙ

Так называется известное стихотворение Киплинга.

Но проехать по воспетой им дороге, к сожалению, не удалось. В Мандалай нас доставили самолетом. И это путешествие дало повод задуматься о разнице между Нижней и Верхней

Бирмой. Она сказывается не только в природных условиях, но и в характере людей. О контрасте между жителями Рангуна и Мандалая так же много говорят, как у нас о различии между москвичами и ленинградцами.

В Верхней Бирме, в краю гор и лесов, люди отличаются прямым, простым нравом. Они верны долгу и привержены национальным традициям. Уроженцы Верхней Бирмы более трудолюбивы. Нанимая слугу, богатый бирманец предпочитает взять человека именно из Верхней Бирмы.

Что же касается Нижней Бирмы, то, поскольку природа наделила этот край куда щедрее, жителям его чаще свойственно пассивное отношение к жизни. Правда, они считаются умелыми торговцами, поскольку больше связаны с внешним миром.

В целом в Верхней Бирме заметнее сказывалось влияние Китая. Нижняя же Бирма была теснее связана с Индией. Позднее через Нижнюю Бирму в страну проникло европейское влияние. Если Рангун находился под властью англичан целое столетие, то Мандалай — лишь половину этого срока. Однако именно на юге, то есть в Нижней Бирме, борьба против англичан носила наиболее активный и организованный характер. Ведь там люди хлебнули от колонизаторов больше горя.

Мандалай для бирманцев — все равно что Киото для японцев. Это историческая столица.

Панорамой города лучше всего любоваться с вершины Мандалайского холма. Это одно из мест традиционного паломничества. Бирманцы позаботились о том, чтобы путник не страдал от палящих лучей солнца. К памятникам старины, возведенным на горах, обычно ведет крытая галерея, изгибы которой всходят вверх по склону, словно спина гигантского дракона. Такой навес над ступенями имеет промежуточные площадки для отдыха. Здесь можно выпить чай или сок, выжатый из стеблей сахарного тростника.

Начало подъема на Мандалайский холм обозначено двумя огромными чинтэ — сторожевыми собаками. Это животное является излюбленным персонажем бирманской мифологии. По преданию, чинтэ оберегает от нечистой силы.

В бирманских орнаментах часто присутствуют изображения семи живых существ, каждое из которых символизирует один из дней недели. Воскресенье — мифическая птица гаруда, понедельник — тигр, вторник — лев, среда — слон, четверг — мышь, пятницу — морская свинка, субботу — дракон. Названия этих семи животных начинаются по-бирмански с разных букв. Причем именно с этих же букв должны начинаться имена бирманских детей, в зависимости от дня недели, в который они родились.

Мы поднялись на вершину Мандалайского холма в предвечерний час. На зеленом фоне резко выделялся квадрат Царского града. Подобно городам Сиань и Лоян в Китае или Киото и Нара в Японии, древняя столица Бирмы была распланирована строго по сторонам света и обнесена геометрически правильным квадратом городской стены. Вдоль нее тянулся ров, золотившийся в лучах заходящего солнца. На этом фоне черными силуэтами проступали остатки ворот и мостов, ажурные семирисовые башенки, похожие на теремцы, которые бирманские цари когда-то прилаживали на спины боевых слонов.

К сожалению, древняя столица Бирмы почти не сохранилась. После того как англичане пленили здесь последнего бирманского царя и страна стала английской колонией, нача-

лось разграбление Мандалая. К 1890 году от него не осталось почти ничего. Какой-то английский археолог с трудом уговорил колониальные власти прекратить вандализм. Однако случилось так, что англичане вновь, на этот раз почти дотла, разрушили остатки Царского града. Это произошло в 1945 году, когда он стал последним оплотом японских оккупантов.

Мандалайский холм привлекает паломников со всех концов страны. Есть поверье, что человек, отдохнувший в его тени, будет жить долго. Сейчас, когда солнце только что село, плодородная равнина вплоть до блестящей вдали ленты реки Иравади погружается в волны вечернего тумана. Среди рисовых полей тут и там темнеют рощи кокосовых пальм.

Бродя вечером по темным и почти безлюдным улицам Мандалая, мы вдруг увидели за поворотом яркий свет и празднично одетую толпу. Часть крытого рынка была превращена в сказочный дворец, украшенный гирляндами из золотой и серебряной бумаги.

Оказалось, что группа здешних торговцев устроила праздник по случаю проводов своих сыновей в монастырь.

Посвящение мальчика в монашеский сан — важное событие в жизни бирманского ребенка. До недавних пор большинство бирманцев учились грамоте в храме. Каждый мальчик, достигший шестилетнего возраста, по традиции уходил в монастырь. В Бирме не считалось необходимым, как в Тибете, жертвовать старшим сыном, навсегда связывая его судьбу с религией. Проведя в храме несколько лет, бирманец возвращался к мирской жизни. Что же касается девочек, то им приходилось оставаться неграмотными или ограничиваться домашними уроками.

При посвящении в монахи мальчики наряжают в расшитый шелком и бисером наряд и надевают ему на голову нечто похожее на корону. Контраст между пышностью этой одежды и скромностью монашеского одеяния подчеркивает, что в храме главным становится совершенствование духа.

На церемонии проводов мальчикам вручали подарки: набор всего необходимого для того, чтобы провести в храме первый месяц. Для каждого из них предназначался мешок риса, жестяная банка с растительным маслом, картонная коробка с сандалиями, зонтик и кусок оранжевой ткани, которую надевают монахи. Над всеми этими предметами возвышался бумажный павлин, хвост которого был сделан из денежных купюр. Это были наличные деньги, которые новичку полагается сдать в монастырь.

НА БЕНГАЛЬСКОМ ЗАЛИВЕ

Если есть рай на земле — он здесь. Я повторяю эти сказанные кем-то когда-то слова, сидя в десяти шагах от кромки прибоя. Шеренга легких бунгало выстроилась вдоль пляжа. Домики отделены от моря лишь узловатыми стволами магнолий и грациозно изогнутыми кокосовыми пальмами.

На бирманском курорте Сандовей не возводят массивных зданий. Гораздо приятнее жить в таких легких жилищах, похожих на корзины. Их стены состоят из переплетающихся бамбуковых щеп, выкрашенных охрой. От этого домики выглядят шоколадными. Особенно приятно ходить босиком по полам из темно-коричневого тика.

Я сижу на террасе с навесом из пальмовых листьев. На столике пе-

редо мной — вскрытый кокосовый орех с соломинкой. Со стороны Бенгальского залива тянет свежий ветерок. Термометр показывает 31 градус. Но благодаря морскому дуновению зноя совершенно не ощущаешь.

После напряженных дней, после дальних поездок по ухабистым дорогам особенно приятно никуда не спешить и радоваться тому, что все-таки есть на свете места, где не страдаешь от жары!

На пути из Рангуна в Сандовей мы пролетали над дельтой Иравади. Там шла жатва. Виднелись ряды снопов, у селений желтело обмолоченное зерно. А часть полей уже зеленела всходами риса второго урожая. Тут и там петляли протоки, обрамленные густой зеленью. Во время муссонов дельта превращается в сплошное озеро.

К побережью Бенгальского залива вплотную подходят тропические леса. Только бухты ярко очерчены золотистыми полосками пляжей.

Бухта Сандовей удобна для купания еще и тем, что вход в нее перегораживает коралловый риф. Из-за этого там не бывает больших волн, туда не заплывают акулы.

На каждом шагу груды кокосовых орехов или уже разделанная копра. Одно из немногих здешних предприятий — завод, где копру разминают специальными машинами и плетут из нее канаты.

Местные жители промышляют, конечно, и рыболовством. На лов выходят вечером. Лодки выглядят небольшими, но сидят в них уйма людей: двенадцать гребцов, впередсмотрящий, рулевой и, наконец, артельщик.

На следующий день я встал до рассвета, чтобы застать возвращение рыбаков. Лодки подошли к берегу с первыми лучами солнца. Их радостно приветствовали ребятишки и собаки со всего селения.

Потом из домов потянулись женщины с плетеными корзинами.

Начался дележ добычи. У молчаливых мужчин оказались очень шумные жены. Получив свою долю, каждая семья вновь делила ее на две части: рыбу получше — на продажу, рыбу похуже — для себя.

После этого женщины отправились с уловом на базар, а мужчины принялись чинить сети. Около десяти часов и те, и другие управились с делами, и над всей деревней закурились дымки. Примерно в половине одиннадцатого жители прибрежных селений, как и вообще трудовой народ Бирмы, садятся к столу. Второй и последний раз едят перед заходом солнца, то есть около шести часов вечера. Вместо завтрака и мужнины, и женщины обычно ограничиваются толстой самодельной сигарой.

...Едва успело сесть солнце, как над Бенгальским заливом загорелись яркие тропические звезды. Почти у самой кромки прибоя нас учили жарить цыплят местным бирманским способом. В песок загоняют бамбуковый кол. На него натыкают расплюснутую тушку цыпленка. Все это накрывают ведром и обкладывают соломой. Солома горит недолго, но дает сильный жар. Поэтому цыпленок как бы запекается, и мясо, приправленное специями, приобретает своеобразный вкус.

Жить в бамбуковой хижине у кромки прибоя. Купаться под тропическими звездами, а потом жарить ужин на прибрежном песке. Слышать перед сном, как шелестят пальмовые листья на крыше. А проснувшись на рассвете, с наслаждением ходить по еще прохладному песку пляжа. Вот вознаграждение за изнурительные дни двухнедельной поездки!

**И. С. КУЛИКОВ.
В РУССКОМ
НАРЯДЕ.
1916.**

стность на художественном поприще» он удостоен звания академика живописи.

Великую Октябрьскую революцию он встретил в расцвете творческих сил. С первых же дней Советской власти Куликов включается в общественную жизнь. Принимает активное участие в охране памятников истории, архитектуры, искусства. Становится организатором Муромского краеведческого музея, куда передает свои ценнейшие коллекции древнерусского костюма и прикладного искусства, а также свои лучшие произведения. Организует рисовальные курсы. Участвует в художественном оформлении города в дни революционных праздников.

Значительную часть жизни Куликов прожил в своем родном городе, где им создано большинство произведений. Он воспевал родную землю, ее красоту, нравы и обычаи малой родины. Будучи академиком живописи, Куликов все время находился среди близких ему по духу крестьян, которых привлекал его мягкий характер и которых он беззаветно любил и уважал.

В начале Великой Отечественной войны художник передает многие свои произведения в госпитали. Внезапная смерть 15 декабря 1941 года прервала творческую деятельность певца народной жизни. В мастерской, где творил художник почти четыре десятилетия, открыт мемориальный музей.

К сожалению, из-за ограниченных площадей муромских музеев многие произведения Куликова находятся в запасниках. Видимо, настало время открытия в Муроме картинной галереи, о которой художник мечтал в довоенные годы.

Начало на странице 8

боярском тереме», «Боярышни в саду», «В русском наряде» и другие. Он берет не конкретные исторические события, а сцены из прошлого своего народа, показывая красоту русских женщин, высокий вкус и мастерство народных умельцев.

Историческая тематика не стала главной в творчестве художника, она явилась результатом увлечения историческим прошлым русского народа, поисками древнерусского национального костюма и предметов народного быта. По этому поводу И. Е. Репин писал: «Очень порадовался, что Вы занимаетесь собиранием русских древностей — это доброе, созидательное дело». Куликов изучает археологию и этнографию, принимает участие в археологических раскопках.

На Всемирной выставке изобразительного искусства в Льеже в 1905 году за «Портрет моей матери» он награждается Большой Серебряной медалью. Участие в ежегодных весенних выставках, международных выставках изобразительного искусства создало о Куликове славу как об одном из самых талантливых современных русских художников реалистического направления.

«Куликов — художник будущего. Это великая сила, и его золотой талант должен быть признан как крупная общественная ценность» — так писал журнал «Изобразительное искусство».

В 1915 году популярность художника настолько возросла, что «за изве-

**ПАСТУШОК.
1914.**

ФИЗКУЛЬТУРНИЦА.
1928.

Воспроизводимые нами работы И. С. Куликова
находятся в доме-музее художника.

Максим ГОРЬКИЙ

1868—1936

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объёмом крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срыгает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гнев грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, выются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы: — Пусть сильнее грянет буря!..

Александр АМФИТЕАТРОВ

1862—1938

БЛАГОДАРИЮ!

Романс литератора, умиленного кадетским законопроектом о печати

Я прочитал проект... Хоть он еще не в силе, Но вижу хорошо грядущую зарю: Всего лишь на пять лет меня вы засадили...

Благодарю!

ПОЭЗИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пастернак написал свой «Девятьсот пятый год» уже как исторический постскриптум. Но поэзия 1905 года — года первой русской революции — рождалась еще до баррикад на Красной Пресне. Слова гнева, презрения, возмущения летели в лицо самодержавия не менее весомо, чем булыжники. Главной песней этой первой революции была, безусловно, «Песня о Буревестнике», читавшаяся на студенческих вечеринках, на рабочих митингах, как предсказание грядущей бури и призыв к ней. Революционные стихи писали в то время и Бальмонт, и Сологуб, и Зоргенфрей, и даже такие далекие от радикальной направленности писатели, как А. Аверченко, Тэффи, А. Амфитеатров. Например, целая группа талантливых сатириков, собравшаяся вокруг нового журнала «Зритель», вела прямую оппозиционную борьбу, печатая стихи, рассказы, карикатуры, двусмысленные и недвусмысленные басни. Широко распространялись и анонимные стихи, высмеивавшие царя и царских министров. Ленин определил тогдашнее положение так: «Самодержавие уже не в силах открыто выступить против революции. Революция еще не в силах нанести решительного удара врагу». В Петербурге был образован «Союз в защиту печати», который объединил всю демократическую прессу. Объявленная Манифестом 17 октября конституционная «свобода печати» была вовсе не дарована царем — она была вырвана у самодержавия.

А на сам царский Манифест революционная поэзия отреагировала точно и звонко:

Царь испугался, издал манифест: мертвым — свобода, живых — под арест.

Поражение первой русской революции не было неудачей.

Первая русская революция дала первые глотки свободы печати, и этот освежающий воздух, попавший в легкие общества, дал ему силу бороться с последующими ограничениями — то ослаблявшимися, то усиливавшимися.

Мрачная плотина цензуры если и не была окончательно разрушена, то все-таки была прорвана, и мощный поток освобожденной общественной мысли пробился к читателю.

Русская поэзия была в центре этого потока, да иначе и быть не могло, ибо так исторически сложилось, что общественная мысль России и ее поэзия всегда были неотделимы.

Дождались мы цветов, дождемся, значит, ягод...
Российской власти впредь отнюдь не укорю:
По конституции за это — в крепость на год...

Благодарю!
В собрании умов, свободой знаменитых,
С почтением старину подъяческую зрю:
Вы честно сберегли суд при дверях закрытых...

Благодарю!
Священно сохранен порядок «диффамаций»,
Не допускающих сторон враждебных прю:
За то, что посрамлен уклад соседних наций,—

Благодарю!
В читальне у меня брошюры очень притки,
Но от жандарма впредь шкафов не затворю:
Ведь риск теперь — всего три месяца к отсидке...

Благодарю!
Прелестные статьи и чудо-параграфы Я жадно проглотил — авось переварю!
Спасибо за тюрьму, особенно ж — за штрафы...

Благодарю!
Строжайшей логикой ваш кодекс лучезарный
Так полон, что — давай господе пономарю!
Пускай бранит его народ неблагодарный...

Благодарю!
Ах, злая клевета прилипчивей, чем клейстер!
В толпе гуляет слух, — его ли повторю? —
Что диктовал закон вам обер-полицмейстер...

Благодарю!
30 июня 1906
Париж.

Василий АДИКАЕВСКИЙ

КЛИН КЛИНОМ

Правительство, устав от всяких смут и бед,
Преследует повсюду красный цвет.
Преступны красные значки, а также флаги.

Платясь за каждый лист раскрашенной бумаги,
За краску красную, от ночи до утра
Толпой в тюрьму идут редактора.
Но чтобы справиться с народным исполином,
Уступки сделавши, клин вышибают клином,
Лепя с усердием спасителям страны
Лампасы красные на старые штаны!

21 марта 1906.

ЛЕВ ВАСИЛЕВСКИЙ

1876—1936

ПРЕДЕЛЬНОЕ И БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ

Предельна досягаемость Властительной картечи,
Безмерна изменяемость Правительственной речи.
Предельна убедительность Посула и обмана,
Но без границ вместительность Сановного кармана.
Предельно обаяние Штыка и пулемета,
Бездонно одичание «Слуги и патриота».
Предельны дарования И ум министров рати,
Бескрайни наказания За смелый тон печати.
Предела нет глумлению, Поругана свобода,
И нет конца терпению У русского народа!

1906.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Валентин ВАЛЕНТИНОВ

1871—1929

Что француз нам ни сболтнет,
Выйдет деликатно;
Ну, а русский как начнет,
Берегись, понятно.

У французов шоколад,
А у нас рассольник;
По-французски депутат,
А у нас крамольник.

По-французски сосьете¹
А по-русски — шайка;
У французов либерте,²
А у нас — нагайка.

У французов пепермент,
А у нас сивушка;
У французов парламэнт,
А у нас ловушка.

По-французски друг и брат,
А у нас изменник;
У французов бюрократ,
А у нас мошенник.

По-французски дилетант,
А у нас любитель;
У французов интендант,
А у нас грабитель.

По-французски декаданс,
И по-русски то же,
У французов «Vive la France»,³
А у нас по роже.

У французов чтут спрутá,
А у нас налима;
У французов Балетта,
А у нас Цусима.

По-французскому протест,
Здесь — борьба всех классов,
У французов манифест,
А у нас Дубасов.

По-французски мадамзель,
А по-русски милка;
У французов карусель,
Здесь же «предварилка».

У французов стиль нуво,⁴
А у нас мочало,
Как дошел до Дурново,
Начинай сначала!

Конец 1905.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Печатай книги и брошюры,
Свободой пользуйся святой —
Без предварительной цензуры,
Но с предварительной тюрьмой.

Конец 1905 или начало 1906.

¹ Общество (франц.). — Ред.
² Свобода (франц.). — Ред.
³ «Да здравствует Франция» (франц.). — Ред.
⁴ Новый стиль (франц.). — Ред.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Идет расследование обстоятельств загадочного исчезновения профессора-химика Георгия Мартыновича Солигова. Следователь прокуратуры Гуров и сотрудник угрозыска Люсин устанавливают, что профессор увлекался опытами по расшифровке старых, забытых лекарственных рецептов. Этих и объясняется взрыв на даче в день исчезновения Георгия Мартыновича. Кроме того, они узнают, что в этот же день профессор взял из сберкассы большую сумму денег. Гурову кажется, что здесь не обошлось без участия доработницы Аглаи Степановны: ведь именно ей Солигов завещал дачу и деньги.

ы и в экстрасенсов не верите? — поразилась женщина в лиловом платье, обласкав Наташу улыбкой мудрого всепрощения. — Спросите вашу тетю, она вам кое-что объяснит.

— Не обижайтесь, Дианочка, — поспешно пришла на помощь хозяйка. — Талочка просто увлеклась в своем полемическом задоре... Однако я на минуточку должна отлучиться, прошу извинить. Главное — без меня ничего не рассказывайте! — И она поспешно умчалась на кухню, откуда вскоре донеслись грохот и лязг раскаленных противней.

Готовый было вновь разгореться спор приостановило торжественное шествие Дины Мироновны. Пылая от кухонного жара и гордости, она внесла круглое блюдо, на котором дымила туго набитая и обложенная печеными яблоками утка.

— Боюсь, что немного сыровата! — пожаловалась хозяйка.

— Сейчас посмотрим. — Диана Сергеевна повелительно выпростала из-под кружев жилистые руки. — Давайте сюда!

— Поразительно! — ахнула заранее потрясенная Альбина.

Второпях очистили место на скатерти, прибирая и складывая опустевшую посуду, и над вызывающе румяной утиной грудкой нависли чуткие ищущие пальцы экстрасенсорной женщины. Наташа изумленно ахнула и поспешно потупилась, пряча глаза. Ее душил смех. Поражала не столько сама сцена священнодействия, сколько оказанное ею воздействие. Особенно на Бариновича. Багрово-ликий, с отпавшей челюстью, он напоминал обиженного ребенка, которому ни за что ни про что дали подзатыльник. Известное удивление выразил и художник, не принадлежавший, очевидно, к узкому кружку посвященных.

— Чего это она? — Он вопрошающе тронул свою даму за локоток, следя за пассажами Дианы Сергеевны. — Игра, что ли, такая?

— Готова? — впервые за весь вечер раскрыл рот композитор, чем навлек на себя мимолетное внимание. — В самый раз?

— В самый, — подтвердила Диана Сергеевна, роняя руки. — Вы удивительно вовремя, милочка. — Она устало улыбнулась хозяйке. — Еще чуть-чуть, и мясо бы стало подсыхать.

— Я очень рада! — Дина Мироновна послала приятельнице воздушный поцелуй. — Какая вы все-таки душка!

— И что? — К Бариновичу наконец вернулся дар речи. — Она действительно видит, чувствует? — Потянувшись к Наташе, он грузно навис над столом. — У жареных уток, значит, тоже есть биополе?

Наташа лишь красноречиво выиграла очами.

— Утку должен разрезать Архип Михайло-

вич, — попросила Дина Мироновна, торжественно вручая Глазыреву выгнутые серпом ножницы. — В наказание за вашу противную диету. Может, сделаете сегодня исключение?

— И не уговаривайте! — Он ловко прижал утиное крылышко специальной вилкой. — Ни-ни! А разрезать могу. Отчего не подсобить? — И с хрустом вгрызся в костяк.

— Ишь ты! — бесхитростно восхитился художник. — В самой поре!

Крыть было нечем. Запеклось действительно образцово, к вящей гордости Дины Мироновны за свой кулинарный опыт и феноменальный, поистине рентгеновский дар подружки.

— Удалось на славу! — подтвердил Глазырев, виртуозно разделявая истекающую соком птицу. Оделив каждого облюбованным куском, он взял себе на тарелку лишь одно яблочко, менее остальных забрызганное жиром.

— Вы хоть поешьте как следует! — наказала хозяйке ясновидящая Диана. — А я вам пока сосудики помассирую.

Столь сложную и недоступную современному уровню медицины операцию она провела в завидном темпе, не выпуская при этом утиную ножку. И даже не смотрела на разомлевшую пациентку, справедливо полагая, что излученный флюид сам доберется, куда надо.

— Уже ощущаете? — спросила она, обглодав косточку и вытирая губы бумажной салфеткой.

— Какое блаженство! — разнеженно прошептала Дина Мироновна, откидываясь на спинку стула. — Прямо как на свет народилась!

— Потрясающе, — деликатно жуя, оценил композитор.

— Нет, господа рационалисты! — Туганов торжественно постукал по столу костяшками заметно усохших пальцев. — Мир далеко не столь прост, как вы тщитесь представить!

— Вижу, — не стал спорить Баринович.

— Кстати, Дина Мироновна. — Разделавшись с противником, неустанный воитель почувствовал себя властелином положения. — Вы, кажется, говорили, будто какой-то ваш знакомый успешно занимается практической алхимией? Что за таинственная история?

Все взгляды, словно по команде, нацелились на Наталью Андриановну. Она вспыхнула, ощутив себя вознесенной на гигантских качелях, когда все внутри обмирает и отжимается книзу.

— В самом деле. — Дина Мироновна мимолетно коснулась пальцами лба. — Талочка, деточка! — залезла она. — Как ты понимаешь, все мы ужасно обеспокоены этим кошмарным происшествием. Ты ничего не знаешь?

— Насколько я понимаю, присутствующих глубоко волнует судьба Георгия Мартыновича 'Солигова? — Разгадав истинную причину очередного прилива родственных чувств тети Дины, Наташа полностью уяснила сложившуюся ситуацию. — Не хочу никого разочаровывать, но, судя по всему, он стал жертвой бандитского ограбления.

— И только-то? — пренебрежительно протянул Туганов.

— Какой ужас! — Баринович был глубоко потрясен. — Я же ровным счетом ничего не знал! Бедный Георгий Мартынович... Как он себя чувствует?

— Удивительно все же. — Дина Мироновна неодобрительно поджала губы. — Разве вы не знаете, что он бесследно исчез?

Баринович лишь угнетенно пожал плечами.

— Вся Москва только об этом и говорит, — заметила Альбина, поправляя затейливую прическу. — И объявления висят.

— Какие объявления? — не понял Баринович.

— «Найти человека», господа! — Альбина глянула на него, как на безнадежно больного.

— Ах, так! — Баринович понимающе закивал. — А ведь я определенно что-то такое про него слышал... Позвольте, позвольте. — Он сосредоточенно подпер щеку ладонью. — Ну да! Мне предложили

купить книгу, которую он почему-то не взял. Очень редкая, знаете, книга. Но мне не по средствам, так что я отказался...

— И все-таки тут далеко не так просто. — Туганов стукнул кулаком по столу и недоверчиво покосился на Наташу. — Знаем мы эти ограбления! Ничего более оригинального придумать не смогли.

— Извините, но мне пора. — Наташа решительно встала из-за стола, осторожно отставив недопитую чашку. — Спасибо, тетя. Все было необыкновенно вкусно.

— Позвольте, я вас провожу! — Баринович обрадованно вскочил, вызвав веселое оживление столь пылкой галантностью.

Не отличаясь особой ловкостью, он ухитрился опрокинуть хрупкий, как яичная скорлупа, фарфор с изображением дамы в напудренном парике. Чашка жалобно звякнула, но не разбилась, подхваченная рукой бдительной хозяйки. Этот небольшой инцидент окончательно вычеркнул Бариновича из списков на будущее. Все нашли, что он абсолютно неинтересен.

— Как вам наш бомонд? — спросила она, когда они с Бариновичем вышли на улицу.

— А вам? — осторожно поинтересовался он, с наслаждением вдохнув теплый вечерний воздух. В теплом сумраке едва уловимо веяло духами. — Паноптикум, — откликнулась Наташа, когда миновали мрак подворотни. — Гойя.

— Да-да, очень странно. — Он подтвердил верность ее ощущений. — А кто эта женщина в лиловом?.. Сейчас много появилось таких.

— Скромный инженер-экономист. — Наташа усмехнулась. — И вот, поди ж ты, открылся дар!

— Я допускаю, что возможно особое видение, редкая чувствительность и все такое. История человечества полна свидетельствами разного рода феноменов. Но чтобы так, в массовом порядке... Кто теперь только не подвизается на этом сомнительном поприще — неудавшиеся физики и разочарованные врачи, даже откровенные психопаты. И все она, мода!

— Не только. Здесь и досуг, который не знают чем занять, и вечно дремлющая в человеке надежда на чудо. О чудесных излечениях, сколько я себя помню, всегда говорили. То там, то здесь объявлялся очередной чудесник. Но на счет массовости вы точно заметили. Нынче экстрасенс попер косяком. И ведь название какое выдумали respectable! — Наташа по обыкновению не шла, а летела по улице, и Баринович едва за ней поспевал.

— Именно! А на поверку все тот же знахарь, шаман или медиум. — Пытаясь шагать в ногу, он радостно волновался столь удивительному согласию в мыслях.

— Чего стоят одни разговоры про излечение по телефону или диагноз по фотокарточке... А возьмите филиппинских знахарей! Вот уж чушь так чушь! Тут, казалось бы, для здравомыслящего человека никаких доказательств не требуется: ловкий трюк, виртуозный обман. Но ведь находят ярые защитники! Ссылаются на очевидцев, на фильмы. А чего не сделаешь с помощью кино?

— Врет, как очевидец, — подсказал Баринович. — Вы очень торопитесь, Наталья Андриановна? — Испытывая давным-давно позабытый трепет, он осторожно взял ее под руку.

— Ничуть. — Она замедлила шаг. — Привычка.

— Вы говорили о бескровной хирургии филиппинцев. Я слышал, что создали специальную комиссию?

— Будь моя воля, я бы не стала тратить времени на проверку. Все изначально ясно. Допустив даже в мыслях возможность такого, мы должны отказаться от научной картины мира.

— Не слишком ли дорогая плата? И во имя чего? Чтобы уверовать в четвертое измерение, в магию, кто знает во что?

— Как вы удивительно точно схватили! — Ната-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—6.

ша почти с восхищением взглянула на Бариновича, который уже не казался ей таким комично нескладным. — Она-то и лежит в основе случайных удач самозванных целителей — вера. Как и вы, я тоже не исключаю какого-то физического влияния на организм человека через глаза, руки... Хоть и не обольщаюсь, если честно сказать, потому что привыкла доверять лишь строго доказанному. Но основная причина — это вера больного в то, что ему помогут. Человек слепо верит и потому исцеляется. Чья тут первоочередная заслуга: врача, лекарства или собственных защитных сил, — особого значения не имеет. Работает весь комплекс, активизируя мозг, который и подает подсознательные команды. Резервы тут, конечно, колоссальные.

— Не знаю, как насчет резервов, — с осторожным скептицизмом заметил Баринович, — но кое-какой опыт человечество все же накопило. Заблуждаться, я имею в виду невольные заблуждения, тоже все скопом не могут. Таким образом, разумно будет записать в наш актив несколько чудесных, внушающих оптимизм случаев, пусть даже несколько десятков. Но не сотен, не тысяч тем более! Посмотрим теперь, что окажется в пассиве: многие миллионы человеческих жизней,

которые унесли «черная смерть», оспа, холера, наконец, «испанка» в начале века. В Англии, например, претендующей на сомнительную славу родины европейского колдовства, в четырнадцатом столетии чума выкосила три четверти населения. Целиком вымирали деревни, города, графства. И это, подчеркиваю, в четырнадцатом веке, когда лечили с помощью трав, алхимических снадобий или колдовства. Экстрасенсов и тогда, надо полагать, было предостаточно, хоть отбавляй. Сами судите, сколь многого достигли они своими пассажами и наложением рук.

— Не могу возразить вам, даже если бы очень хотела... Ваш исторический экскурс весьма убедителен. Хоть мы и ругаем современную медицину, альтернативы ей нет. Хочешь не хочешь, а надо искать все новые антибиотики, синтезировать все более сложные в химическом отношении препараты. Знаем, что вредны, что организм привыкает и вирусы приспосабливаются, но что дальше? Об отказе не может быть и речи. Стоит лишь ослабить усилия в борьбе со всевозможными недугами, и на мир обрушатся нарастающие валы опустошительных эпидемий. Про СПИД, надеюсь, слышали?

— Временами мне кажется, что мы читаем мысли друг друга.

— Мне тоже, — с обезоруживающей откровенностью призналась Наташа. — Как будто знаем друг друга тысячу лет. Правда?

— А может, так оно и есть. Ведь ваша фамилия Гротто?

— Да, а в чем дело?

— Тогда, может статься, что мне посчастливилось знать вашу пра...пра...бабушку. Такое имя, как Лита Гротто, ничего вам не говорит?

— Нет, — не сразу ответила Наташа. — Впервые слышу.

— Очень жаль, Наталья Андриановна, потому что я пережил несколько незабываемых часов, проследивая запутанные перипетии ее судьбы, подкупающе романтической и злосчастной.

— Вы меня интригуете, Гордей Павлович.

Они не заметили, как миновали площадь Маяковского, и, свернув за угол, пошли к Белорусскому вокзалу. Ощущение времени и пространства растворилось в наполнявшем обоих благодарном чувстве единомыслия. Безотчетно хотелось продлить его до нового перекрестка, где в таинственном безлюдье Брестских улиц перемигивались совиные глаза светофоров.

— Я работал тогда в архивах города Кельна, — начал рассказывать Баринович. — Меня интересовала история одного алхимика, сваренного живьем по приговору магистрата. Судя по некоторым указаниям, он имел определенное отношение к тому самому алхимику, чью лабораторию в поисках эликсира долголетия посетил Фауст.

— Ничего себе, — одобрила Наташа. — Завлекательное начало.

— Тем более, что прямого касательства к ва-

шей пра...пра...бабушке оно не имеет,— засмеялся Баринович.— Упоминание о ней я обнаружил совершенно случайно, когда разбирал счета, предъявленные к оплате регенсбургским палачом. Бедная женщина была сожжена по обвинению в злокозненном чародействе в 1589 году. Ее казнь обошлась магистрату в три талера и два гроша. Не знаю почему, но меня это вдруг взволновало, и я принялся за розыски. Какие тени прошли передо мною, Наталья Андриановна! Прекрасная, беззаветно любящая женщина, проданная бездушным мужем своему влиятельному сеньору. Изувер инквизитор, утонченное коварство, чудовищный, наглый обман... Может быть, это и хорошо, что вы ничего не знаете об этой несчастной. Что мы вообще знаем о себе, дети двадцатого века? Не дальше трех-четырех поколений. А ведь прошлое никогда не умирает совсем. Как чахлая тень, оно влечется за нами стопами, мучая несовершенную память, увлекая на кем-то пройденные когда-то круги. Или встает на перепутье, как болотный туман, колыхаясь и застилая глаза...

— Из дальних предков я знаю только капитана Андреа Гротто.— Наташа невольно вздрогнула.— Он, как тогда говорилось, «вышел» из Ливонии и поступил на царскую службу. Это было незадолго перед кончиной Петра Алексеевича.

— Андреа... А вы Андриановна?

— Натальи и Андрианы у нас в роду. От бабки мне осталась венчанная икона с этими именами... Неопалимая купина.

— И нет документов, писем?

— Никаких!— Она мечтательно улыбнулась.— Если что было, то сгинуло после развода... Мы разошлись с мужем, прожив вместе много лет. Я ни о чем не жалею, у меня есть сын Тема, почти совсем взрослый, и мы очень счастливы с ним вдвоем.

— А у меня целых три! И в этом мое спасение. Иначе бы я влюбился в вас до смерти и стал бы несчастнейшим из смертных.

— Это еще почему?

— Да хотя бы потому, что матушка не нарекла меня Андрианом.

— Значит, так тому и быть.— Наташа решительно повернула к метро.— Но прежде чем спрашивать, я бы хотела узнать...

— О Лите Гротто?

— Нет, на сей раз не угадали. Меня беспокоит другое. Расскажите как можно подробнее о том вашем разговоре по поводу травника.— Она высвободила руку и выжидательно остановилась под навесом «Белорусской-кольцевой».

— Думаете, это что-нибудь даст?— Баринович прислонился плечом к колонне.— Впрочем, кто знает?... Короче говоря, позвонил мне один книжный жучок на прошлой неделе. Человек он тертый и в своем бизнесе ас. Не только знает все мало-мальски ценные издания, но и ведет учет частным библиотекам. Не успеет кто-нибудь из коллекционеров отдать душу, как он мгновенно узнает об этом по какому-то тайному телеграфу. Форменный стервятник. Раньше он частенько снабжал меня всякими редкостями. Теперь же, к сожалению, мне такая роскошь не по карману. Во-первых, обременен семейством, во-вторых, цены возросли настолько, что и не подступишься.

— И все-таки он обратился к вам с предложением?

— Очевидно, по старой памяти. Да и книжка уж больно занятная. Притом с личной печатью Макропулоса, которого считают лейб-медиком Рудольфа Второго, императора Священной Римской империи, австрийского эрцгерцога и чешского короля. Аккурат по моей части. Откровенно говоря, у меня слюнки потекли. Но я сразу сказал, что не потяну, и посоветовал обратиться к Георгию Мартыновичу. Как-никак такие антики попадают не часто. Один раз в сто лет, можно сказать.

— И что он ответил?

— Сказал, что уже звонил Георгию Мартыновичу и обо всем с ним договорился, но тот, видимо, передумал.

— Так-так...

— Каюсь, но тогда я не придавал этому особого значения. Лишь пожалел мимоходом, что книга уйдет в совершенно чужие руки. Только теперь, когда узнал о случившемся...

— Понятно,— опережая мысль собеседника, выводила свои заключения Наталья Андриановна.— Сколько он просил за книгу?

— Две, но намекнул, что можно договориться. Только о чем договариваться, когда мне и тысячи не наскрести?

— Более-менее ясно. Поймите меня правильно, но вам придется еще раз рассказать все это в милиции. Я дам сейчас телефон. Это совершенно необходимо. Обещайте мне, что позвоните, не откладывая.

— Ну, если вы настаиваете, то конечно,— без особой охоты пообещал Баринович.— Раз надо...

— Сейчас, именно сейчас, я с полной абсолютностью поняла, что это совершенно необходимо. На месте Георгия Мартыновича могли оказаться вы, я, кто угодно... Представьте себе, что его убили, да, скорее всего убили, сразу после того, как он взял в сберкассе полторы тысячи рублей. Наверняка чтобы купить этот дьявольский травник, который не стоит ни единого часа человеческой жизни. Прошлое действительно не умирает. Вы были глубоко правы. Оно все еще требует крови, и убивает, и мстит.

Глава двенадцатая

РАЗВЕДКА НА МЕСТНОСТИ

От дачи Солитова до железнодорожной платформы было чуть поболее двух километров. Прогулявшись раз-другой туда и обратно, Люсин до тонкости изучил этот вполне рядовой для Подмосковья маршрут и составил довольно подробный план.

Сразу за калиткой начиналась вымощенная бетонными плитами кольцевая дорога, обозначавшая внешнюю границу участка кооперативной застройки. По одну ее сторону тянулся сплошной зеленый забор, за которым виднелись крыши хаотично разбросанных домиков, по другую — откровенно разбитая для глаза лесозащитная полоса с водокачкой, царившей над местностью, подобно какому-нибудь рыцарскому замку. К озеру можно было выйти либо напрямик через лес, либо более длинным путем, ведущим на станцию. Рыбаки и купальщики, разумеется, выбирали первый вариант, всем остальным приходилось идти по бетонке, надежно замаскированной вязкой глиной, намытой дождевыми потоками из поросших сурепкой отвалов. Лет двадцать назад, когда здесь вовсю шли строительные работы, кое-что было, видимо, недоделано, а что-то, как водится, сделано шалая-валая. Ничего удивительного, что последствия вроде заполненного стоячей водой провала у самой развилки сказывались по сей день. В этом ненавистном водителям месте кольцевая сворачивала к камышовому болотцу, а ответвлявшийся от нее отрезок терялся в узкой просеке. Попасть в поселок, а затем и на станцию можно было только этим путем. Дорога шла в гору и находилась поэтому в сравнительно благополучном состоянии, хотя отдельные стыки порядочно разошлись. За кюветами по обеим сторонам темнел часток елей, изредка просвеченных чахлыми хлыстиками берез. Два крутых поворота на протяжении каких-нибудь пятидесяти шагов делали этот участок потенциально опасным, что Люсин и отметил у себя соответствующим значком. Особенно в дождь, когда видимость сведена до минимума. После сберкасы Солитов мог и не пойти на станцию, а преспокойно возвратиться домой. Вернее, сделать такую попытку, потому что до дому он явно не дошел.

Далее путь пролегал через совхозное поле. Судя по дружной ботве, урожай свеклы и картофеля ожидался богатый. Но хотя местность просматривалась до зубчатой каймы горизонта, на поле не было видно ни единой живой души. Только вороны, переваливаясь с боку на бок, бродили возле сеного стога, чей пьянящий, ни с чем не сравнимый аромат будил сладостные воспоминания.

Конечно, в сплошной завесе ливня вся эта сельская благодать выглядела несколько иначе. Но поле не лес. Оно постоянно открыто для глаза. Тем более совхозное поле, чьи заботливо ухоженные, удобренные и защищенные от вредителей гектары набирали перед уборкой последние центнеры.

Пошли огороженные жердями выгоны, длинные бетонированные коровники, сельскохозяйственная техника под навесом, выкрашенная ярко-оранжевой краской, а затем и двухэтажные домики. Чем дальше, тем чаще попадались навстречу люди. Прогромыхал колесный трактор с прицепом. Озорная молодуха в белом халате весело окликнула Люсина с грузовика, но слова потерялись в дребезжании высоких бидонов. Только смех донесся.

Владимир Константинович растроганно помахал рукой. Казалось бы, случайная встреча, а как согрела беззаботным, счастливым весельем! Нормальным людям, занятым повседневным трудом, с их горестями и радостями, не прочувствовать этого с такой благодарной болью. Но работа, которую приходилось, причем увлеченно, подчас даже азартно, выполнять Люсину, едва ли могла считаться обычной. Заложенная в самой основе ее изначальная отстраненность от призывных общечеловеческих представлений неизбежно накла-

дывала неизгладимый отпечаток на самые тонкие сферы духовной жизни. Да и может ли быть иначе, если постоянно приходится абстрагироваться от таких вещей и явлений, которые окружают тебя с рождения и связаны с тобой, со всеми твоими чувствами нерасторжимыми нервными нитями. И не только абстрагироваться, но и высматривать потаенную, скрытую от нормального зрения сторону, пытаюсь угадать, как рисуется она заведомо извращенному оку. Порой — к счастью, это происходит уже задним числом — оторопь охватывает от вопиющей противоестественности такого двойного видения, обретающего с годами автоматизм. И в самом деле, разве не противоестественно видеть невольных пособников преступления в деревьях, сочащихся тягучей смолой, в пахнущих грибами и прелью овражках, даже в этих слежавшихся кихах сена, разметанного на всем пути от стога до ферм? Можно сбрендить, подозрительно вглядываясь в непроглядную муть, где лишь круги разбегаются от нырнувшей лягушки. Поди угадай, что там, на дне. Без полного сосредоточения, когда мобилизованы все чувства и разум, трудно рассчитывать на успех. Это азбука дела. Но даже в таком предельно собранном состоянии, когда механически проверяешь не то что незнакомого человека, но и саму природу, не должна остыть память о добром, нормальном мире людей. К счастью, он тут, рядом, хоть и унесло твою память о нем в черные дыры Вселенной. Догадываясь, как трудно и одиноко тебе, он посылает и эту улыбку, и этот мирный запах навоза, словно напоминая о том, что неизбежно настанет минута, когда в кустах при дороге ты снова увидишь всего лишь кусты — пропыленные листья и ветки — и даже не обернешься, заслышав вороний переполох. Какое дело нормальному человеку до карканья птиц? Ему и в голову не придет проверять, над чем это они так суматошно мечутся.

Поймав себя на том, что поминутно отвлекается на всякие мелочи вроде бархатных бабочек-траурниц — он так любил их в детстве! — Люсин вновь сверился с местностью и отметил на плане котлован с незаконченным фундаментом. Несмотря на погорелый денек, строительная площадка по-прежнему пустовала. Уложенные бетонные блоки и перекрытия были завалены горами битого красного кирпича. Над зачарованным царством заросших бурьяном асбестовых труб, ржавых рельсов и арматуры простирал ажурную длань мощный, но, к сожалению, недвижимый кран, которого напрасно ждали где-нибудь по соседству.

За стройкой пошли частные огороды, на которых мелькали хозяйки в платочках и беззаботно играющие ребятишки. Вкусный дымок сжигаемой в кучах ботвы курился медленной винтообразной струйкой. Покоем и умиротворением дышали тронутые осенней пестротой дали.

Бетонка под прямым углом примыкала к асфальтированному шоссе, где ходил рейсовый автобус. Возле остановки, защищенной от непогоды стенами из толстых стеклянных блоков, стояла слегка покосившаяся телефонная будка, а на другой стороне был пустырь, на котором какие-то вполне взрослые дяди в рабочих спецовках гоняли по песку мяч. В глубине двора, окруженная ивами и тополями, виднелась длинная одноэтажная постройка из светлого кирпича, объединившая под своей оцинкованной крышей уже знакомую сберкасу, почту и продовольственный магазин-без вывески. Значное место тем не менее легко распознавалось по груде разбитых ящиков. Судя по кошелкам с бутылками, которые тащили туда и обратно, ящики были из-под заветной стеклотары.

Отсюда путь на станцию пролегал по шоссе: двенадцать минут обычного хода по обочине или две остановки автобусом. В дождь предпочтительнее воспользоваться услугами общественного транспорта. Тем более если для этого созданы все условия. Постояв под навесом и дождавшись наконец желтой машины, заботливо сработанной на прославленном венгерском комбинате, Люсин засекал время по секундомеру. Автобус опоздал против расписания на семнадцать минут. В ливень, когда в нем была особая нужда, он мог, как это порой водится, вообще не прийти. Опрос водителей ничего определенного на сей счет не выявил, хотя в автопарке уверяли, что в тот день машины ходили точно по расписанию. Возможно, это и соответствовало действительности. Но коль скоро никто из шоферов не проявил интереса к своим пассажирам и по фотографии Георгия Мартыновича не опознал, существенного значения это не имело. Оставалось лишь гадать, как поступил Солитов в то утро между одиннадцатым с половиной и двенадцатым часом: поехал на станцию, пошел ли пешком или же повернул к дому.

Люсин, естественно, отправился пешком, по-слав вперед поджидавшую его «Волгу». Как и было договорено, она ждала его у треугольного дорожного знака, изображавшего самую понятную в мире эмблему — скрещенные вилку и ложку. Ресторан «Рыболов» хоть и не пользовался известностью, выходящей за границы района, но можно было надеяться, что Коля Самуся не станет терять времени даром. Сам Владимир Константинович успел порядком проголодаться, и ему стоило заметных усилий продолжить свой пеший рейд, длившийся уже без малого три часа. Но не хотелось нарушить целостность впечатления. Тем более что приближался наиболее ответственный участок.

Пока ничто не внушало тревоги. Сельские домики стояли по обе стороны, и шоссе поэтому находилось под перекрестным обстрелом окон, а следовательно, и глаз. Движение тоже выглядело достаточно оживленным. Но в том месте, где стрелка указывала на гидроузел и дорога раздваивалась, пешеходная тропа уклонялась в сторону. И немудрено, потому что на неогороженной дамбе оставалось место лишь для полосатых низеньких столбиков. Идти навстречу грохочущим самосвалам, ощущая за спиной гудки обгоняющих машин, было просто-напросто страшно.

Люсин последовал за большинством, хоть по шоссе и было короче метров на двести. И сразу в голове вспыхнул предостерегающий красный сигнал. Молодые сосенки, посаженные плотными гнездами на песчаных буграх, полностью закрывали обзор. Тут могло произойти все, что угодно.

Стежка, по крайней мере та, извивом которой следовал Владимир Константинович, потому что под сенью колючих сосенок петляли десятки других, вывела на высокий обрыв, откуда во всей красе открывалась стальная гладь озера. Узкую полосу песка внизу лизала медленная волна. Из-за постоянных дождей вода заметно прибила. От глинистых обрушений расплывалась нечистая пена.

Включив шагомер, Люсин двинулся вдоль обрыва, и чем далее шел, тем менее нравилось ему это место. Попытка найти не столь рискованный вариант кончилась ничем. Углубившись в сосны и проблуждав там, как в лабиринте, он вновь оказался на берегу.

Определенно подтверждался первоначальный вывод: эти триста сорок шагов по-над берегом, безусловно, были самыми опасными на всем пути. Здесь даже в сухую светлую пору можно было невзначай оступиться. Судя по карте, затребованной у местных гидрологов, дно опускалось достаточно круто. Теперь, когда уровень повысился чуть ли не на метр, глубина была довольно приличная почти на всем протяжении. Особенно подозрительно выглядели участки оползней, где озеро словно выгрызало в берег.

Простой здравый смысл подсказывал, что таким путем мог пойти в тот день лишь заведомый самоубийца. Значит, Георгий Мартынович выбрал другую дорогу, более дальнюю.

Полубоившись бледными облаками, растянувшимися низкой прерывистой цепью, Люсин вернулся в сосны. Пришлось порядком побродить, прежде чем обнаружилась не приметная аллея, выходящая к мостику. Люсин вернулся по ней к исходному пункту, где шоссе сворачивало на дамбу, и, совершив поворот на сто восемьдесят градусов, вышел к протоке. Так идти оказалось не в пример проще, хоть и несколько дольше. Проблемы оставались прежние: густые лесопосадки и близость озера, правда, далеко не столь угрожающая.

Владимир Константинович постоял в одиночестве на мосту, пока не появился гражданин с удочками в защитного цвета чехле, и, поплутав среди крупноблочных башен, снова выбрался на берег. Сравнительно низкий, сплошняком заросший курчавым клевером, он мирно спускался к затопившей нижнюю кромку воде. Отсюда уже виднелись ажурные подвески проводов и край высокой платформы. Туда вела черная лента асфальта, отмеченная штангами уходящих вдаль фонарей.

Записав, где следует прочесать местность, а где хорошенько обшарить дно, Владимир Константинович побрел на станцию. Голода он уже не ощущал, но зато пробудилась тупая, пульсирующая боль в темени.

На привокзальной площадке, где автобус делает круг, Люсин заметил Аглаю Степановну. Вернее, она сама его углядела и, выдвинувшись из очереди, поманила рукой.

— Сам на себя не похож, а все бегаешь, — проворчала, не выпуская из вида стоявшую у ее ног укутанную марлей корзину.

— Голова разболелась, Степановна, — с трудом

ворочая языком, пробормотал Люсин. Перед глазами прыгали световые зигзаги, прошивая пространство кривой сморщенной строчкой. — Тут аптеки нигде нет поблизости?

— Как не быть? Есть аптека. — Она махнула рукой в сторону переезда. — А то к нам завернешь, голубь? Авось помогу.

— Ага, бабуся, спасибо. — Владимир Константинович повернулся, как манекен, и покорно побрел обратно, с трудом переставляя непослушные ноги.

— Да куда ж ты? — окликнула его Аглая Степановна. — Автобуса хоть дождись, а то не ровен час свалишься.

— Ладно. — Люсин покачнулся, но устоял и, наклонясь вперед, словно преодолевая тугую порыв ветра, сделал следующий шаг. — У меня тут машина...

Как добрались до места, он едва ли запомнил. Но из машины, собравшись в упрямый комок, вылез самостоятельно и деревянным шагом дотопался до какого-то дивана в углу. И тут свет окончательно померк для него, если, конечно, Аглая Степановна просто-напросто не занавесила окна.

— Давление подскочило, — пробормотал Владимир Константинович. — Ничего страшного. — И он позволил себе отключиться.

Освобождение пришло откуда-то извне, хотя он и дал себе внутреннюю свободу. Пахнуло бальзамическим холодком и словно бы тиной болотной, и он почувствовал легкое, скользкое прикосновение мази к вискам. И это было последнее, что успела ухватить память, отлетая с Земли.

Проснувшись в темноте на незнакомом скрипучем ложе, Владимир Константинович долго не мог сообразить, где он и что с ним. Тело сладко поламывало, как после хорошей лыжной пробежки, гортань горела сухим огнем, но в голове ощущалась полная ясность. Лишь память отшибло на каких-то этапах, и понадобилось известное напряжение, прежде чем удалось восстановить последовательность событий. И какой же нелегко удаленной во времени показалась ему эта прогулка по берегу среди упругих подрастающих сосен!

Люсин прислушался. Откуда-то долетали еле различимые отрывки речи. Он заставил себя встать и, нашарив в потемках дверь, побрел на путеводную черточку света в конце коридора.

Аглая Степановна и Коля безмятежно гоняли в кухне чай. Уютно бормотало радио. На ручках самовара висели бублики.

— Проснулся, голубь? — Старуха подняла взгляд. Дуя на блюдце, из которого, вкусно причмокивая, тянула крутую заварку, она насмешливо прищурила пронзительное, ястребиной зоркости око. — Головочка не трещит, чай?

— Спасибо, бабушка, все прошло, — поблагодарил Люсин и вдруг спросил, испуганно встретившись: — Который час? На дворе уже ночь? — И тут только сообразил, что у него есть часы. — Неужели всего-навсего девять?

— Так точно, — улыбнулся Коля. — Без трех минут. Хорошо поспали, Владимир Константинович?

— Черт! — помянул нечистого Люсин, хлопнув себя по лбу. — Ведь я обещался вернуться!

— Не беспокойтесь, Владимир Константинович. Я звонил... Сказали, чтоб отдыхали себе спокойно.

— Воображаю, чего ты наговорил! — Люсин даже покраснел от бессильной досады.

— Ничего особенного. Что есть, то и сказал: гипертонический криз. С кем не бывает? У меня братан моложе вас, а его в прошлом месяце по первое число прихватило.

— Мне ничего не передавали?

— Передавали. — Коля Самуся протянул записанный на обрывке газеты номер. — Просили позвонить, как проснетесь.

Люсин бросился к телефону, едва не столкнувшись в дверях с Аглаей Степановной, которая чуть было не выронила тяжелую трехлитровую банку, до краев наполненную алым напитком.

— Рехнутый! — осерчала старуха.

Промучившись минут двадцать — город упорно был занят, — Люсин наконец соединился с дежурным.

— Поступил сигнал из Волжанска, — доложил тот, когда Владимир Константинович назвал себя. — Гражданин Горбунов Калерий Аркадьевич, весовщик мясокомбината, опознал по фотографии Солитова. Говорит, что видел, как его увозили на «Скорой помощи». Товарищ Гуров уже выехал на место.

— Гуров? — Люсин все еще соображал в замедленном темпе, не постигая в полном объеме значения столь неожиданного (впрочем, почему неожиданного?) поворота событий. — А из наших? — Капитан Крелин. Просил согласовать с вами.

— Считайте, что согласовано, — повеселел Люсин. — Больше ничего?

— Еще был звонок от гражданина Бариновича Гордея Павловича. — Дежурный интонацией выделит рифмованное созвучие. — Хотел встретиться с вами по тому же вопросу. Оставил свой адрес.

— Благодарю. Буду завтра с утра. — Люсин задумался, не отрываясь от трубки, и подавил соблазн рвануть на ночь глядя в этот самый Волжанск. «Неужели все-таки сработал калининский вариант?» — спросил себя, медленно опуская палец на рычажок.

Глава тринадцатая

СЛУЧАЙ В ВОЛЖАНСКЕ

Перед въездом в город Волжанск Гурова с Крелиным поджидала машина ГАИ с включенной мигалкой. Расплескивая синие молнии и завывая сиреной, она повела за собой в непроглядную ночь. Это оказалось совсем нелишним, потому что ехать пришлось через городской центр, с его кривыми узкими улочками, как попало застроенными в конце прошлого века.

Станция «Скорой помощи» размещалась в старом кирпичном доме, окруженном ветхим забором, через который перевешивалась буйно разросшаяся акация. В резком свете фар листва казалась непроницаемо мрачной. Свернув в проем между столбами, на которых топорщились крюки от снятых ворот, и ловко лавируя среди новеньких фургончиков с крупно нарисованными цифрами «03», обе милицмейские машины подрулили к главному входу.

— Чего мурыжат автопарк под открытым небом? — уронил мимоходом Гуров, избегая по ступенькам широкой лестницы.

Главный врач, обо всем предупрежденный заранее, не теряя времени, вызвал врачей и санитаров, дежуривших в указанный свидетелем Горбуновым день. Но ни один из них не опознал предъявленной фотографии.

— Значит, мы его не возили, — категорически заявил главврач, тайне довольный скорым разрешением дела, ничего не сулившего, кроме лишних беспокойств. — Не наш больной.

— Но свидетели утверждают, что видели, как на Пролетарской площади именно его укладывали в карету, — возразил Гуров.

— А они не врут, ваши свидетели?

— Помилуйте, зачем? — Гуров сохранял завидное терпение.

— Мало ли... Встречаются, знаете ли, субчики с чрезмерно развитой фантазией. Мы это во как знаем. Вы даже не представляете, сколько бывает напрасных вызовов!

— Сочувствую, — осторожно вмешался Крелин. — Но данный случай, надеюсь, сюда не относится?

— Нет его, вашего случая. — Главврач почему-то обиделся. — Я привык доверять своим сотрудникам.

— И мы не сомневаемся в их добросовестности, — заверил Гуров. — Но не верить показаниям свидетелей тоже нет оснований. Надеюсь, у вас ведется регистрация?

— А как же! — Главврач поспешно вызвал по селектору дежурную медсестру. — Принесите книгу вызовов! — распорядился властно и забарабанил в ожидании пальцами.

Минут через пять в кабинет вступила неприветливая, излишне полная женщина.

— Так! — Шеф волжанской «Скорой помощи» принялся водить пальцем по строчкам. — Ну, что я говорил? — Дойдя до конца, он захлебнулся торжествующим смехом. — Нет такого!

— А если у человека вдруг нет документов? — спросил Крелин.

— Регистрируем как безымянного.

— Тогда поищите среди безымянных.

— Я могу уйти? — угрюмо спросила сестра.

— Нет, ждите! Я вам скажу, когда будет можно! Посмотрите среди безымянных. — Он перебросил книгу на соседний стол. — Если был человек, значит, найдется и запись.

— Не записано, — изрекла приговор медсестра, закончив просмотр, и неприязненно отвернулась.

— Вы свободны, Анфиса. — Главврач удовлетворенно отряхнул руки. — Будут вопросы?

— Какие документы еще заполняются на больных, кроме записи в книгу? — спросил Гуров.

— Ну, есть сопроводительные листы. Один экземпляр сдается в больницу, другой остается у нас.

— Проверьте, пожалуйста, — проявил настойчивость Гуров.

Продолжение следует.

БРОНИРОВАННЫЕ МУНДИРЫ

Дмитрий ЛИХАНОВ

Плац парил. Пахло горячим асфальтом и вчерашним дождем. Новенький офицерский мундир сидел как литой. Жарко блестели пуговицы и звездочки на погонах. Казалось, в эти мгновения все смотрят только на тебя. Смотрят и восхищаются твоей выправкой, широкими, натренированными в залах для борьбы плечами. И в эти мгновения в душе зарождается какое-то новое, доселе неведомое чувство собственной значимости, а кроме того, небывалая уверенность в себе, в своей силе и непобедимости. Казалось, взорвись эта утренняя тишина сигналом тревоги, и ты, ни секунды не раздумывая, бросишься под бандитские пули, настигнешь и с легкостью обезвредишь любого, пусть даже самого матерого преступника... — Капашин, — голос замполита звучит торжественно и резко. — Я! — Шаг из строя. Три шага вперед. Налево — кругом. В руках дерматиновая папочка с текстом присяги. Вот оно — свершилось!

Это бес попутал формовщика Великайна. Да разве бы он согласился — по трезвому-то делу, — да не в жизнь. А Амосов пристал как банный лист, мол, давай, брат, Санек, мол, дело-то фигня: ать-два и готово, дескать, помоги за ради нашей великой дружбы. Зато потом вмажем как следует. Может, даже и в ресторации. Попутал бес. Если бы не Амосов, не пошел бы к гаражам формовщик Великайн не к таким козрижкам. Ну да ладно — чего уж теперь! Короче говоря, поперлись. На дворе февраль. Ночь. Темно. Только фонари на ветру покачиваются. Подошли к «нэгэче двенадцать». Там забор. Перелезли. Гаражик — туточки, неподалеку. Амосов тихонечко окошко в гараже высидил. «Подсади», — говорит. Подсадил. Ну он туда и нырнул. Снова тихо. Вдруг засовчик скрипнул, ворота открылись. «Заходи», — говорит. Зашел. В гараже «Москвич» стоит — не то чтобы старый, но и не такой уж новый. Поношенный, словом, «Москвич». Ну, открутили с него пару колес. Вышли, перекинули колеса через забор, сами перелезли, а там уже саночки стоят. Погрузили все это хозяйство на саночки, поволокли. У дороги Амосов и говорит: «Ну, спасибо, Санек! Покеда». И разошлись, как в море корабли.

Это уже потом подошел Амосов к формовщику Великайну и отдал «сороковник». «Это», — говорит, — за то самое. Ну и ладно, ну и хорошо. Маленько вмазал. Правда, не в ресторации.

Летом как-то, уже с того случая много времени прошло, вышел формовщик Великайн во вторую смену. Вдруг подходит начальник третьего полигона и строго так говорит: «Тебя, Великайн, в отдел кадров требуют». Требуют — значит, надо. Что ж теперь. Пошел в отдел кадров. Пришел. А там два мужика сидят. Крепкие такие ребята. И что интересно — оба в штатском.

— Ты, — говорят, — Великайн?

— Я, а чего?

— Ну, тогда поехали с нами, мы из милиции.

«НАЧАЛЬНИКУ ОКТЯБРЬСКОГО РОВД Г. ПЕТРОЗАВОДСКА ПОДПОЛКОВНИКУ МИЛИЦИИ ТОВ. СТРЕЛЬЧЕНКО Л. Я. ОТ ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННОГО КАПАШИНОВА В. А.

РАПОРТ

Доклаживаю вам, что 25 июля 1985 года мной и оперуполномоченным Богдановым в Октябрьское РОВД был доставлен с места работы гр. Великайн А. С. Беседовали с Великайном в кабинете № 212. Беседу вели я и Богданов... К тому времени ворованные колеса были уже изъяты, однако Великайн по факту кражи колес ничего не пояснил. Лишь только повторял, что он «дурак». Несколько раз его отправляли в коридор посидеть и подумать. В пятницу 26 июля Великайн написал явку с повинной и был задержан».

ИЗ ПОКАЗАНИЯ ФОРМОВЩИКА П/О «ЖЕЛЕЗОБЕТОН» А. С. ВЕЛИКАЙНА: «Меня завели в кабинет на первом этаже. Я сел на стул правым боком к столу. Капашин и Богданов начали допрос. Капашин сидел за столом лицом ко мне. Богданов был минут тридцать, а потом ушел. Потом в кабинет зашли, по-моему, два человека. Одного я вообще никак описать не могу, никаких его примет не запомнил. Второй — лет 30–35, рост около 1 метра 75 см. Одет в красную рубашку, кажется, без галстука и поверх нее костюм, черные остроносые ботинки типа солдатских, лицо обычное».

...Кто меня ударил в первый раз, я не видел. Я сразу же замолчал. Капашин стал уговаривать меня, чтобы я признался в краже, говорил, что они тут не в бирюльки со мной играют, что они и сами без меня уже все знают, что мне будет лучше, если я признаюсь. Я молчал. Тогда Капашин встал, обошел меня вокруг, а затем ударил меня по голове, а потом, обхватив мне рукой горло, начал душить, так что мне нечем стало дышать. Язык у меня вывалился, глаза полезли из орбит, и кто-то сказал Капашину, что хватит. Тот отпустил меня, сел снова напротив, и в это время мужчина в красной рубашке нанес мне удар ногой в бок. От этого удара я упал со стула. Пока я лежал, меня никто не бил. Кто-то сказал мне: «Тебе же не больно. Вставай, не притворяйся». Я встал и снова сел на стул. Мне сказали: «Иди, подумай», — и вывели в коридор. Потом меня снова пригласили в кабинет. Кто-то несколько раз ударил меня по голове. Опять меня уговаривали признаться в краже. Потом снова вывели в коридор и опять ввели обратно. Там мы остались вдвоем с еще одним сотрудником милиции. Он разговаривал со мной по-человечески, не угрожал и не бил; сказал, что он уже семь лет работает в милиции и что, если я действительно совершил преступление, то мое признание нужно не для него, а для меня самого. Тут в кабинет вошел Капашин и еще кто-то. А тот милиционер продолжал. Он сказал, что сам министр в курсе этого дела и им его нужно проинформировать».

Я ответил, что они мне дали хорошую информацию, усмехнулся при этом. И тут мне нанесли сзади и сбоку серию ударов, рассекли бровь так, что у меня пошла кровь. Капашин подал мне какую-то тряпку и сказал: «Утрись». Весь вечер и всю ночь я провел в коридоре РОВД. На следующий день меня снова завели в тот же самый кабинет. И снова били. Примерно в 18.00 я устал и решил признаться в совершенной ночью краже. Попросил бумагу и ручку, чтобы написать явку с повинной. После чего Капашин отвел меня в изолятор. 27 июля утром меня вызвал из наме-

ры милиционер, спрашивал, не совершал ли я еще краж. Я ответил, что больше ничего не совершал. Тогда он сказал: «Ты подумай» — и угрожающим тоном добавил: «А то ребята тебя наверху ждут». 29-го я потерял сознание в туалете ИВС».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДМЕДЭКСПЕРТА: «Гр. Великайн А. С. осмотрен врачом «Скорой помощи», доставлен в горбольницу. Состояние тяжелое. Кожа и видимые слизистые бледные. Пульс — 110 ударов в минуту, ритмичный, слабого наполнения. АД 70/40 мм рт. ст. Тоны сердца приглушены. В поясничной области с обеих сторон гематомы 15,0 × 10,0 см. 29.VII произведена операция — верхнесрединное вскрытие брюшной полости. В брюшной полости — около 2 литров крови со сгустками. При ревизии выявлен разрыв селезенки 6,0 × 2,0 см по ее краю. Имеется также подкапсульная гематома. Произведено удаление селезенки. Диагноз: «Закрытая травма живота, разрыв селезенки. Внутреннее кровотечение. Ушиб поджелудочной железы».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СЛЕСАРИ-МОНТАЖНИКА КОНСТАНТИНА ГАЛАНОВА: «Тогда меня стали бить. Били трое. Один нанес мне несколько ударов кулаком в живот и бил меня кулаками сзади по почкам. Второй — плотный, постарше первого в полуботинках на высоком каблучке. Полуботинки я запомнил хорошо, так как он толкнул меня ботинком в лицо. И третий бил по почкам. Из сейфа достали противогаз, надели его на меня. Потом кто-то сказал, что у него ничего не получается. Другой сказал: «Я сейчас схожу за доктором. Он умеет». Пришел «доктор». Он посоветовал «пытать» в течение двух минут, потом дать передышку не более минуты и пытаться снова. Потом он ушел. Мне перекрыли клапан. Дышать было нечем. Иногда я терял сознание, и тогда они отпускали клапан, чтобы я сделал несколько глотков воздуха».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГРУЗЧИКА ЕВГЕНИЯ МОТИНА: «Калашников ушел и вернулся в кабинет с тяжелым мячом черного цвета (экспертиза установит точный вес — 1960 граммов. — Д. Л.). И, когда я сидел на стуле, он стал меня бить этим мячом по голове. При этом он постоянно твердил, чтобы я признался в краже. Я закрылся руками, а он бил и бил. А потом я уже был настолько вымотан, что сказал ему: «Дайте мне любую бумагу — я подпишу». Потом меня отпустили. А 30 июля в горбольнице мне сделали операцию — вскрывали череп...»

Здание это выстроили пленные немцы сразу же после войны. Не знаю, на какие нужды оно предназначалось тогда, но нынче здесь разместилось Министерство внутренних дел Карельской АССР, а на первом этаже — отдел внутренних дел Октябрьского района города Петрозаводска. Это именно здесь происходили те самые события, о которых «что-то слышали», но даже не смели поверить многие петрозаводчане. Это здесь избивали, калечили людей, попирали их человеческое достоинство.

Несколько раз проходил я мимо мрачного здания, а когда, наконец, зашел, сначала даже удивился обыденности обстановки: недремлющий дежурный, листовки «их разыскивает милиция», крепкие ребята в форме и в штатском, торопливо снующие из кабинета в кабинет. Вот и двести двенадцатый. Тот самый. Навстречу поднялся молодой оперуполномоченный.

— Вам кого?

— Простите. Я, кажется, ошибся. Может, и в самом деле ошибся?

Нет, все въяе. Всего час тому назад шел желто-зелеными коридорами следственного изолятора. Лязг запоров, скрип отодвигающейся решетки, комната для допросов и цепкий взгляд Жени Калашникова, осужденного по статье за незаконные методы дознания.

— Нет, я не хочу говорить с вами... Зачем это нужно?

На нем свежая рубашка, отутюженные, со стрелочкой, брюки.

Женя Калашников любит спорт, бредит футболом. Это его игра. Даже сейчас, в тюрьме, не пропускает ни одного «Футбольного обозрения». В общем-то он так и мыслит свое будущее: окончить «физвос» пединститута, устроиться тренером по футболу в одну из спортивных школ, а там — как сложится. Не сложилось. Комиссия распределила его учителем физкультуры в дальнюю карельскую деревушку, что уж никоим образом не входило в жизненные планы Жени Калашникова. А тут — вроде бы наудачу — запрос из Министерства внутренних дел, мол, просим направить на работу в органы милиции выпускников вешего факультета. Запрос этот, к слову сказать, никого не удивил, потому как все давно уже знали: карельская милиция в основном пополняется выпускниками «физвоса» — там ребята крепкие. В скором времени Женя Калашников оказался в числе новоиспеченных оперуполномоченных и ничуть об этом не сожалел. А потом... Потом был черный набивной мяч.

Откуда это в нем? Какие такие ветры пронесли над человеком, превратили его в жестокого сатрапа?

— Когда надеваешь форму, — разоткровенничался вдруг Женя Калашников, — идешь по городу — ты уже другой человек. Знаете, чувствуете свою власть...

Вспоминаю, как совсем недавно на одной из московских улиц увидел «работу» одного общественного автоинспектора. Общественник этот, несмотря на то, что был уже в годах, резво перемещался из конца в конец крохотного перекрестка, размахивал, словно скипетром, полосатым жезлом и во всю ивановскую орал в мегафон. Его бы и без мегафона всякий услышал, но, видать, с этой штуковиной он самому себе казался значимее. И так, бедняга, от этой значимости обезумел, что забыл про движение, машин не видит, а все больше насаждает на пешеходов. «Быстрее-я-я! Давай, бабка! Чево встал!» — кричит ретивый общественник, а в глазах лишь одно: всех вас, бестии, к ногтю...

Что ж, значит, это власть над людьми сгубила неокрепшие души оперуполномоченных, выходит, попросту задурели парни, возвысившись, не поняли, не разобрались?

— У народа, — сказал вдруг Женя, — такая милиция, которую он заслуживает.

Сделалось страшно. Потом, когда шел желто-зелеными коридорами,

подумал: «Нет, милый, это не твое». Но чье?

Из разговоров с людьми, тем или иным образом причастными к расследованию петрозаводского дела, постепенно вырисовывалась фигура бывшего заместителя начальника Октябрьского РОВД, бывшего коммуниста Рынцина. Этот инструктор по карате сочетал в себе роли сансэя, то бишь духовного учителя, и наставника молодых оперуполномоченных. Чему же научил своих подчиненных такой, с позволения сказать, руководитель? Добродетели? Состраданию? Нет, скорее иным постулатам.

Но как бы ни хотелось мне объяснить карельскую историю нравственным уродством ее участников, ограничиться этим все же не могу. Ибо с арестом Капашинова и Калашникова история не закончилась, а, наоборот, только начиналась.

II

Карелия — милый всякому сердцу край. Невесомая красота Кижей, угрюмый Валаам, синь озер, свежесть лесов. Хорошо в Карелии! В свое время по отчетам некоторых инспекторов из МВД СССР здесь тоже стояла тихая благодать: раскрываемость преступлений хорошая, профилактика на уровне — чего еще надо. Инспектора любили ездить в Карелию. Тут тебе и рыбалка, и охота, и финская сауна...

Министр внутренних дел Карелии генерал-майор Мяукин слыл по своему ведомству добропорядочным, хлебосольным хозяином, человеком рассудительным и строгим. Выходец из гущи народной, в свое время он возглавлял карельскую комсомольскую, в сорок лет стал министром, получил генеральский чин и по-приятельски заходил в самые высокие кабинеты. А потому и критиковать работу МВД Карелии было как-то не принято, разве что по мелочам, да и то не критиковать, а лишь пожуришь для видимости: мол, усилие, организуйте, разберитесь. Так оно и шло ровно четырнадцать лет.

Но вот в высокие кабинеты пришли новые люди, и 26 апреля 1984 года состоялось заседание бюро Карельского обкома КПСС, обсудившее работу МВД республики по укреплению правопорядка и борьбе с преступностью. Разговор в отличие от прежних времен оказался нелюбопытным, даже резким. Члены бюро обкома высказали свою неудовлетворенность положением дел в ведомстве Мяукина.

Не прошло и года — новый прокурор республики возбудил уголовное дело в отношении двух оперуполномоченных Октябрьского РОВД, предъявив обвинение в незаконных методах дознания. В прежние времена подобное даже трудно было представить. С проштрафившимися милиционерами, как правило, разбирались сугубо келейно, по административной линии, в лучшем случае объявляли выговоры, в худшем — увольняли. Но чтобы вот так, сразу под статью?!

Прокурор республики Владимир Михайлович Богданов, к моему удивлению, оказался человеком по натуре мягким. Даже не верилось, что это именно он целый год наперекор всевозможным провокациям бился за торжество справедливости. Бился и добился — таки своего.

Раньше я работал в прокуратуре Архангельской области, — рассказывает Владимир Михайлович, — потом назначили прокурором Карелии. Приехал в Петрозаводск, начал присматриваться. Вижу — в органах внутренних дел явный беспорядок: неза-

конные отказы в возбуждении уголовных дел, волокита и прочее. А тут заявления граждан о фактах избияния в Октябрьском РОВД. Оставить их без внимания было бы просто преступно...

18 ноября 1985 года прокурор дал санкцию на арест Капашинова. На следующий день уголовный розыск Октябрьского РОВД почти в полном составе явился в обком партии. Выдвигались требования: немедленно освободить Капашинова и прекратить «произвол» со стороны прокуратуры республики. Им объяснили: не надо раньше времени горячиться, успокойтесь, товарищи.

Но товарищи не успокоились.

Из письма прокурора Карельской АССР старшего советника юстиции В. М. БОГДАНОВА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАРЕЛЬСКОЙ АССР ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ МИЛИЦИИ В. П. МЯУКИНУ.

«Также доведу до вашего сведения, что свидетели Мухин и Мотин подвергались постоянному давлению и шантажу со стороны сотрудников Октябрьского РОВД с целью отказа от показаний. В конце ноября Мотин дважды доставлялся из дома в РОВД, где у него выясняли, вызывали ли его в прокуратуру, и предлагали ему не сообщать об избиянии работниками милиции. Он подвергался давлению и угрозам. Последний раз он был доставлен утром 16.12.85 во время следования на работу, где в течение пяти часов подвергался такому же давлению, после чего вынужден был написать заявление в милицию об отказе от своих показаний.

Предлагаю принять незамедлительные меры к пресечению фактов беззакония и произвола со стороны сотрудников милиции в отношении Мотина, Мухина и других лиц по настоящему делу».

Из докладной записки прокурора Карельской АССР В. М. БОГДАНОВА ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРОКУРАТОРА РСФСР ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕТНИКУ ЮСТИЦИИ 3-го КЛАССА И. С. ЗЕМЛЯНИШИНУ.

«...7 декабря 1985 года с этой же целью был доставлен к «начальнику уголовного розыска» в ОВД потерпевший Мухин С. Ю., которого неустановленные сотрудники милиции поставили перед выбором: либо он отказывается от своих показаний об избиянии его в милиции и уговаривает отказаться от показаний других потерпевших, либо будет привлечен к уголовной ответственности за причастность к убийству и оказание сопротивления сотрудникам милиции.

Указанные безобразия, продолжающиеся в течение всего следствия, стали возможны потому, что они не только не пресекаются, а, наоборот, поощряются руководством министерства. Цель такого поведения одна — скрыть произвол, творящийся в Октябрьском РОВД, увести от ответственности как непосредственных виновников, так и себя лично».

— Вы знаете, не хотелось идти на работу, — вспоминает о том времени прокурор следственного управления Тамара Андреевна Разумовская. — Потому как знаешь — домой вернешься словно избитая. Свидетели и обвиняемые вели себя вызывающе, провоцировали на грубость. Мы приглашаем их для проведения каких-нибудь следственных действий, они не являются. Люди-то они по части юрисдикции грамотные, а потому, конечно же, делали это сознательно. Цель была одна — затянуть следствие, а затем попытаться спустить дело на тормозах. Ну и, естественно, угрожали нам расправой и по телефону, и прямо в лицо. Страшно было. Но мы выстояли.

Старший следователь прокуратуры Петрозаводска Андрей Евгеньевич Петров начинал дело о милиции. Он тоже испытывал на себе всю силу противодействия МВД республики.

— Я раньше работал в прокуратуре Октябрьского района, — рассказы-

вает Петров, — и всех их прекрасно знаю. Когда началось следствие, они даже обрадовались: мол, свой человек ведет, это хорошо. Я звонил им, вызывал на допросы, они тут же являлись. Все так хорошо, мило... Но вот я понял, что они действительно били Великайна. Начал проводить следственные действия, очные ставки. И тут они замкнулись, тут пошли угрозы. Вроде бы даже и покушение готовилось. Ну, и по телефону, само собой разумеется, звонили: «Андрей, а ты уже застраховал свою жизнь?», «Андрей, а ты присмотрел себе местечко на кладбище?». Вот так.

Из докладной записки прокурора Карельской АССР В. БОГДАНОВА.

«Когда расследование пошло не по сценарию, разработанному в органах внутренних дел, мы столкнулись с таким мощным противодействием, что трудно даже себе представить. Возглавлял противодействие заместитель министра внутренних дел Акимов Б. А. Его ближайшими помощниками были зам. начальника Октябрьского РОВД Рынцин и начальник отделения уголовного розыска РОВД Анохин.

В работу по противодействию был включен полностью отдел уголовного розыска Октябрьского РОВД, работники МВД республики, замначальника тюрьмы.

Первое, что было предпринято Акимовым, — это направление в ряд районов работников министерства для сбора «компры» на работников прокуратуры с целью последующего давления.

В ход были пущены такие средства, как письма клеветнического характера родственникам, составленные под диктовку работников уголовного розыска, угрозы расправы, оскорбления работников прокуратуры. За работниками прокуратуры была установлена слежка.

Использовались также шантаж, угрозы в отношении свидетелей, потерпевших. Людей хватили на улице, вытаскивали из квартир, доставляли в Октябрьский РОВД, где заставляли отказать от показаний.

Зафиксировано более сорока случаев неявки сотрудников милиции для проведения следственных действий. Расчет Акимова был очень прост: затянута расследование до бесконечности и в этой волоките похоронить дело.

На адвоката было собрано 1500 рублей. Нанимать адвоката ездили не родственники, а начальник одного из отделов МВД Карельской АССР. Встреча и проводы адвоката были обеспечены МВД Карельской АССР на уровне начальника отдела. Адвокат был обеспечен и служебным транспортом министерства.

11 января 1986 года два человека, один из которых был одет в форменную шубу сотрудника милиции, кричали в мегафон, обращенный в сторону следственного изолятора: «Будьте спокойны, у нас все нормально. Выйдете — мы вас встретим достойно».

К тому времени, когда я приехал в Петрозаводск, противодействие было сломлено. Это стало возможным только после вмешательства Прокуратуры СССР, МВД СССР, областного комитета партии. Только после этого следствие вошло в русло нормальной работы. А вскоре судебной коллегией Верховного суда Карельской АССР Калашников был осужден к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы, а его коллега Капашин — к 3 годам условно. На заседании бюро обкома КПСС за серьезные ошибки в работе, непринятие мер по пресечению фактов нарушения законности члену КПСС Мяукину объявлен выговор, заместителю министра внутренних дел Ширкову, Акимову, начальнику ОУР Карельской АССР Стеблецову — строгие выговоры с занесением в учетную карточку. Приказом министра внутренних дел СССР министр Мяукин, его заместители Ширков, Акимов, начальник Октябрьского РОВД Стрельченко, его заместитель Рынцин освобождены от занимаемых должностей.

Что ж, меры, как говорится, приняты, но один вопрос так и не давал покоя. Хорошо, противодействие

сломлено, но почему оно, собственно, стало возможным? Мало того — длилось целый год.

Секретарь Карельского обкома КПСС О. А. Ленсу был предельно откровенен.

— Понимаете, в чем дело, — объяснил Ойво Андреевич, — поначалу мы даже не знали, кого слушать: новый прокурор говорит, что милиционеры виновны, а в МВД — что все это наговор. Теперь-то я понимаю, что министерство защищало честь мундира, но тогда-тогда все было неясно. Решили так: следствие должно быть закончено в спокойной обстановке. Мяукин вроде бы согласился с таким решением, однако на деле продолжал гнуть свою линию.

— Но ведь существовали же политотдел, парторганизация министерства. Они-то что?

— Видите ли, уже давно сложилась такая ситуация, когда политотдел никоим образом не мог влиять на министра, министр не слушал секретаря партийной организации. Словом, очень долгое время как такового влияния обкома на МВД республики не было...

А не в этом ли, собственно, и коренятся причины карельской истории? Не потому ли так беззастенчиво издевались над людьми оперуполномоченные, а Министерство внутренних дел республики развязало кампанию противодействия делу восстановления законности и вообще справедливости? Не потому ли, что, облаченные в мундиры, они чувствовали свою безнаказанность, словно мундиры их были бронированными, словно и быть не может на них управы закона?

А случись все иначе, не выдержали прокурор республики этой изнуряющей борьбы — что тогда?

Попробуем, как говорят психологи, смоделировать ситуацию. Во-первых, дело бы непременно свернули, а милиционеров на глазах всего честного народа оправдали, да еще, пожалуй, повысили в звании. Затем бы приняли за прокурора республики. В-третьих, продолжали бы работать, как прежде: бить кого ни попадя, добиваясь тем самым залихватского процента вскрываемости преступлений. А в-четвертых, рывкнули бы во все свои луженные глотки: «Не троны! А то ка-а-ак дам!» Мол, справедливость — это не для всех, а правосудие не для судей. Такое уже случалось в нашей истории, и забывать об этом не след. *Pereat mundus et fiat justitia* — правосудие должно совершаться, хотя бы погиб мир. Как же созвучны слова этого древнего латинского изречения духу и букве недавнего Пленума ЦК КПСС: социальная справедливость, торжество правды, закона — это должно быть превыше всего.

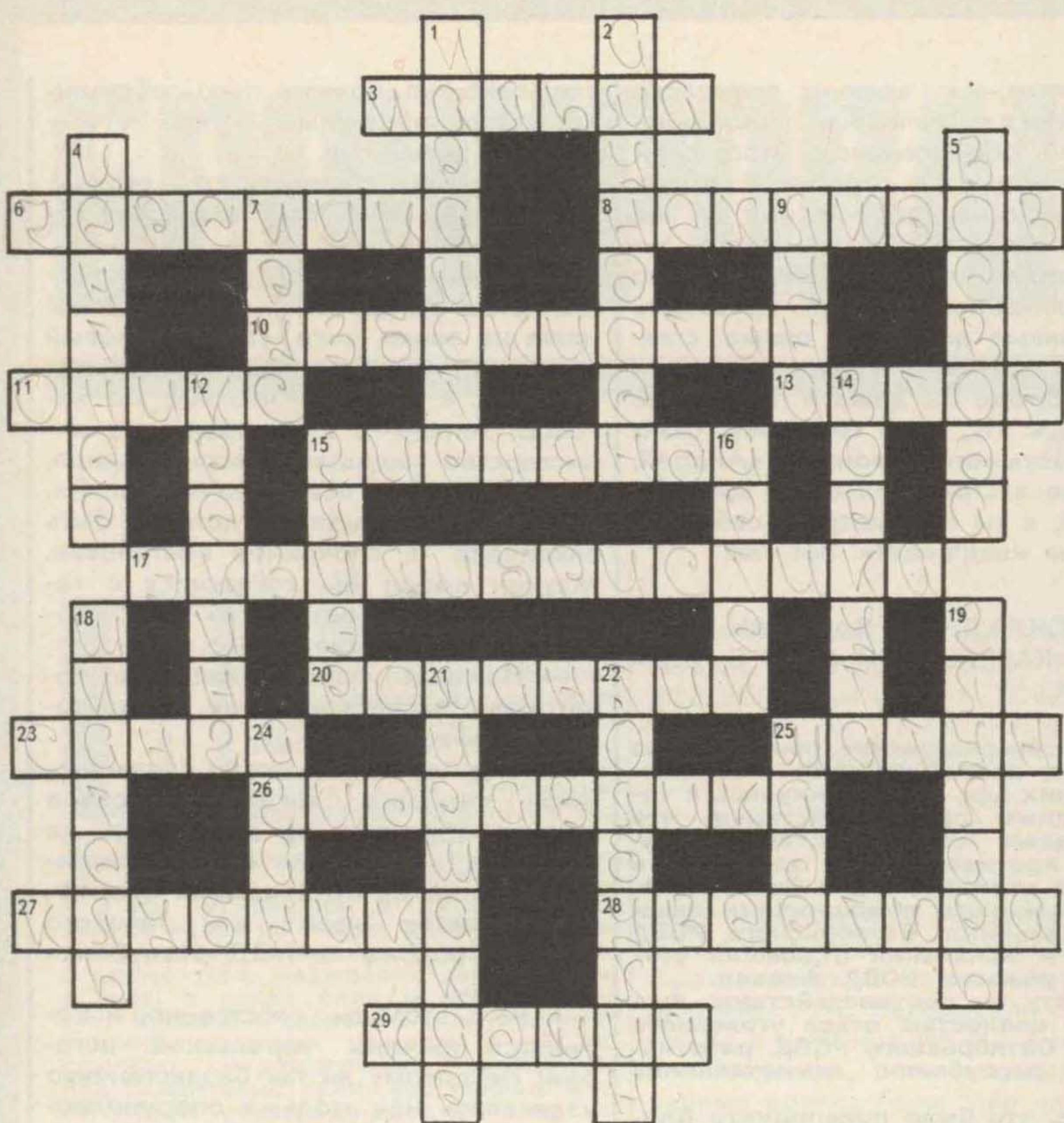
III

...На моей памяти — двухгодичной давности поездка в Куйбышев, где познакомился с подвигом инспектора ГАИ Саши Соколова, представившего свой патрульный «Жигуленок» под многотонный удар «КраЗа» с пьяным водителем за рулем. На моей, на общей нашей памяти сотни, тысячи газетных сообщений о награждении милиционеров медалями и орденами. Многих из них посмертно... Поклон им! И большая человеческая благодарность.

Но и иное на памяти. От этого, как бы ни хотел, не избавиться, не отмахнуться. Те, что в «бронированных мундирах», бросают черную тень на всех остальных.

Вот в чем беда.

Петрозаводск — Москва.

По горизонтали: 3. Южное вечнозеленое дерево. 6. Кровельный материал. 8. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 10. Союзная советская республика. 11. Минерал, разновидность агата. 13. Создатель литературного или художественного произведения, проекта. 15. Сплетенные ветви, цветы. 17. Жанр циркового искусства. 20. Рассказ М. Горького. 23. Приток реки Конго. 25. Деталь кривошипного механизма. 26. Наука, изучающая законы движения и равновесия жидкостей. 27. Род земляники. 28. Оркестровое вступление к опере, балету. 29. Химический элемент, металл.

По вертикали: 1. Величина, характеризующая основное свойство процесса, явления, системы. 2. Норвежский полярный путешественник, исследователь. 4. Единица веса. 5. Опера П. И. Чайковского. 7. Польский писатель. 9. Естественный спутник Земли. 12. Переработка нефти. 14. Город в Коми АССР. 15. Советский композитор, народный артист СССР. 16. Всесоюзный пионерский лагерь. 18. Инструмент живописца. 19. Лесная птица семейства тетеревиных. 21. Народный поэт Таджикистана. 22. Маршал Советского Союза. 24. Река в Западной Сибири. 25. Советский скульптор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 7. Памфлет. 8. Обручев. 9. Веронезе. 10. Штанга. 12. Равель. 14. Каунас. 16. Гагара. 17. Октант. 18. Есенин. 20. Ватман. 22. Аляска. 25. Дурова. 27. Штраух. 28. Панорама. 29. «Баядера». 30. Зарянка.

По вертикали: 1. «Мальва». 2. «Вертер». 3. Фаллада. 4. Шторка. 5. Морена. 6. Веттерн. 11. Глазунов. 13. Аттестат. 14. Калина. 15. Сосьва. 19. Сурабая. 21. Арабика. 23. Лантан. 24. Кванза. 26. Апрель. 27. Шафран.

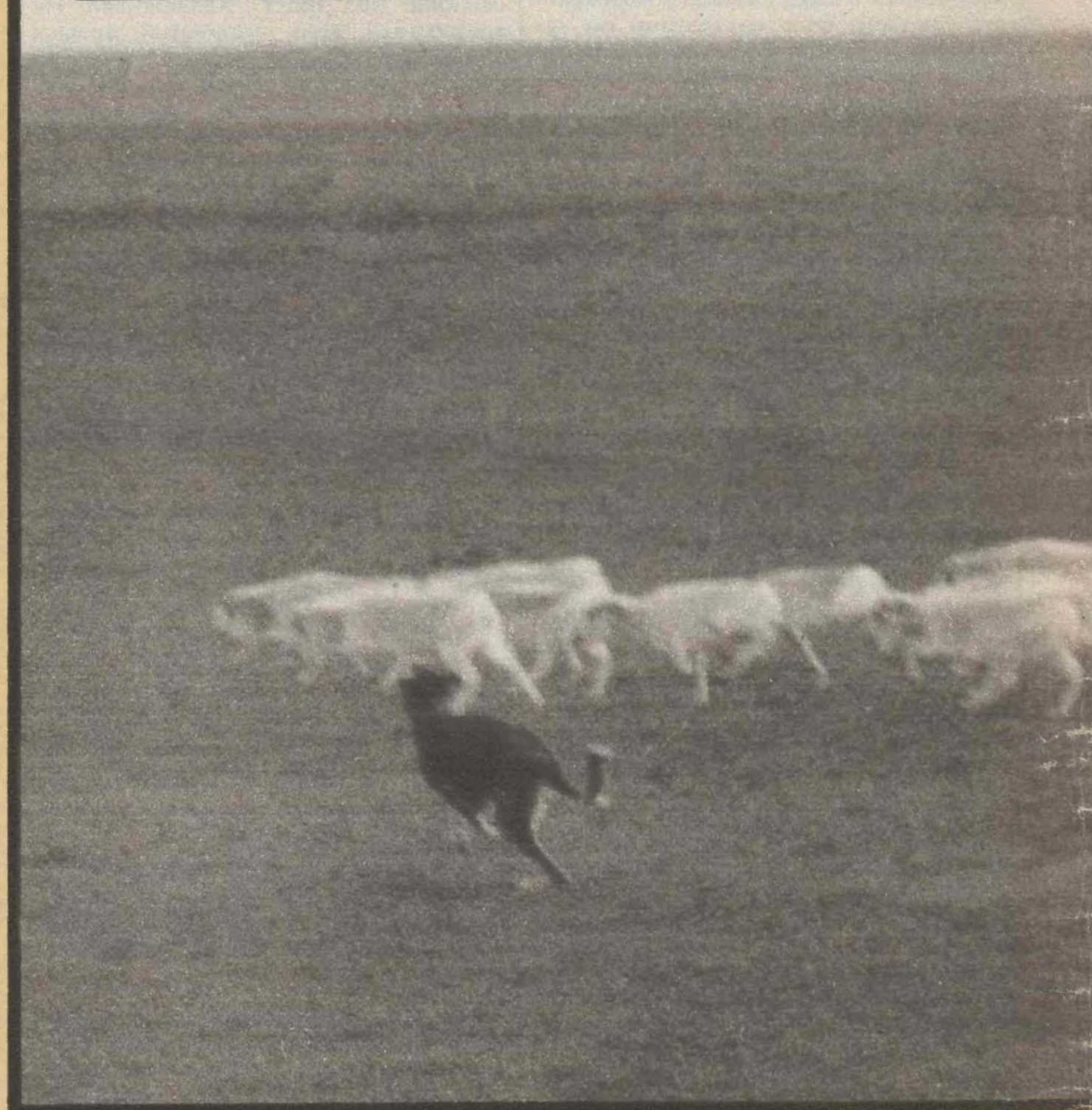
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

С той давней поры прошло тридцать лет. Что осталось в них от тех, тогдашних? Они изменились, но в чем? Попытались ли они «изменить» время?

Рассказ о встрече Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Булата Окуджавы и интервью с ними, а также беседа с Беллой Ахмадулиной корреспондента «Огонька» Феликса Медведева читайте в девятом номере «Огонька».

ЭКОЛОГИЧ

В МИРЕ ПРИРОДЫ

С

транные это были два автомобиля. Не формой своей, конечно, — грузовики как грузовики, а тем, что маячили они в степях Калмыкии вот уже без малого два месяца, примелькались. «Кто такие? Не браконьеры ли?» Это в первую очередь интересовало милиционный патруль, который остановил автомобили и потребовал их досмотра. Но сидевшие в кабинах люди отказались открыть кузова, вернее, отказались сделать это на трассе.

Пришлось проехать в отделение милиции.

В машинах оказались собаки. Русские псовые борзые, степные, хортые и даже ирландский волкодав. Браконьерской поживы не было и в помине. Не переставая удивляться этому обстоятельству, старший милиционного патруля, капитан по званию, попросил все же рассказать подробнее, кто такие, зачем и откуда. Так он стал, вероятно, одним из первых посторонних, кто узнал о необычном эксперименте, который проводит Институт эволюционной морфологии и экологии животных совместно с биологическим факультетом МГУ имени М. В. Ломоносова.

Взаимодействие хищника и его жертвы в природе — так можно вкратце сформулировать то, что изучают в этом эксперименте.

Сейчас уже невозможно точно сказать, кто первым произнес фразу: «Волки съедают мясо, которое могли бы съесть мы». Не исключено, что ее автором был пещерный человек. Споры на эту тему и по сей день продолжаются как в научных кругах, так и в печати. Периодические «приливы» и «отливы» борьбы с волками говорят о том, что вопрос этот еще далек от своего окончательного разрешения.

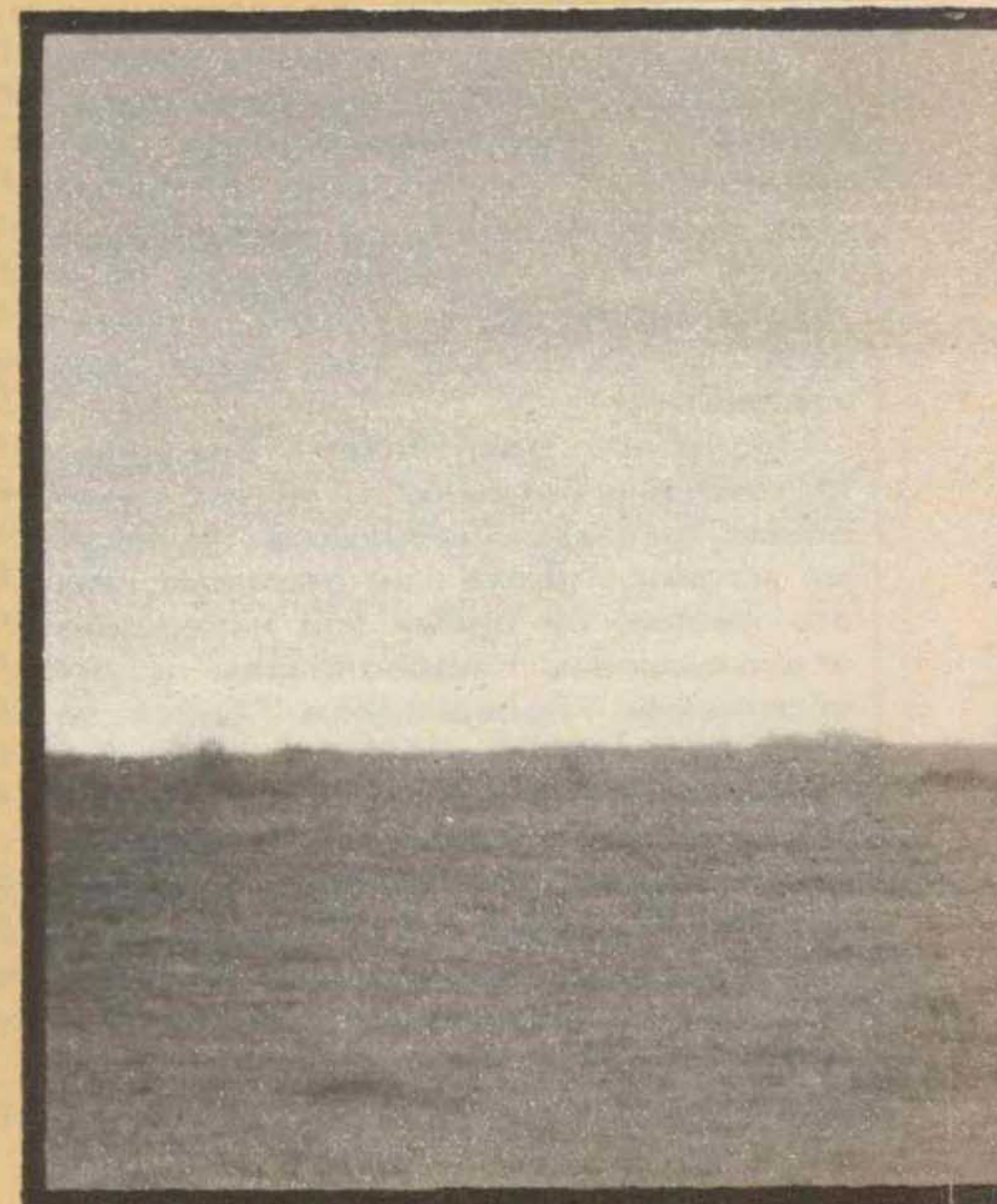
На кого же все-таки нападает волк? Действительно ли он съедает «наше» мясо? По поводу последнего можно заявить со всей категоричностью: «Нет!» К такому выводу пришли сегодня большинство ученых, занимающихся систематическим изучением жизни волков.

Мы беседуем с начальником научно-экспедиционного отряда Института эволюционной морфологии и экологии животных Анной Шубкиной.

— Если условно разделить людей на защитников и противников волков, то у каждого найдутся аргументы в защиту своей позиции, — рассказывает она. — Но вот что характерно. Многие обстоятельства здесь связаны не столько с поведением самих волков, сколько с конкретной хозяйственной деятельностью человека, который во многих случаях не прочь списать на этих животных свою нерасправу.

— Анна Владимировна, а во что обходится сегодня сам отстрел волков, если он проводится, так сказать, в плановом порядке?

— Известны случаи — и они не единичны, — когда для того, чтобы подстрелить пару волков и предъ-

ЕСКИЙ ДУБЛЕР

Андрей СОКОЛОВ,
фото Игоря ГНЕВАШЕВА

ЭКСПЕРИМЕНТ В СТЕПЯХ КАЛМЫКИИ ●
ЧЬЕ МЯСО СЪЕДАЕТ ВОЛК ●
ОХОТА БЕЗ ВЫСТРЕЛОВ ●

ми подтвердили правильность выбора, сделанного учеными. Борзая стала «экологическим дублером» волка. При таком виде охоты нет ни одного подранка, идет естественное состязание двух зверей.

— Нельзя назвать это охотой в полном смысле слова, — говорит Анна Шубкина. — Наша цель — увидеть и понять, что происходит в природе. Местные охотники посмеивались над нами: проходил день, второй, третий, а мы оставались, по их понятиям, без добычи. Но для нас это тоже результат. Значит, мы не встретили больных животных.

Собаки движутся на сайганов, вспугивая отдельные группы, и лишь потом выбирают какое-то животное, нередко из середины стада. Да, иногда животное хромает, отстает или почему-то бежит в сторону. Это явные отклонения в поведении, их видит и человек. Но почему собаки подчас обгоняют отстающих и берут совсем других? Сейчас ясно одно: они берут не любого, их работа носит явно селективный характер. У всех взятых ими сайганов мы в результате патологоанатомического исследования, которое проводилось в каждом случае, находили серьезные функциональные нарушения в состоянии внутренних органов.

Среди тех выводов, которые уже сделаны учеными, есть и такие немаловажные, как доказанная возможность избирательного изъятия из стада нездоровых сайганов и вполне оправданная уверенность в том, что в некоторых типах экологических систем можно при необходимости заменять волка.

— К сожалению, такая необходимость уже существует, — продолжает Анна Шубкина. — Все дело в том, что, к нашему глубочайшему сожалению и стыду, по вине человека уже не удается сохранять природу в том виде, какой она была, скажем, десятилетия назад. И поэтому нужно не только отдавать себе отчет в реальном, неутешительном положении вещей, но и планировать возможные меры помощи природе, такие в том числе, как дублирование функций некоторых животных.

явить их: «Вот, дескать, враги наши, от них все беды», — за сотни километров, в соседние области гоняли вертолеты, не считаясь ни с какими затратами. Сегодня, например, стоимость добычи одного волка на Чукотке при охоте с вертолета составляет 2300 рублей! Не дороговато ли?

А теперь о так называемом ущербе от волков. Вот что говорится об этом в монографии «Волк», выпущенной в издательстве «Наука»:

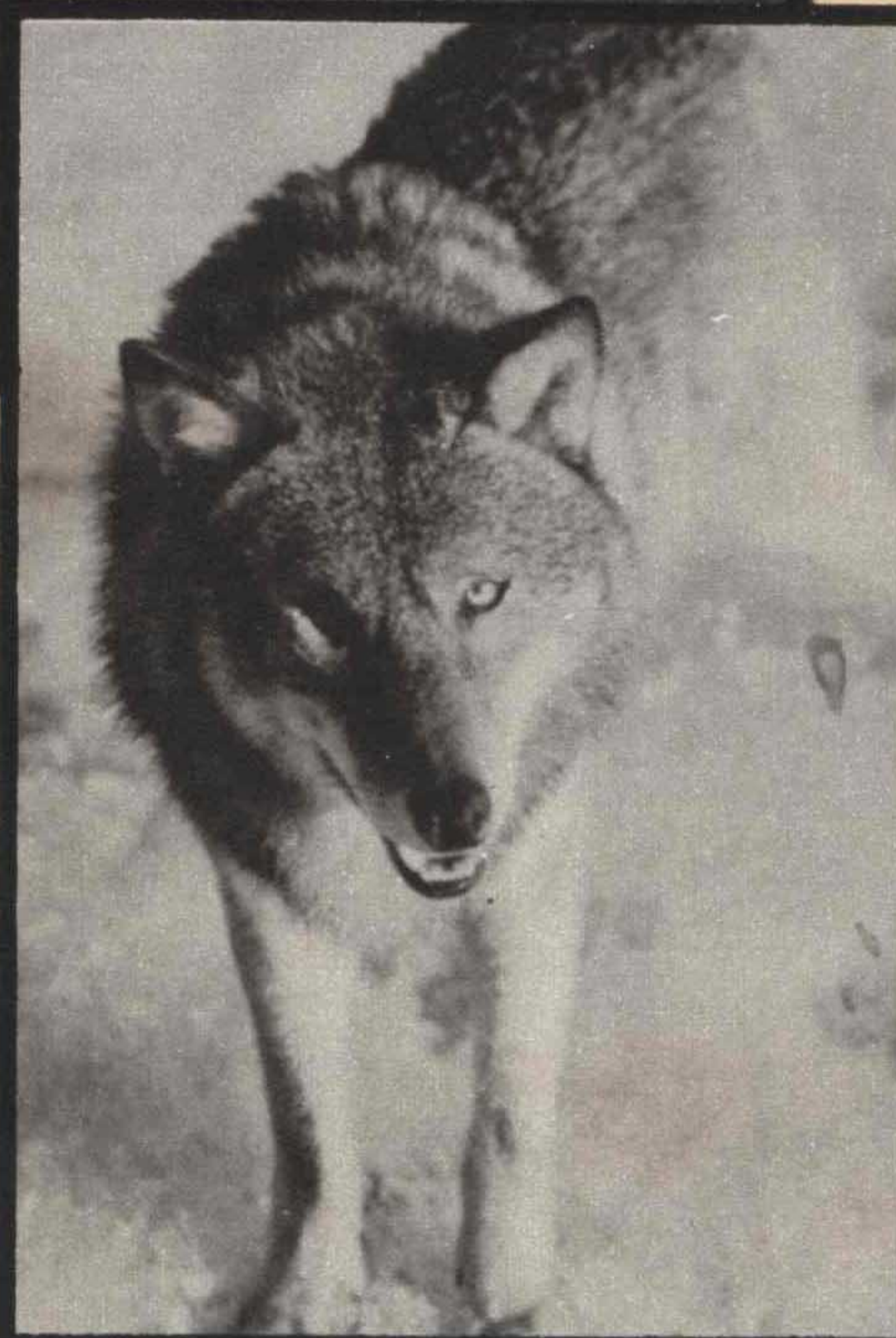
«...Данные о вреде, наносимом волком животноводству, не всегда достаточно надежны... они отрывочны, часто страдают субъективным подходом...»

Вот московские ученые и предложили провести исследования с помощью модели «хищник — жертва». Но кто будет «хищником»? Ведь с самим волком работать очень трудно и опасно. Выбор пал на борзых. Жертвой,

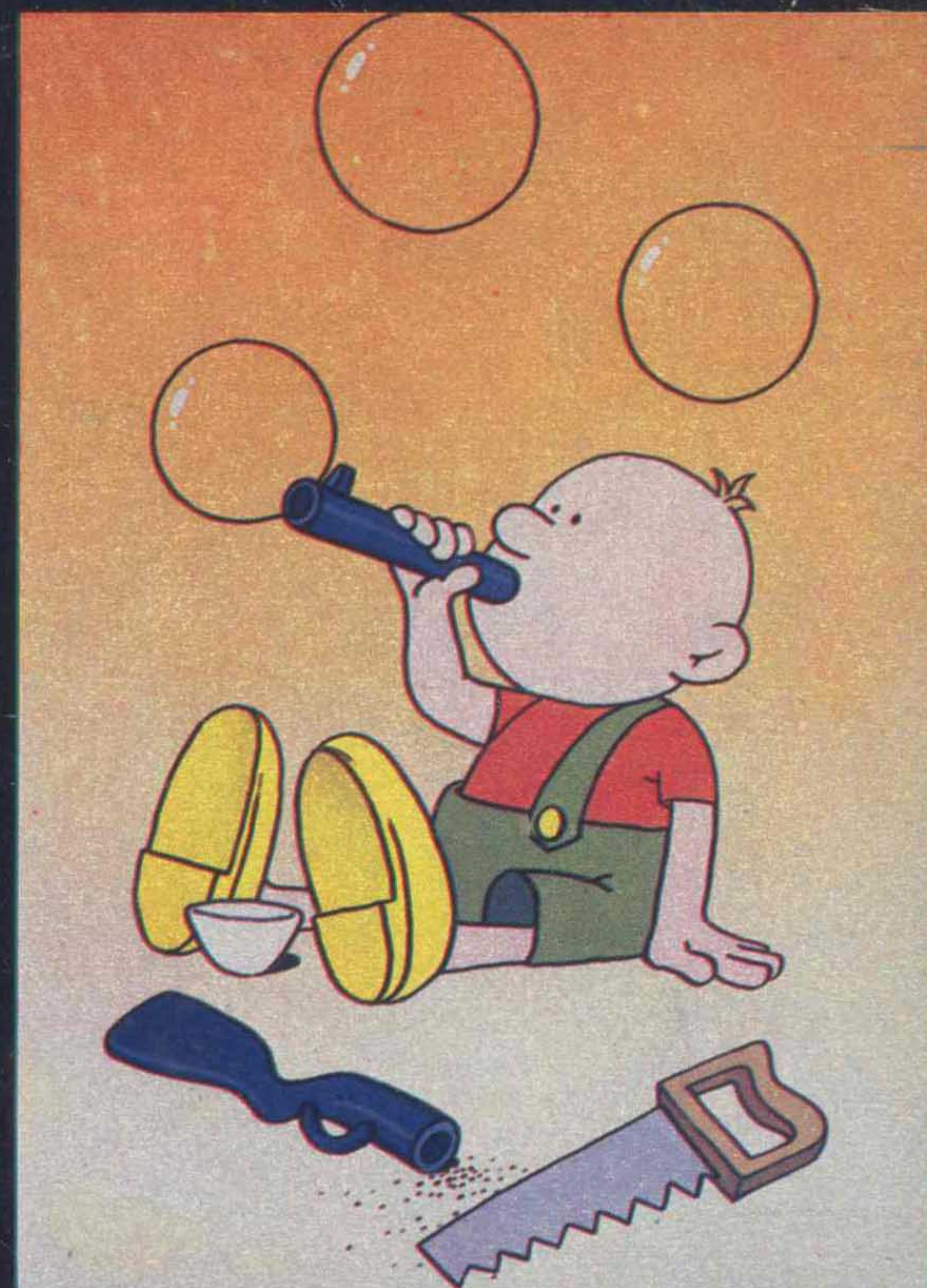
реальной, без навыков, стали сайгаки.

— Не опасаетесь, что кто-то упрекнет вас в жестокости?

— С таким выводом не стоит торопиться. Лучше подумать, не была ли жестокостью по отношению к сайганам их плановая добыча за последние 15—20 лет? Их били из-под фар автомобилей, мотоциклами их сгоняли в кольцо и вели отстрел. Всегда старались выбрать тех, кто покрупнее, а значит, самых здоровых и выносливых. Даже при таком «гуманном» методе, как загон в кораль, — тот же результат: до коралля добегали самые сильные животные, именно они и были обречены. В итоге средний вес сайгака уменьшился почти вдвое. Так начиналось вырождение. В 1984 году состояние этого животного было признано угрожающим, охота на него временно запрещена. Первые же эксперименты с собаками

In the Name of Life

Международный конкурс плаката — это всегда яркое событие. Таким стал и недавний смотр, проходивший под девизом «За мир и социальный прогресс». Художники пятидесяти трех стран прислали в Москву свыше четырех тысяч плакатных листов, разных по своим стилистическим особенностям, но объединенных одной идеей, одной стержневой мыслью: мир сегодня — это главная надежда всех людей планеты.

По количеству стран-участниц конкурс был самым представительным за последнее время. Художники из СССР, США, Монголии, Польши, Чехословакии, Мексики, Болгарии, Кубы, Финляндии и Японии вошли в авторитетное жюри...

Было присуждено тридцать три премии, и в числе первых оказались советские художники. Надо отметить, что работа жюри была дружной, целенаправленной и очень живой. Рождались споры, проходили дискуссии. Одна любопытная деталь. В период общей работы я и мой коллега, член жюри Филип Рисбек из США создали совместный плакат о мире. Он так и назывался «Мир в космосе — мир на Земле».

Оригинал был тут же отпечатан в издательстве «Плакат», и Рисбек увез с собой в США часть тиража.

Олег САВОСТЬЮК,
народный художник РСФСР

И. Петров. (НРБ).
ВО ИМЯ ЖИЗНИ.

А. Измайлов,
К. Хотяновский.
(СССР).
СУДЬБА ПЛАНЕТЫ —
ТВОЯ СУДЬБА.

Э. и Л. Чисариковы.
(ЧССР).
МИР.

В. Ерко, И. Хара.
(СССР).
Я ОДИН
НЕ СПРАВЛЮСЬ!

ОГОНЁК

